

Глава II.

СТРОГАНОВСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1859–1881)

2.1. Первый год работы Комиссии

Создание Императорской археологической комиссии, как уже было сказано выше, можно признать закономерным итогом и развитием наметившихся ранее тенденций. В «Положении» о её организации, которое было подписано Александром II 2 февраля 1859 г., естественно, задачи изучения памятников античности специально не оговаривались. В § 1 этого документа сказано, что Археологическая комиссия имеет целью «разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией». Нет сомнения, однако, что работа археологов, как и ранее, была ориентирована, прежде всего, на раскопки курганов юга России, обещавших открытие новых произведений античного искусства для Императорского Эрмитажа. Первый председатель комиссии С.Г. Строганов при этом считал, что археологические изыскания в Керчи являются самыми важными в России [Ф. I, 1859 г., д. 7, л. 14]¹. В кратком историческом очерке деятельности комиссии, датированном 31 декабря 1881 г. и до сих пор оставшемся не изданным, читаем [1859 г., д. 1, л. 24]:

«Археологическая комиссия с самого начала своего существования обратила главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском прибрежье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами. Раскопки в этих местностях, произведённые ею с этой целью в течение 23-х лет, привели к открытию огромного количества любопытнейших памятников древности и обогатили Императорский Эрмитаж целиком рядом замечательнейших, изящных и ценных художественных произведений древнего мира».

Немного забегая вперёд, можно заметить, что среди главных археологических

¹ Все материалы, относящиеся к деятельности Императорской археологической комиссии, в Научном архиве ИИМК РАН выделены в Фонд I, поэтому в дальнейшем специальные указания на него будут упускаться.

открытый в процитированном документе названы такие погребальные памятники Боспора, как Большая Близница, Артюховский и Семибратные курганы. Эти же самые слова были повторены в письме, направленном С.Г. Строганову императором Александром III 13 марта 1882 г., в котором была выражена монаршья милость и благосклонность, а также благодарность председателю Археологической комиссии за проделанную работу [1882 г., д. 13, л. 5-6], то же самое читаем в очерке деятельности Археологической комиссии времени царствования Александра III [1900 г., д. 174, л. 4]. Оценивая все эти факты, можно в полной мере согласиться с исследователями, считавшими, что Археологическая комиссия занималась, главным образом, изучением античной культуры Северного Причерноморья [см.: Жебелёв, 1923, с. 108, 111; 1955, с. 14; Формозов, 1986, с. 154].

В § 3 «Положения» констатируется, что в заведовании Комиссии состоят Керченский музей древностей (музей, как тогда ещё порой говорили) и Римская комиссия археологических изысканий. Первое учреждение, как уже говорилось, активно функционировало с 1826 г., а вот второе почти не существовало, во всяком случае, в изучении древностей фактически не принимало участия². Не удивительно, что её порой по ошибке называли Крымской комиссией археологических разысканий [Данилов, 1886, с. 37; Миронов, 1900а, с. 258], хотя таковая никогда в реальности не существовала, но археологические исследования в Крыму всё-таки производились.

Для укомплектования всех обозначенных учреждений по штатному расписанию, конечно, не хватало квалифицированных специалистов. Система подготовки кадров для научной деятельности по этой отрасли знания в России просто отсутствовала! Императорская археологическая комиссия тоже столкнулась с этой проблемой, хотя её штат был утверждён в количестве всего 8 человек: председатель, старший член, двое младших членов, производитель дел, журналист, канцелярский чиновник и художник. Однако с замещением даже столь малого количества вакантных должностей возникли проблемы, во всяком случае, по ежегодной росписи личного состава вплоть до 1880 г. в Комиссии значились максимум пять сотрудников [1859 г., д. 1, л. 23]. П.С. Яковлев даже считал, что по этой причине деятельность данного учреждения носила «несколько официальный характер»

² Создание Римской комиссии археологических разысканий было связано с тем, что в 1846 г. русское правительство приобрело участок земли на Палатинском холме в Риме. На следующий год итальянский археолог Весковала начал производить здесь раскопки. Римская комиссия была создана для наблюдения за ними [Охрана памятников, 1978, с. 334, прим. 16]. На момент вхождения в Археологическую комиссию она состояла всего из двух человек: её заведующим был князь Г.П. Волконский, а помощником заведующего – С.А. Гедеонов. Последний стал во главе Комиссии в 1861 г., тогда к ней был причислен князь А.Х. Ливен. Одной из задач деятельности Римской комиссии, которая специально обозначалась в документах того времени, являлись отнюдь не археологические раскопки, а попечительство над находящимися в Риме пансионерами Академии художеств.

Глава II

[Яковлев, 1888, с. 20]. В Керченском музее к тому времени трудились всего два археолога: директор А.Е. Люценко, занимавший эту должность, как уже говорилось, с марта 1853 г. [1877 г., д. 9, л. 24; об учёном см.: Лазенкова, 2001а; 2003, с. 23 сл.; Зуев, 2007], и его помощник К.Р. Бегичев [о нём см.: Лазенкова, 2003, с. 28-29].

Выше уже было сказано, что первым председателем Императорской археологической комиссии был назначен граф С.Г. Строганов. Одним из сотрудников новой организации стал П.С. Савельев, ближайший помощник С.Г. Строганова [о нём см.: Григорьев, 1861; Тункина, 2002, с. 255], но он не проработал здесь и трёх месяцев, поскольку скончался в мае 1859 г. На должность младшего члена был приглашён И.Е. Забелин, ранее трудившийся архивариусом Московской дворцовой конторы [о нём см.: Формозов, 1984; Алексеев, 2004; Панкратова, 2008а]. Производителем дел Комиссии был принят А.С. Линевич, который в 1853-55 гг. работал в Керченском музее, но ушёл оттуда по болезни и домашним обстоятельствам и проживал в С-Петербурге. Первый художник Комиссии – И.Н. Медведев. К Археологической комиссии были причислены также ещё два человека: академик Академии художеств Ф.Г. Солнцев и титулярный советник И.П. Волконский [1859 г., д. 25, л. 4-5].

Некоторые из сотрудников вскоре получили поощрения: А.Е. Люценко за успешные раскопки 1858 г. (о них см. главу 1.4) получил ценный подарок в размере 600 руб. серебром, А.С. Линевич и И.Н. Медведев за оформление археологической документации, оставшейся после смерти Л.А. Перовского, – соответственно 500 и 250 руб. серебром [1859 г., д. 7, л. 4]. Не заставили себя долго ждать и повышения званий, впрочем, за выслугу лет: И.Е. Забелин получил звание коллежского асессора, И.Н. Медведев – коллежского секретаря и А.С. Линевич – титулярного секретаря [1859 г., д. 16, л. 7].

Несмотря на довольно солидные награды, необходимо признать, что финансирование, точнее его недостаточность, сразу стало серьёзной проблемой в работе Императорской археологической комиссии. Первоначально на нужды Комиссии и Керченского музея планировалось выделять ежегодно 17 764 рубля. Фактически в эту сумму никогда не укладывались, расходы достигали 24 730 (1862 г.), 30 348 (1867 г.), 39 403 (1873 г.), 22 398 руб. (1879 г.). К 1880 г. общие расходы на археологическое ведомство Российской империи составили 533 297 руб. [1859 г., д. 1, л. 23]. Другая проблема заключалась в нехватке помещений. Несмотря на просьбы С.Г. Строганова выделить для Комиссии квартиру в одном из домов, принадлежащих Министерству императорского двора, свободных помещений в этом ведомстве не нашлось. Канцелярию, архив и библиотеку Комиссии пришлось разместить в личном доме самого С.Г. Строганова [1859 г., д. 1, л. 24; Яковлев, 1888, с. 21]³.

³ Адрес Строгановского дворца в С-Петербурге хорошо известен. В XIX веке он писался следующим образом: Санкт-Петербург, Невский проспект у Полицейского моста, № 17.

Все эти трудности, конечно, мешали нормальному функционированию учреждения, но не они в данном случае должны привлекать наше особое внимание. Попытаемся проанализировать деятельность Императорской археологической комиссии на первом году её истории. Имеющийся очерк этой деятельности в известном смысле носит формальный характер [Миронов, 1900б, с. 240-245], она, безусловно, заслуживает более серьёзного внимания. Трудно спорить с тем, что в «началах» всегда заложен некий важный смысл, определяющий очень многое в судьбе как отдельных личностей, так и организаций, и даже целых государств. Попытаемся взглянуть на эту проблему без всякого романтического тумана, без идеализации того времени, которое вошло в историю России, как эпоха Великих реформ.

Взаимодействие двух обозначенных структур – Комиссии в Петербурге и Музея древностей в Керчи – согласие в их действиях или же отсутствие такового для истории изучения боспорских древностей, как уже говорилось, имело принципиальное значение. В этом отношении следует признать, что со стороны сотрудников Керченского музея очень быстро обозначилось определённое непонимание и недовольство новым положением дел. Выражением такого недовольства стало письмо С.Г. Строганову от К.Р. Бегичева, написанное 27 апреля 1859 г. Из этого послания становится понятным, что керченский археолог в связи с происшедшими переменами ожидал улучшения своего материального положения, но эти надежды оказались напрасными. Для того чтобы лучше понять суть начавшегося было конфликта, приведу текст письма полностью [1859 г., д. 7, л. 11-12]:

«Простите за смелость, с которой я обращаюсь к Вашему Сиятельству. Меня вынуждает к тому крайность, о которой Ваше Сиятельство, конечно, не извещены, но которая ставит меня в положение близкое к отчаянию. Находясь при Керченском музее 15 лет в качестве рисовальщика, скульптора и разыскателя древностей, я получал постоянно одно и то же жалованье 572 рубля. Недостаток этого содержания был для меня всегда чувствителен и требовал особых усилий и трудов с моей стороны для поддержания себя. Окончив дела по службе, я принимался за частную работу, *не зная почти никогда, что такое свободное время и покой*. Таким образом прошли 15 лет, я трудился, жил и надеялся – мне казалось неестественным, чтобы судьба моя наконец не изменилась и чтобы хоть на старости лет мне не дали содержания, которое обеспечило бы моё существование без всяких посторонних трудов, для которых здоровье моё не может больше служить мне.

Полученные здесь на днях новые штаты лишили меня этой надежды – новыми штатами мне определены всё те же 572 рубля, тогда как в Керчи по её исключительному положению относительно цен на все жизненные потребности нужно *по крайней мере второе больше*.

При таком положении дел мне остаётся или искать другое место, или просить об улучшении моей участки. Я предпочитаю последнее, потому что я смыкался здесь с моим обязанностью и могу быть здесь полезен более, чем где-нибудь.

По положению новой Императорской археологической комиссии от Вашего Сиятельства все зависит, и я всепокорнейше прошу Вас дать мне другое назначение, какое бы то ни было; я надеюсь оправдать себя, но (подчеркнуто двумя чертами – Ю.В.) с высшим содержанием или же, если это окажется невозможным, дозволить мне просить у Вашего Сиятельства отпуска в С-Петербург с сохранением содержания для приискания какого-либо места по другому ведомству».

Директор музея А.Е. Люценко в письме, направленном С.Г. Строганову 5 мая [1859 г., д. 7, л. 10], полностью поддержал своего помощника. Он подчеркнул, что считает просьбу К.Р. Бегичева «уважительной и положение его заслуживающим участия». Более того, А.Е. Люценко назвал своё собственное денежное содержание крайне недостаточным. Он напомнил С.Г. Строганову, что при Л.А. Перовском сотрудникам музея периодически выплачивались пособия, без которых в Керчи прожить просто невозможно. По этой причине директор Керченского музея просил председателя Археологической комиссии оказать ему материальную поддержку или же уволить со службы по расстройству здоровья. Из-за острой нужды в средствах он даже просил заменить выделенный ему подарок деньгами, что, кстати, было незамедлительно исполнено. Конечно, можно понять огорчение керченских археологов, не получивших в результате происшедших организационных перемен никаких материальных выгод, но для нас гораздо важней иные моменты, содержащиеся в другом письме А.Е. Люценко, написанном С.Г. Строганову через две недели после первого, 18 мая того же года. Приведу из него некоторые отрывки [1859 г., д. 7, л. 7-8]:

«Успехи археологических разысканий в окрестностях Керчи и Тамани ... вполне зависят от успешного за ними надзора. Окрестности Керчи представляют на пространстве около 140 квадратных вёрст бесчисленное множество разрытых и полуразрытых курганов, но чем далее они находятся от города и чем они громаднее, тем менее оказываются раскопанными и тем более подают надежды на открытие в них нетронутых гробниц. Таковы, например, курганы Куль-Оба, Золотой и лежащие на каменных кряжах, направляющихся от Павловской батареи к западу и от Еникале к северо-западу. Очевидно, что прежние разыскатели затруднялись в раскопках их по недостатку средств к учреждению за ними необходимого надзора и караула. Заметив это, покойный граф Л.А. Перовский предоставил Керченскому музеуму милость в своём распоряжении постоянно 3-х конных надсмотрщиков с жалованием по 100 руб. в год и на продовольствие собственных их верховых лошадей по 80 руб. каждому, причём в обязанности их включая-

лось не только присматривать за работами и за открываемыми гробницами, но и наблюдать беспрерывно, чтобы никто из жителей не смел производить в пределах Керченского градоначальства тайных раскопок, следствием которых было появление за границей многих драгоценных вещей, добытых из керченских гробниц. Кроме того, общий надзор за раскопками, производящимися от казны, был усилен назначением в помощь директору трёх чиновников: Линевича, Лазаревского и Мазирова, из коих первый уволен в 1855 г., а последние оставили службу в 1856 и 1857 годах».

О введённом новом штате, подробнее о котором будет сказано ниже (см. главу 2.2), А.Е. Люценко заметил, что в музее остался всего один надсмотрщик. Далее он писал: «Такое ограничение надзора, если оно касается раскопок, лишает нас возможности следить за ними во всех случаях. Я убеждён по опыту, что без настоятельных и благонадёжных надсмотрщиков, которых в Керчи чрезвычайно трудно найти, нельзя производить раскопки с желаемым успехом в местах, удалённых от города на несколько вёрст».

В конце письма директор Керченского музея обратился к С.Г. Строганову с двумя просьбами:

1. Позволить ему оставить при музее хотя бы двух конных надсмотрщиков, получающих жалованье 60 рублей, что не превышает обычной стоимости простого чернорабочего без лошади – 50 коп. в день.

2. Разрешить на прежних основаниях выделять деньги на фураж для верховых лошадей по 107 руб. в год, определить жалованье сторожу музея и писарю в размере 100 руб., выделить на письменные и чертёжные принадлежности 100 руб. и, наконец, на квартиры для сотрудников музея – 250 руб.

Письмо К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии оставил без ответа, точнее, ответом на все три керченских корреспонденции стало его послание А.Е. Люценко, датированное 4 июня 1859 г. [1859 г., д. 7, л. 14-15]. В нём граф выразил надежду, что А.Е. Люценко, несмотря на высказанные недовольства, продолжит службу на посту директора музея, а его старания, естественно, не останутся без вознаграждения, тем более что просьба о материальной поддержке уже исполнена выделением ценного подарка. Далее он вносит ясность в вопрос взаимоотношений директора музея и его помощника. Главная обязанность последнего, как оказалось, состоит в подготовке нужных рисунков, а также, по усмотрению директора, в оказании помощи руководству музея. В отношении самого К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии писал:

«Что касается до докладной госп. Бегичева, то, имея полное уважение к Вашему ходатайству, я не могу перевести его на другое высшее место с высшим содержанием, по неимению для него мест ни в Археологической комиссии, ни в Римской.

Глава II

Если же, как он излагает в своей докладной записке, для его потребности на этом месте нужно ему получать по крайней мере втрое больше теперешнего его содержания и он полагает искать себе место в другом ведомстве, то я не нахожу к последнему никаких препятствий, но не разрешаю ему для этого отпуска с содержанием в Петербург, особенно в настоящее время, когда для Вас должен быть нужен помощник. В том случае, когда он останется при своих желаниях или будет уклоняться от исполнения своих обязанностей, покорнейше прошу Вас от моего имени предложить ему подать просьбу об отставке».

Новый штат Керченского музея С.Г. Строганов считал оптимальным, представляющим для директора «особые удобства». Разъясняя свою точку зрения, он отмечал:

«Одно уже это обстоятельство, что окрестности Керчи представляют на пространстве 140 кв. вёрст бесчисленное множество курганов, свидетельствует о недопустимости меры иметь для надзора за ними 3-х конных надсмотрщиков, почему они и исключены из штата. Полагаемые же надсмотрщики по новому штату определяются исключительно для надзора во время археологических разысканий и отсюда видно, что назначать лошадей для таких служителей было бы неуместно».

Нетрудно понять, что после такого послания керченские археологи приняли своего рода холодный душ. В результате К.Р. Бегичев до конца своих дней довольствовался содержанием в 572 руб., правда, в январе 1861 г. он получил звание надворного советника [1861 г., д. 3]. В марте того же года, когда у К.Р. Бегичева стала быстро прогрессировать чахотка, А.Е. Люценко выхлопотал ему 200 руб. материальной помощи [1861 г., д. 6, л. 1, 7], но этих средств могло хватить разве что на оплату квартиры за год [1861 г., д. 6, л. 2], для достойного лечения их явно не хватало. В марте 1862 г. болезнь свела К.Р. Бегичева в могилу, и на его место был принят Ф.И. Гросс.

А.Е. Люценко тоже напрасно рассчитывал на прибавку к жалованью, а об увеличении штата музея приходилось разве что мечтать. Конные надсмотрщики, которые могли бы сыграть положительную роль в охране керченских древностей от грабительских раскопок, новому археологическому начальству показались ненужными. Логика С.Г. Строганова, исключившего их из штата, в общем, непонятна. Действительно, если иметь трёх надсмотрщиков по причине обширности района и насыщенности его археологическими памятниками «недопустимо», то почему бы не допустить увеличение их числа на несколько человек. К тому же А.Е. Люценко, знавший положение на месте явно лучше С.Г. Строганова, считал, что, в крайнем случае, для этого хватило бы двух слу-

жащих. Начальство, однако, всегда и везде всё знает лучше, руководствуясь в своих действиях исключительно так называемыми высшими интересами и, по большей части, мелочной экономией финансовых средств. Справедливости ради следует отметить, что организация охраны памятников древности непосредственным образом не вменялась в обязанности Археологической комиссии [Охрана памятников, 1978, с. 10, 63-68], и С.Г. Строганов поначалу имел полное право не особенно утруждать себя этой проблемой.

Для А.Е. Люценко такое положение представлялось явно недопустимым, и в своём письме от 22 сентября 1859 г. он вновь обратил внимание С.Г. Строганова на необходимость заботы об охране памятников. По этому поводу А.Е. Люценко, в частности, писал [1859 г., д. 12, л. 71-72]:

«В тех же случаях, когда гробница открывается в кургане, значительно удалённом от города и всяких жилых мест и караульному ея представляется опасение оставаться в поле одному в ночное время, надсмотрщики соглашаются на это с трудом и требуют обыкновенно найма к ним в товарищи кого-нибудь из посторонних или из самих рабочих на курганах. Как в том, так и в другом случае мера эта не может почитаться верною и удовлетворительною. А потому мне было бы весьма желательно получить приказание Вашего Сиятельства относительно охранения гробниц вообще, открываемых при вышеупомянутых обстоятельствах, и в особенности таких гробниц, которые по важности предполагаемого в них открытия потребуют караула из вооруженной силы для устранения всякого покушения со стороны людей злоумышленных, противу которых одного надсмотрщика, даже при нескольких обыкновенных караульных окажется недостаточно».

Ответ С.Г. Строганова не заставил себя долго ждать [1859 г., д. 12, л. 64]:

«Меры для охранения открываемых гробниц, которых расследование по разным причинам должно быть продолжительно, вообще зависят от Вашего усмотрения. Вы можете также к штатным надсмотрщикам назначать и временных караульных, а в случае экстренном обратиться за содействием к местному начальству для принятия с его стороны полицейских мер к охранению вверенных Вам казённых интересов. Если на присланных от него сторожей или часовых нужно будет сделать какие-либо расходы от музея, то они не могут быть для него (музея – Ю.В.) обременительны, так как в содержании большого вооруженного караула при нынешнем мирном положении Керченского градоначальства не может быть надобности».

В общем, начальство требовало принять все меры «к ещё большему усилению осмотрительности при разысканиях», но дополнительных средств на это выделить

Глава II

не желало или, скорей, не имело возможности. Такое положение, естественно, наносило немалый вред делу охраны памятников Боспора Киммерийского.

Тем не менее, археологические раскопки этого года в районе Керчи начались 21 апреля, они проходили достаточно успешно и завершились 20 декабря 1859 г. В кратком отчёте о проделанных работах А.Е. Люценко отметил, что в этом сезоне раскопки курганов проводились в семи местах. Выбор пунктов для производства работ определялся не задачами изучения какого-то могильника или микрорайона, а сохранностью курганов, «меньшей степенью их разрытия». В общей сложности было изучено 58 грунтовых и каменных гробниц, некоторые из которых оказались непотревоженными [1859 г., д. 12, л. 73-74; ОАК, 1859 г., с. VIII]. За этими сухими, хотя и весьма впечатляющими цифрами кроется ряд очень важных археологических открытых.

Здесь и далее по ходу изложения нет смысла давать последовательную характеристику всем раскопанным объектам, тем более что информация об этом содержится в томах «Отчетов Императорской археологической комиссии». Важнее обозначить общее направление хода работ, понять логику исследователей и, используя документы архива Императорской археологической комиссии, хранящиеся в ИИМК РАН, по возможности понять, какие задачи ставили перед собой археологи позапрошлого века и как они сами оценивали свою деятельность. Что касается раскопок 1859 г., то прежде всего следует отметить, что большое внимание было уделено изучению курганов на хребте Юз-Оба (Сто холмов) под Керчию (рис. 6-7). В одном из курганов, который в отчетах значится как Большой Каменистый, был открыт неразграбленный каменный склеп «египетской конструкции» [1859 г., д. 12, л. 41; ОАК, 1859, с. IX-X]. Тогда так называли склепы с уступчатым перекрытием погребальной камеры. Здесь был обнаружен деревянный саркофаг, а среди сопровождающего инвентаря найдены две замечательные краснофигурные вазы, бронзовое зеркало, золотые украшения и пр. Юз-Оба всё более представляла перед исследователями как некрополь боспорской знати IV в. до н.э. [Виноградов, 2005, с. 272-273].

Среди других важных открытых следует назвать гробницу второй половины IV в. до н.э., обнаруженную в небольшом кургане на северном склоне горы Митридат (рис. 8), в которой наряду с прочим инвентарём была найдена любопытная деревянная пластина [рис. 9; 1859 г., д. 12, л. 1-2, 11-12, 122-123]. Она почти не привлекла внимания учёных, а, между тем, эту находку можно трактовать как основу седла [Сокольский 1971, 227, 286, табл. XXXIV, 2; Виноградов, Никоноров, 2009; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 88-89]. В таком случае деревянная пластина из керченского кургана, раскопанного в 1859 г., имеет принципиальное значение для понимания ранних стадий генезиса так называемых твёрдых сёдел в степях Евразии.

В этом же сезоне А.Е. Люценко начал раскопки Кара-Обы [1859 г., д. 12, л. 5, 41; ОАК, 1859, с. XI], самого крупного среди курганов в окрестностях Керчи

(рис. 10). Его высота достигала 25,60 м, а диаметр насыпи – около 120 м; масштабность памятника ещё более усиливалась от того, что курган был насыпан на одной из вершин холмистой гряды, ведущей от Керчи на запад, в открытую степь. Курган раскапывался А.Е. Люценко ещё два года (рис. 11-12; ОАК, 1860, с. VI; 1861, с. V), при этом ему удалось выяснить одну любопытную особенность конструкции памятника – наличие здесь двух мощных крепид. Несмотря на все усилия, керченскому археологу не удалось найти здесь царскую гробницу. Однако в октябре 1861 г. приблизительно в 13 м от центра кургана была открыта могильная яма, обложенная камнями, о которой А.Е. Люценко сообщил С.Г. Строганову, что она была наполнена «человеческими костями как бы изрубленными на части». Среди них находилось множество обломков от простых амфор, медный наконечник стрелы, а также обломок железного меча или ножа [1861 г., д. 16, л. 37; 43 об. – 44]. Оценивая это «неважное открытие», исследователь заметил [там же, л. 37 об. – 38]:

«Не вероятно, чтобы упомянутая земляная гробница была единственную в этом кургане. За всем тем, решительное отсутствие под громадою его насыпью следов каменной гробницы наводит на мысль: не был ли он сооружён в ознаменование какой-либо битвы, происходившей в близком от него расстоянии»⁴.

Исследования, проводившиеся здесь в 60 гг. XX в. под руководством П.Н. Шульца, привели к открытию ещё одной любопытнейшей особенности – курган, скорее всего, имел форму ступенчатого конуса [Шульц, 1968, с. 143; 1971, с. 59-60]. Сделанные при раскопках находки позволяют предполагать, что Кара-Оба была сооружена во II в. до н.э., может быть, даже во второй его половине [Шульц, 1971, с. 62]. Обычно считается, что в кургане кроется захоронение одного из боспорских царей, но такое предположение не очень убедительно. Более логичной представляется точка зрения А.Н. Щеглова, который, следуя А.Е. Люценко, полагал, что грандиозная уступчатая насыпь была насыпана над могилой воинов понтийского царя Митридата VI Евпатора, погибших в боях за покорение Боспора в конце II в. до н.э. [см.: Виноградов, 2004а, с. 152-154; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 134-135].

Помимо членов Императорской археологической комиссии в 1859 г. раскопками на юге России, точнее, на Таманском полуострове, изъявил желание заняться доцент Московского университета К.К. Гёрц [о нём см.: Малеин, 1912].

⁴А.Е. Люценко предполагал, что где-то в окрестностях Кара-Обы в 310/9 г. до н.э. произошла битва на реке Таписис (Фат), в которой сошлись сыновья царя Перисада I, боровшиеся за власть над Боспором [1861 г., д. 16, л. 38]. О событиях этой борьбы рассказал Диодор Сицилийский [Diод. XX, 22-24], но из его повествования следует, что она развернулась совсем не на Керченском полуострове, а, как представляется, в Прикубанье [см.: Гайдукевич, 1949, с. 73; Виноградов, 2003, с. 81-82].

Глава II

С.Г. Строганов воспринял такое желание с полным пониманием, отметив, что археологические исследования здесь «могут привести к открытию замечательных памятников древности и вместе с тем послужить для объяснения истории этого края» [1859 г., д. 11, л. 4]. Начинающему археологу тогда было предложено на время проведения работ поселиться в станице Сенной в казённом доме, принадлежащем ведомству Императорской археологической комиссии. Естественно, ему были даны указания по поводу мест раскопок, а также инструкция о правилах их проведения. Главным объектом археологического изучения должна была стать Фанагория, где в 1853 г. была найдена каменная плита с посвящением Афродите Урании [КБН, 972]. Подобные находки привлекали очень большое научное внимание, и, соответственно, раскопки были ориентированы на поиски новых эпиграфических документов. Наиболее перспективным для изучения местом городища была прибрежная часть, где находился древний порт и мол. Помимо того, К.К. Гёрцу рекомендовалось, если представится возможность, провести исследования в других местах Таманского полуострова, в числе которых названы [1859 г., д. 11, л. 4-5]:

1. Большой курган у с. Фонтана, на котором уже велись раскопки, но гробница не была выявлена.
2. Местность на берегу Ахтанизовского лимана, где в 1818 г. была найдена надпись, посвящённая Артемиде Агротере [КБН, 1014].
3. Оконечность мыса, известного под названием Дубового Рынка, где видны остатки древних поселений.

Инструкция по проведению раскопок, написанная С.Г. Строгановым, в чём-то повторяет данную ранее А.Е. Люценко (см. главу 1.3), но она настолько интересна, что и этот документ следует привести полностью. Инструкция состояла из восьми очень важных пунктов [1859 г., д. 11, л. 5-6]:

- «1. При производстве раскопок не оставлять работы без надзора во время Вашего отсутствия для того, чтобы открываемые вещи не подвергались расхищению.
2. Археологическим раскопкам вести подённый журнал, в котором бы виден был весь ход их со всею подробностию. Так, при исследовании, напр., кургана должно быть сначала описано топографическое его положение, наружный вид и величина. Затем свойство насыпи его, в каких её слоях какие попадались вещи, наконец, при открытии в нём гробницы, устройство её, положение в ней погребённого и расположение около него вещей. Таким образом, чтобы в случае надобности можно было бы реставрировать гробницу в том виде, в каком она была открыта, перенеся её в музей.
3. К журналу должен быть присоединён план с рисунками, которые

могли бы служить для наглядного объяснения замечательнейших в нём мест.

4. В том случае, когда при разысканиях на месте древнего поселения открыты будут остатки древнего сооружения или даже покажутся сначала одни архитектурные фрагменты, то не сдвигать их с места до тех пор, пока не объяснится относительное положение их друг к другу, чтобы оно могло быть описано и срисовано.
5. В случае открытия замечательных гробниц, до прикосновения к находящимся в них древностям, снимать с них точные рисунки. Также снимать рисунки с тех вещей, которые, будучи вынуты из земли на свежий воздух, приходят в быстрое разрушение.
6. На всех находимых вещах должны находиться номера, по которым все сведения о них можно было бы отыскать в журнале. Без номеров могут оставаться:
 - a). Монеты совершенно ясные и уже известные, которые могут быть описаны в журнале, и
 - b). Вещи, утерявшие совершенно свою форму.

Что же касается до монет окисленных, то они в особенности не должны быть смешиваемы между собой, так как по очистке они послужат весьма важным указателем времени.

7. Черепа человеческие должны быть сохранены, также как и самые вещи, для определения по ним племени, к которому принадлежали погребённые. Если скелет найден в гробнице, особенно важной в архитектурном отношении, то он должен быть сохранён в целости, а чтобы кости сохранить от разрушения, напитывать их раствором из простого клея.
8. О ходе работ и открытиях доносить мне, предоставляя и самые найденные вещи.

Об оказании Вам содействия со стороны местного начальства по возложенному на Вас поручению я отнёсся к г. наказному атаману Черноморского войска, а также предписал директору Керченского музея древностей оказывать Вам со своей стороны содействие».

Положения приведённой инструкции вполне логичны и понятны, они созвучны с идеями, высказанными к тому времени П.С. Савельевым [Савельев, 1859] и, в общем, понятны современному археологу. Обращает на себя внимание также, что председатель Археологической комиссии настаивал на строгой фиксации всех открываемых объектов, нацеливал полевых исследователей на сохранение древних гробниц для размещения их в музеях, проявлял заботу о сохранении антропологического материала и т.д. Несколько смущает, правда, его отношение к древним монетам в хорошем состоянии, которым можно было

Глава II

не давать инвентарных номеров, что закономерно должно было приводить к их перемешиванию. Странно, но такого перемешивания не допускалось для окислившихся экземпляров, которые необходимо было подвергать очистке⁵.

На проведение раскопок К.К. Гёрцу было выделено 3400 руб. Рабочих в то время можно было набрать только в Керчи, поскольку Таманский полуостров был населён ещё очень слабо. Прибыв в Керчь, К.К. Гёрц ознакомился с раскопками А.Е. Люценко на хребте Юз-Оба, а затем приступил к набору рабочих, число которых сначала было небольшим (7 человек), а потом достигло 40 и даже 50. Раскопки проводились непосредственно на городище Фанагория, в районе так называемого центрального вала. К.К. Гёрц довёл свои исследования до материка, обнаружив строительные остатки каких-то сооружений [Гёрц, 1870, с. 77-79; см. также: Кобылина, 1956, с. 6-7; Паромов, 1993, с. 120; Тункина, 2010, с. 44-47]. Важным результатом этих раскопок стало открытие эпиграфических документов: посвящение царице Динами [КБН, 979] и надпись царя Реметалка [КБН, 976]. Одновременно велись работы на курганах, точнее, на 35 из них.

Надо признать, что во время своих исследований К.К. Гёрц пытался следовать данной ему инструкции: он снимал планы местности, вёл журнал археологических изысканий, в котором давал краткие описания исследуемых объектов и зарисовки некоторых вещей [1859 г., д. 11, л. 49-139]. Записи эти, к сожалению, составлены таким небрежным почерком, что прочтение их если и возможно, то требует огромных усилий. Составление отчёта о раскопках, естественно, требовало очень большой работы, ведь одних курганов было раскопано больше трёх десятков. Г.С. Строганов всячески торопил К.К. Гёрца, просил его как можно скорее прислать информацию для публикации в «Отчёте Императорской Археологической комиссии», но время проходило, а необходимый отчёт не поступал. Объясняя задержку, К.К. Гёрц в письме С.Г. Строганову от 13 февраля 1862 г. (почти через три года после проведения раскопок!) жаловался, что не успевает подготовить отчёт по причине большого количества и сложности добывшего материала [см.: Малеин, 1912, с. 85-86]. Так уж получилось, что подробное описание полевых работ в Фанагории 1859 г. в ОАК вообще не было опубликовано, там можно найти лишь краткую информацию, составленную на основании рапортов исследователя, посланных им в ИАК [ОАК, 1859, с. XII-XIV], а полный отчёт увидел свет лишь в магистерской диссертации К.К. Герца – «Археологической топографии Таманского полуострова» [Гёрц, 1870, с. 76-87, 88-98], защищённой в 1870 г. [Малеин, 1912, с. 110]. Одного полевого сезона хватило, чтобы московский археолог охладел к раскопкам на Таманском полуострове, во всяком случае, в мае 1864 г. он говорил И.Е. Забелину, что тамошняя почва слишком бедна древ-

⁵ То же самое требование содержится и в инструкции, данной председателем Археологической комиссии А.Е. Люценко (см. главу 1.3).

ностями и что надо обладать особым везением, чтобы рассчитывать на успех [1864 г., д. 14, л. 8].

Документация о раскопках под Керчью, надо признать, была составлена на достаточно хорошем для своего времени уровне. В связи с общим подходом археологов к фиксации раскапываемых объектов, прежде всего курганов, немалый интерес представляет рапорт К.Р. Бегичева, поданный на имя А.Е. Люценко 10 декабря 1859 г., а затем переправленный С.Г. Строганову [1859 г., д. 12, л. 106-107]. Выше было сказано, что К.Р. Бегичеву, как помощнику директора музея, вменялось в обязанности составление всякого рода рисунков; в 1859 г. в Императорскую археологическую комиссию было направлено семь его рисунков с изображениями керченских курганов. По этому поводу исследователь писал, что главное требование к зарисовкам курганов заключается в том, «чтобы впоследствии с рисунком в руках можно было отыскать требуемый курган на месте». Для этого, естественно, необходимо самое подробное и точное изображение всех деталей. К.Р. Бегичев специально отметил, что «все керченские курганы в сущности имеют одну и ту же форму: более или менее плоскую, более или менее острую, но всегда коническую, и различаются только по величине. Притом нет почти ни одного кургана, который бы сохранил свою первобытную форму. На каждом из них заметны более или менее глубокие следы древней или новой раскопки, обозначающие иногда совершенно форму кургана». Иногда насыпи обозначены до такой степени, что представляют собой «неправильные груды земли, разбросанной по разным направлениям». В связи с этим археолог поставил перед начальством два вопроса:

1. «Следует ли изображать курган, предназначенный для раскопки, до начала его раскопки и в таком только виде, в каком он представляется в натуре, или же представить такой курган по окончании его раскопок?».
2. «Нужно ли изображать каждый курган, подвергнутый расследованию, какой бы он формы и величины не был и где бы не находился, или же срисовывать только те курганы, которые по наружному их виду, величине и особому положению интересны сами по себе или по сделанным в них открытиям?».

Ответ на такие вопросы, казалось бы, должен быть один: зарисовок необходимо делать как можно больше, при этом с различных направлений. Однако руководство Археологической комиссии в те годы рассуждало несколько иначе. С.Г. Строганов в письме директору Керченского музея от 26 февраля 1860 г. [1859 г., д. 12, л. 81] отметил, что рисунки К.Р. Бегичева «найдены совершенно удовлетворительными». По поводу поставленных вопросов он заключил, что «на будущее время вид с кургана (рисунок самого кургана – Ю.В.) должен быть

Глава II

снимаем вообще один раз, именно до раскопки; после же ея, вторично его следует снимать только в тех случаях, когда в них будет обнаружена замечательная постройка или сделаны важные открытия». Зарисовки курганов, не отличающихся своеобразием формы (а такие под Керчью, как писал К.Р. Бегичев, составляют абсолютное большинство) и ничем не замечательных, по мнению С.Г. Строганова, делать вообще не следовало.

Так прошёл первый год работы Императорской археологической комиссии. Он, конечно, не был простым: давали себя знать проблемы с финансированием, формированием штата научных сотрудников, фактически возник конфликт руководства Комиссии с сотрудниками Керченского музея древностей. В этой ситуации решения Г.С. Строганова, к сожалению, не всегда отвечали задачам изучения и сохранения археологических памятников Боспора, какими они представляются на сегодняшний день. Всё это так, но первый, очень нелёгкий шаг Археологической комиссией был сделан, и в этом заключается главный итог 1859 г. в развитии боспорской археологии.

Рис. 6. Раскопки курганов ЮЗ-Обы, вид с запада [Р.1, № 691, л. 2].

Глава II

Рис. 7. Пасынки курганов ЮЗ-Обы, вид с востока [Р. 1, № 691, л. 3].

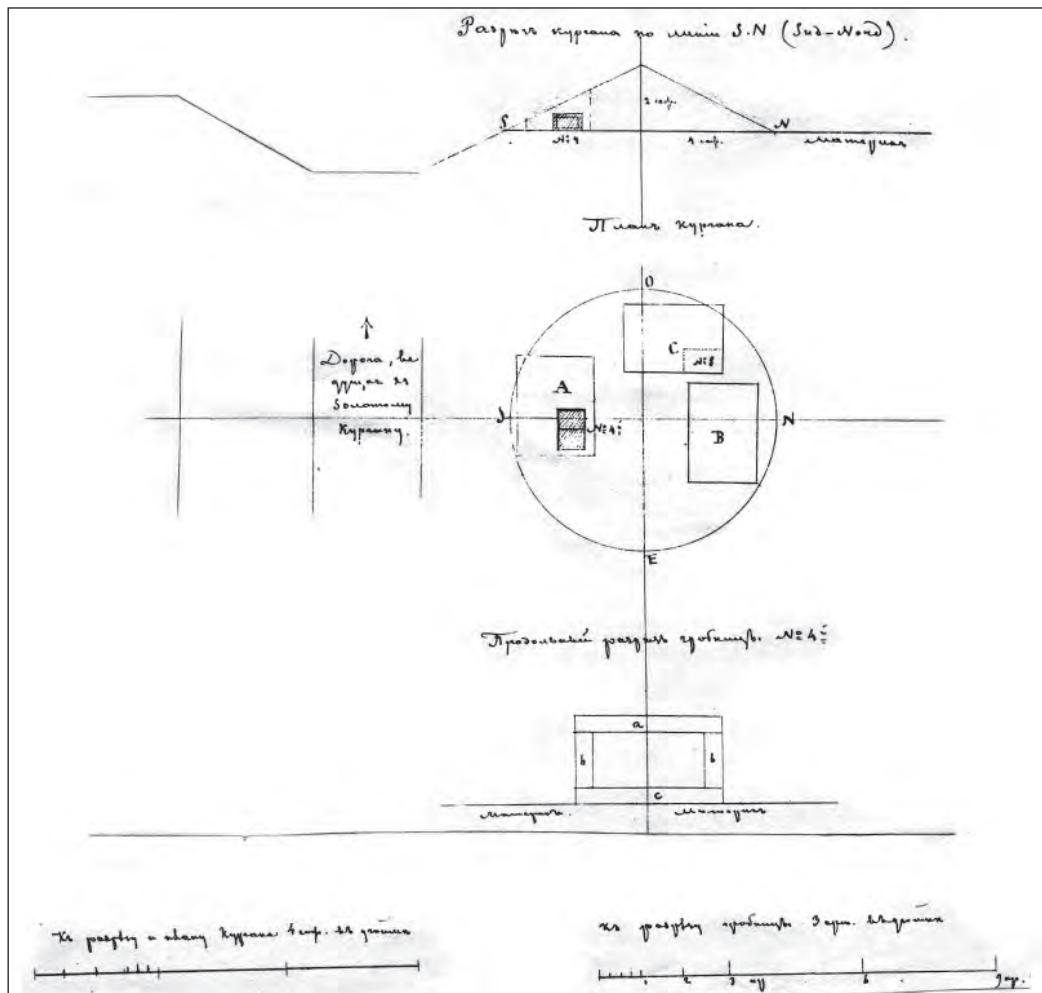

Рис. 8. Керченский курган 1859 г., в котором была найдена деревянная основа седла [1859 г., д. 12, л. 83].

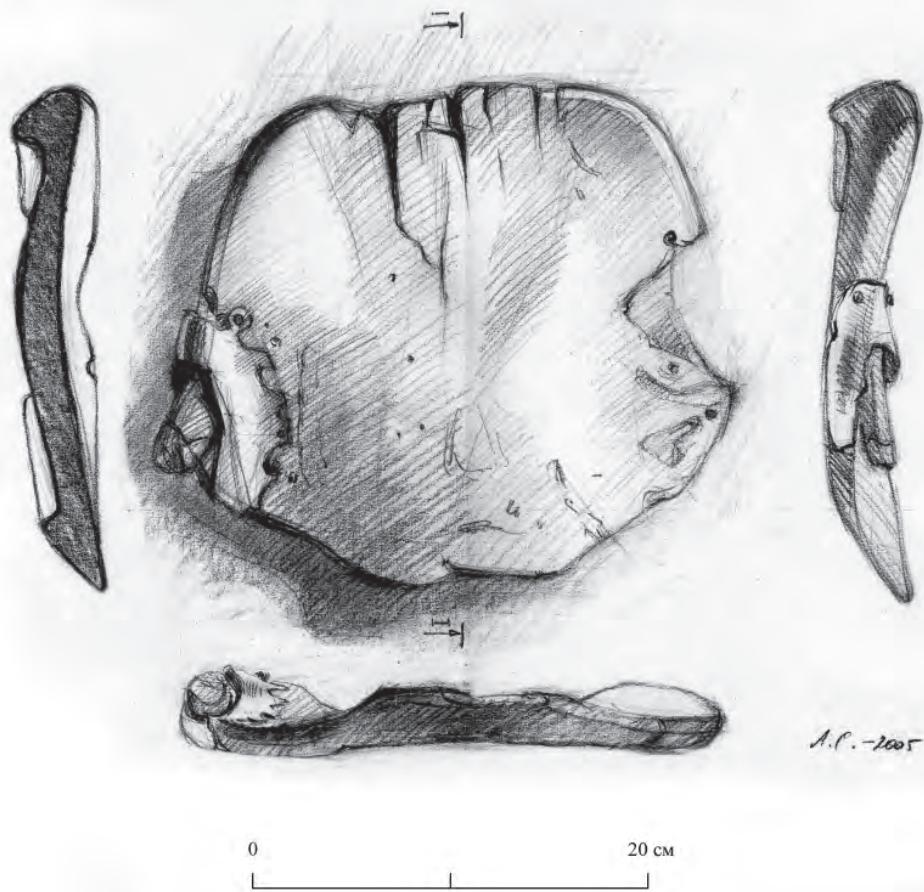

Рис. 9. Деревянная основа седла из кургана 1859 г. [ГЭ, Отдел культуры античного мира; П., 1859, 1].

Рис. 10. Курган Карпаг-Оба до раскопок, вид с севера [Р. 1, № 691, л. 7].

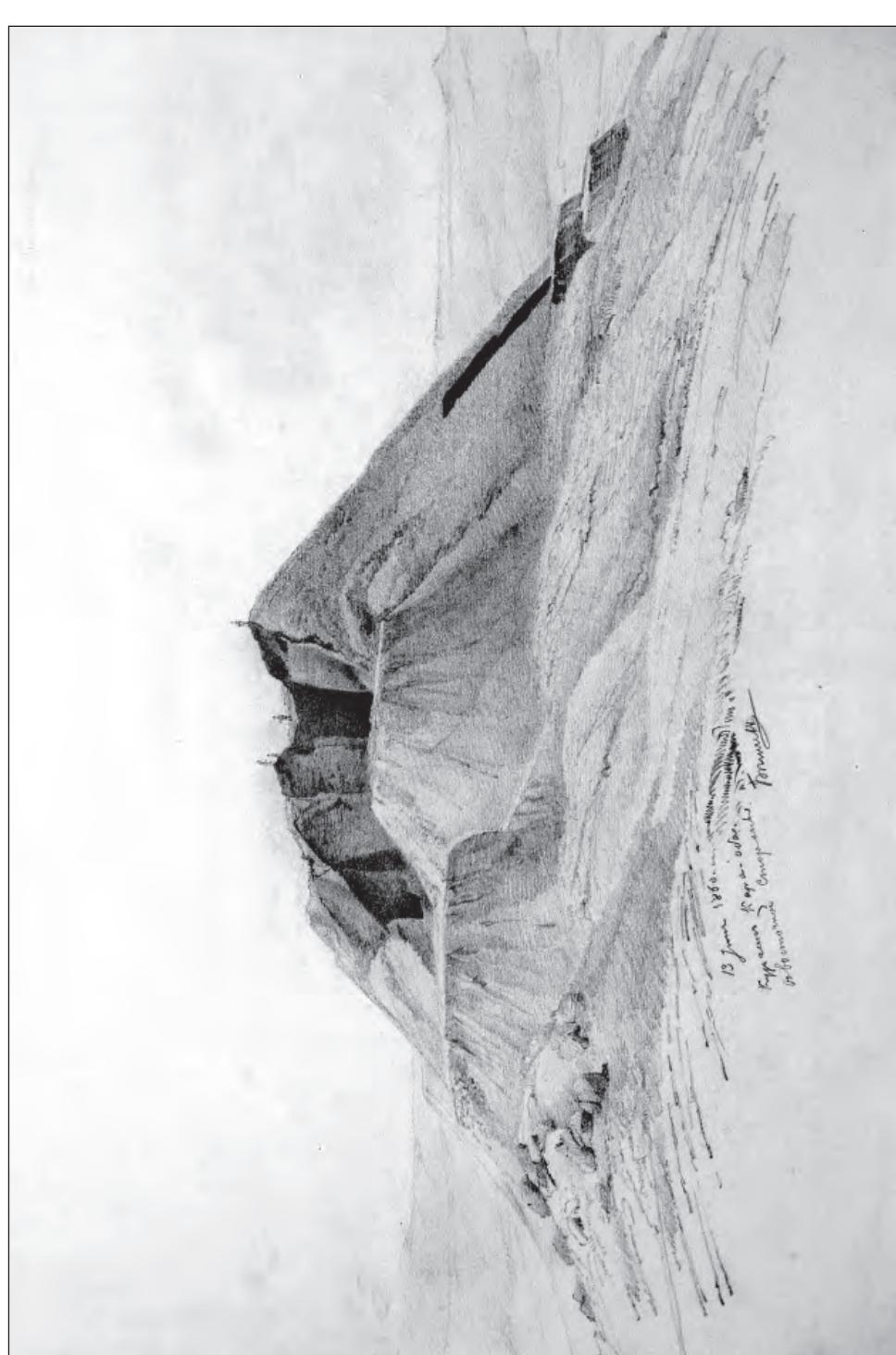

Рис. 11. Курган Кара-Оба после раскопок 1859 г. [Р. 1, № 691, л. 16].

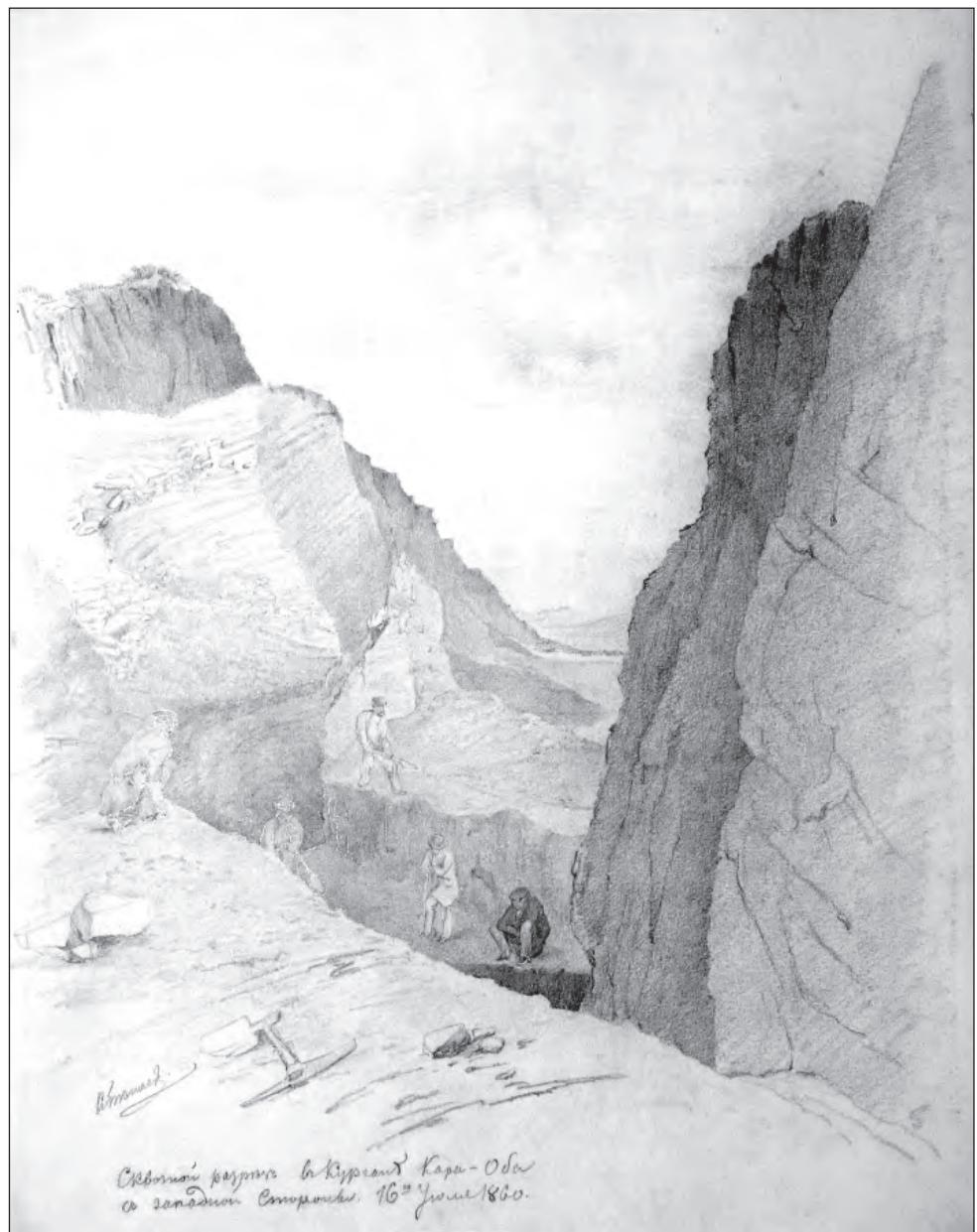

Рис. 12. Курган Кара-Оба, сквозной разрез насыпи [Р. 1, № 691, л. 17].

2.2. А.Е. Люценко и С.Г. Строганов об организации археологических исследований на Боспоре

Приведённая выше переписка между С.Г. Строгановым и А.Е. Люценко, имевшая место в 1857 г. (см. главу 1.2–1.3), прекрасно характеризует состояние боспорской археологии накануне создания Императорской археологической комиссии. После создания этой организации необходимо было выработать некоторую программу археологических раскопок, определить их цели, акцентировать внимание на важнейших задачах археологического изучения Боспора и т.д. Частично об этом, а также о возникшем тогда немалом непонимании между彼得бургским руководством и керченскими археологами, частично было сказано выше (глава 2.1). В Архиве ИИМК РАН, однако, имеются и другие в высшей степени важные документы, позволяющие лучше понять ситуацию, сложившуюся в то время.

Прежде всего 20 мая 1859 г. С.Г. Строганов направил А.Е. Люценко «Положение» об Императорской археологической комиссии, а также документы о её штате и, естественно, о штате Керченского археологического музея. По последнему вопросу в этом документе говорится [Ф. 14, д. 6, л. 24-25]:

«...предоставляю на Ваше распоряжение распределить расходы из 614 р., положенных по штату ... в добавок к содержанию директора и его помощника. Для соображения же Вашего уведомляю Вас, что при назначении этой суммы имеются следующие расчёты:

На содержание сторожа при Музее и 2-х надсмотрщиков – 300 р.
На переписку бумаг и канцелярские расходы директору – 150 р.
На расходы директора и его помощника или ныне на фураж 2-х казённых лошадей для них – 214 р.
<Всего>: 664 р.

Если, сообразуясь с временными обстоятельствами, Вы признаете более удобным определить теперь только одного надсмотрщика, то остающееся денежное содержание его Вы можете употребить для того, чтобы иметь при музее одну лошадь для употребления ея при розысках, независимо впрочем от тех двух лошадей, которые ныне имеются для директора и его помощника и которые им необходимы для их собственных разъездов по раскопкам.

В том случае, когда ход земляных работ при разысканиях будет таков, что постоянных служителей Музея для присмотра будет недостаточно, Вы должны нанимать временных служителей, относя расход на них на счёт суммы, которая будет ежегодно мною Вам отпускаема на археологические разыскания.

Расходы по найму помещения для Музея 250 р. в год и по содержанию Казённого дома в Черномории будут Вам возмещены особо».

Смета расходов Керченского музея, как видим, отныне составляла всего 664 руб. в год. Вполне понятно, однако, что А.Е. Люценко предполагал совсем другое. Напомню, что в записке «О продолжении занятий Керченского музея» 1857 г. (см. главу 1.2) он надеялся, что музейные писарь и сторож будут получать по 100 руб., три конных надсмотрщика – по 180 руб., письмоводитель – 250 руб., разъездные деньги для директора и его заместителя – по 107 руб. в год, расходы на канцелярские принадлежности – 100 руб. В общей сложности получается 1214 руб., т.е. почти в два раза больше, чем позволял циркуляр из С-Петербурга. К этому необходимо добавить ещё одну специальную задумку А.Е. Люценко, считавшего возможным, что ему и К.Р. Бегичеву будут постоянно выплачиваться суточные и квартирные, как и сотрудникам ИАК из столицы, командированным в Керчь. О последнем теперь не стоило даже мечтать!

В ответ на предписание от 20 мая А.Е. Люценко 7 июня 1859 г. направил в ИАК свои «Соображения о средствах к производству археологических разысканий около Керчи». Этот документ следует привести полностью [Ф. 14, д. 6, л. 34-40 об.]:

«Цель разысканий. Открытие около Керчи сколь возможно большего числа памятников древности замечательных в историческом или художественном отношении⁶.

Местные обстоятельства. Окрестности Керчи представляют всюду следы бывших разрытий, большую частью неизвестного происхождения. За всем тем, многие места или местности подают ещё надежду на открытие в них уцелевших гробничных памятников. Таковы курганы и насыпи, лежащие на высоком скалистом кряже, направляющемся от Павловского мыса к северо-западу и по левую сторону его, близ Старого Карантина; в цепи скалистых холмов, идущих в западном направлении от подошвы горы Митридат к Золотому кургану и к холму Куль-Оба; в обширной лощине между селениями Глинище, Катерлес, Булганак и Гаджи-Мушкай; на холмистой возвышенности по левую сторону дороги, ведущей к Новому Карантину, и на высотах, господствующих над крепостью Еникале. К сожалению, места сии находятся в дальнем расстоянии от города, простирающемся иногда в один конец на 7 вёрст и более, что не только затрудняет надзор за производством в них разысканий, но вместе с тем делает почти невозможным самый осмотр их, особенно в тех случаях, когда в один день открывается несколько гробниц⁷. Имея это в виду, для разыскателя было бы всегда удобнее

⁶ К этому месту на полях рапорта сделано замечание: «Не одна же эта». Здесь и далее все замечания по документу сделаны рукой В.Г. Тизенгаузена.

⁷ Приписка: «В разных концах не следует производить раскопки».

сосредоточить раскопки на одной какой-нибудь местности вблизи от города и ограничиться одним надсмотрщиком⁸, но к чему привело бы такое сосредоточение раскопок? К открытию нескольких сот бедных гробниц, как случилось в 1853 году, не стоящих одной замечательной. Хотя вообще в археологических разысканиях всё зависит от счаствия, однако же нельзя отвергать, что есть местности, в которых тщетно старались бы открыть что-нибудь замечательное. Поэтому успех или удача разысканий зависит от выбора пунктов раскопок и от числа сих последних, несмотря на значительные между ними расстояния.

Способ производства раскопок. Раскопки производятся по урокам⁹ партиями рабочих. Настоящая справочная цена землекопу 60 коп. в день; плата же определяется не выше справочных цен от кубической сажени вынутой земли, то есть от 1 до 1 р. 50 коп. и более за выемку 1 кубической сажени, смотря по крепости грунта и глубине копки, без отвозки земли на тачках или с отвозкой. Деньги выдаются артельщикам¹⁰ по обмеру работ в конце каждой недели. Усердные рабочие приобретают в день от 70 коп. до 1 рубля, производя работу от восхода солнца до сумерек. Партии рабочих noctуют в поле возле курганов, по праздникам же и воскресным дням всегда возвращаются в город. Конные 2 надсмотрщика наблюдают за ними беспрерывно, каждый в своём участке, переходя от одного пункта на другой¹¹; причём в сумерки возвращаются домой, заезжая к директору для получения приказаний. В случае же открытия гробниц noctуют в поле вместе с рабочими. Директор осматривает работы ежедневно в сопровождении означенных надсмотрщиков, снабжённых железным щупом, мерительной лентой и компасом, вскрывает с помощью их гробницы и назначает новые пункты для раскопок. Нередко случается, что он остаётся на раскопках целый день, возвращается домой поздно вечером с заметками для журнала, который составляется ночью, потому что вести его на месте оказывается весьма неудобным. Что же касается до служебной переписки и шнуровых книг, то они ведутся большей частью по праздникам. Таким образом, в продолжении разысканий директор постоянно бывает занят и не имеет никакой возможности принимать многочисленных посетителей музеума, которые часто изъявляют претензии на его отсутствие¹².

Успех производства раскопок. Успех раскопок в отношении к числу пунктов или местностей, избираемых для расследования, и к количеству

⁸ Приписка: «Так и должно быть». Слова «вблизи города» заключены в скобки и к ним поставлен знак вопроса.

⁹ На полях рапорта к этому слову поставлен знак вопроса (Ю.В.).

¹⁰ Приписка: «Они отвечают и за то, чтобы рабочие не расхищали».

¹¹ Приписка: «Должны директор и его помощник».

¹² Приписка: «А что делает помощник директора?»

работ зависит от суммы, ежегодно ассигнуемой на производство их, и в особенности от средств, определённых для ближайшего за ними надзора, *то есть*¹³, от разрешения иметь для сего постоянно, по крайней мере, двух благонадёжных конных надсмотрщиков, которых в Керчи не легко найти с жалованьем даже по 180 рублей в год каждому, приспособить к делу, требующему навыка, и удержать на службе. Сумма 3000 рублей, назначенная в сём году на раскопки, превышает все прежние ассигнования. Постоянные же средства к надзору за раскопками, ограниченные двумя пешими надсмотрщиками с жалованьем каждому из них по 100 рублей в год – слишком недостаточны. Хотя разница между 2-мя пешими и 2-мя конными надсмотрщиками составляет не более 160 рублей в год, однако же она лишает возможности не только следить одновременно за *всеми раскопками, производимыми в местностях удалённых одна от другой на значительное расстояние*¹⁴, но и наблюдать за целостию открываемых при том памятников древности. С какой бы заботливостью не производились разыскания, директор и его помощник могут иметь за ними только общий присмотр; частный же или беспрерывный надзор должен быть вверяется постоянным надсмотрщикам, которые, находясь при раскопках безотлучно, заменяют особых чиновников, назначаемых на сей предмет по штатам. В 1853 году частный надзор за раскопками около Керчи на меньшую сумму вверен был чиновнику Линевичу¹⁵, получавшему в год 350 рублей содержания, независимо от денежных пособий, которые оказывались ему ежегодно по моему ходатайству, 107 рублей, назначенных на фуражное продовольствие верховой его лошади и особых пеших надсмотрщиков. Сравнение этих средств с вышеозначенными показывает, что наём 2-х постоянных конных надсмотрщиков предоставляет значительные выгоды для казны при отмене чиновников. Впрочем, конные надсмотрщики избираются из людей способных, трезвых и испытанной честности. К сему не лишним считаю присовокупить, что для успеха разысканий около Керчи в течение года, необходимо иметь разрешение о приступе к ним, по крайней мере, в конце февраля каждого года, потому что удобнейшее время к производству их в здешнем крае есть весна и осень, как я имел честь изъяснить в докладной записке моей от 17-го ноября 1857 года¹⁶.

Средства к надзору за раскопками. Конные надсмотрщики по раскопкам, производимым в разных пунктах на обширных местностях более или менее разрытых, необходимы для успешного за ними наблюдения. Они

¹³ Приписка: «Надзор принадлежит директору».

¹⁴ Приписка: «Этого не должно быть».

¹⁵ Приписка: «А теперь ешё помощник Бегичев».

¹⁶ Примечание: «Раскопки должны производиться и летом».

помогают директору следить за точным выполнением уроков, назначаемых партиям рабочих; в случае же открытия гробниц, требующих немедленного расследования, тотчас посылаются в город за рычагами, канатами, молотами и другими вспомогательными средствами, нужными для вскрытия их до наступления сумерек, что всегда бывает сопряжено с большими затруднениями в степи или на хребтах гор, где нет никакого жилья. Когда директор отправляется верхом с одного пункта раскопок на другой, надсмотрщик не может сопровождать его пешком без потери времени, вредной для успеха разысканий. К тому же в жаркое время года пешие надсмотрщики часто заболевают от утомительных переходов, а весною и осенью страдают от сильных дождей и грязи, требующих частой перемены одежды и обуви.

Содержание надсмотрщиков. Осмелюсь утвердительно доложить, что в настоящее время в Керчи невозможно найти для раскопок постоянного надсмотрщика за 28 копеек в день (100 руб. в год). Доказательством тому служит беспрестанная перемена сторожей музеума, которые, прослужив 2 или 3 месяца, являются к директору с просьбами об увольнении их от службы, жалуясь на недостаточное содержание. Чтобы удержать на службе настоящего сторожа, я вынужден был прибавить ему 20 рублей в год от себя, так как он присматривает и за казёнными лошадьми, на которых, кроме фуражных денег, ничего не отпускается. Между тем, должность надсмотрщика за раскопками несравненно труднее обязанности сторожа музеума. Для исполнения оной нужно иметь особенный навык и большую расторопность.¹⁷ Кто же согласится за 28 копеек присматривать за раскопками, когда простой землекоп зарабатывает в день с помощью лопаты и кирки не менее 60 коп. Притом я избегаю найма дряхлых, ленивых и в особенности нетрезвых служителей, которые при недостатке рук и дорогоизнне средств к пропитанию поступают в артели вольнонаёмных рабочих. Если так трудно находить в Керчи постоянных служителей за умеренную плату, то ещё труднее иметь временных. В сём случае необходимо беспрестанно приискивать, нанимать и увольнять их, определять таковых несколько и платить им, если не более, то, по крайней мере, столько же, сколько получают конные надсмотрщики, что весьма невыгодно и крайне затруднительно при беспрерывном ходе разысканий. Я сомневаюсь в пользе временных служителей, тем более, что к ним нельзя иметь доверия ни в каком отношении. Нанимаясь на время, они пренебрегают своею обязанностию и всегда готовы сказать – “рассчитайте нас, мы идём на сено-кос, на ломку соли или камня, на Павловскую батарею или на пристань” – и увлечь за собою целые партии рабочих, которые, окончив урочные свои

¹⁷ К выделенному месту на полях поставлен знак вопроса (Ю.В.).

раскопки, не обязываются приступать к другим без нового соглашения в цене. Что же касается до рассыльной лошади, то она бы была для музеума совершенно лишним бременем без верхового, о котором вовсе не упоминается в предписании, ибо единственный пеший надсмотрщик, оставляемый в распоряжении директора, не может отлучаться от раскопа¹⁸.

По сим соображениям я полагал бы необходимым оставить в распоряжении музея, по крайней мере, 2-х конных надсмотрщиков вместо 3-х, определённых прежним штатом, с отпуском каждому из них дополнительного содержания по 80 рублей в год из археологической суммы, назначенной на раскопки. Затем я не нахожу другого способа распределить положенные по штату 664 р. кроме того, который изложен в предписании Вашего Сиятельства, а именно:

На жалованье сторожу музеума, при всём недостатке его в настоящее время – 100 р.

На жалованье 2-м конным надсмотрщикам, кроме испрашиваемых особо 160 р., – 200 р.

На жалованье приходящего писаря – 100 р.

На разъезды директора и его заместителя или на фураж 2-х казённых верховых лошадей по 107 р. на каждую, с ремонтом их и жалованьем конюшему – 21 р.

На канцелярские расходы директору, то есть на бумагу, перья, карандаши и проч. – 40 р.

На рисовальные и скульптурные припасы помощнику – 40 р.¹⁹

Всего 664 р.

Чтобы не останавливать разысканий в текущем году, я решил производить двум конным надсмотрщикам Савелию Малому и Игнату Опошняну дополнительное содержание 160 рублей из собственных моих денег, не выводя оного с 1-го мая по шнуровым книгам впредь до получения разрешения Вашего Сиятельства, ибо означенные надсмотрщики объявили мне решительно, что они находят гораздо выгоднейшим оставаться на службе с жалованьем по 100 рублей в год; других же благонадёжных служителей за эти деньги я никак не надеюсь найти.

Оsmеливаюсь просить Ваше Сиятельство обратить внимание на скучные средства для рисовальных и скульптурных припасов, остающиеся от распределения 664 рублей, и указать на источник для *покрытия некоторых мелочных расходов*, как то: на поездку мою и помощника моего в

¹⁸ Приписка: «При нём может быть и лошадь, за которой не больше ухода, как и за верховой его собственной».

¹⁹ Приписка: «Но особо, ибо расходы могут быть весьма <различными?>, находясь в зависимости от того, сколько и каких рисунков сделает помощник».

Тамань для принятия от г. Семеняки казённой постройки, которая вопреки обещания его до сих пор не окончена по случаю какого-то поручения, возложенного на него войсковым начальством, на исправление казённой мебели, спасённой нами от неприятеля, на отправку древностей в Москву или в С-Петербург и т.п. За наём дома для помещения музея я плачу 300 рублей и на отопление его издерживаю в год около 70 рублей; по штатной же книге выписываю только 250 рублей, пользуясь квартирой в означенном доме. Не следует ли помянутые 250 рублей выписывать вместо штатной книги по археологической впредь до возмещения оных²⁰?

Расхищение керченских гробниц. Обширные мещанские слободки по левую сторону Каратинной дороги, на Глинище и на северной покатости горы Митридатовой лежат на курганах и могильных насыпях, которые находятся почти у каждого мещанина, владельца отведённой земли, в означенных слободках; причём многие из сих мещан, устроив свои жилища вокруг курганов, поместили на вершинах их ветряные мельницы. При рытье рвов, ограждающих участки земель, они часто находили гробницы и, несмотря на закон, воспрещающий вскрывать таковые без ведома начальства, расхищали их тайным образом, утверждая потом, что они были найдены ими разорёнными, чему противоречило появление древних золотых вещей в руках некоторых городских жителей, перекупщиков и самих мещан. *Поводом к учреждению конных надсмотрщиков* за курганами служило открытие известных мраморных статуй,²¹ сделанное мещанином Щербиной на Глинище, во дворе своего дома, о чём он тогда же донёс начальству. С тех пор тайные раскопки, по-видимому, прекратились, и мещане стали приходить к директору с просьбами об освидетельствовании открываемых ими случайно гробничных или других построек, что и было немедленно исполнено. Опасение встретить конного надсмотрщика обуздывало своеование мещан. Из сего видно, что конные надсмотрщики были не совсем бесполезны и по цели их учреждения».

Ответ на эти вполне логичные «соображения» был направлен из Археологической комиссии 14 октября 1859 г. В нём директору Керченского музея предписывалось при производстве археологических работ руководствоваться следующими соображениями [Ф. 14, д. 6, л. 41]:

«Археологические разыскания имеют целью объяснение быта и вообще истории древних народов по сохранившимся от них памятникам. Открытые с такою целью памятники, конечно, всегда будут иметь большую или

²⁰ Приписка: «Да».

²¹ К выделенному месту на полях поставлен знак вопроса (Ю.В.).

меньшую важность, но ни один из них не останется без значения. Таким образом, самый курган, как памятник, имеет такое же значение, как найденные в нём постройки и вещи, и столько же, как они, характеризует собою народ, которому принадлежит, почему и должен быть описываем с возможною подробностию.

Кроме того, при раскопках курганов нужно также постоянно не упускать из вида и то, что в нём могут быть открыты гробницы и вещи.

1. Древнее самого кургана и не имеющие с ним тесной исторической связи: гробницы, которые были сделаны прежде на том месте, на котором он был впоследствии насыпан, и вещи, попавшие в него случайно, как, напр., находившиеся в той насыпи, которая была взята для его насыпки.
2. Вследствие народных обычаев сделанные в одно время с главной гробницей другие гробницы, составлявшие такую же ея принадлежность, не более как и самая курганская насыпь. Сюда относятся гробницы, напр., наложниц, рабов, погребённых вместе со своим господином, иногда в одной с ним гробнице, иногда над ней в насыпи, а также при сооружении кургана засыпанные в нём вещи, вследствие таких же обычаев, как, напр., при совершении жертвоприношений над могилой погребённого.
3. Относящиеся к этому же самому разряду гробницы и вещи, не попавшие в курган или, когда весь он или значительная часть его была уже воздвигнута, как, напр., при отправлении на могиле гдовщины в память погребённого.
4. Гробницы, сделанные в курганах впоследствии, но находящиеся с первой в нём гробницею в тесной исторической связи, куда относятся семейные склепы.
5. Случайно попавшие в курган гораздо новее его как вещи, к разряду которых относятся, напр., простые клады, так и могилы, опущенные в его насыпь.

А потому при открытии гробниц и вещей определять по возможности, к какому из подобных разрядов они могут относиться.

Если в кургане будут попадаться жёлтые кости, то непременно нужно определить, человеческие они или нет. В случае недоразумения при решении этого вопроса, доставлять кости эти вместе с вещами ко мне в Комиссию.

Для производства археологических разысканий в Керчи посредством земляных раскопок Вам будет ассигновано в начале года сумма в размере по моему усмотрению, а вместе с тем выдаваться и приходорасходные книги, которые как в нынешнем, так и в будущих годах должны быть Вами по истечении года представлямы ко мне в Комиссию для обревизования.

Глава II

В том случае, когда предписание о назначении той суммы или получении ея Вами по каким-либо причинам замедлится, а между тем представятся благоприятные обстоятельства для начатия раскопок и в распоряжении Вашем будут находиться какие-либо свободные суммы, Вы должны на счёт сих последних, не теряя времени, приступить к работам, производя их в размерах не свыше года предшествующего и доносить мне об этом.

Чтобы надзор за разыскателями мог быть <надлежащим – Ю.В.>, раскопки, будь ли они вблизи от Керчи или в отдалении от неё, не должны быть производимы в одно и то же время в местах, разделённых друг от друга значительными пространствами, а всегда сосредотачиваемы в одной какой-либо местности, и только по окончательному и непременно систематическому расследованию ея переносимы на другую. Исключение из этого места допущено только тогда, когда или случайно обнаружатся в разных местах памятники, которых расследование было бы неудобно откладывать, или отчасти когда расследуются курганы весьма значительной величины, в насыпи которых не встречается частых гробниц.

В новый штат Керченского музея введены 2 надсмотрщика для исполнения при раскопках разных мелких послуг, требующих однако же некоторого доверия к их исполнению. В представленном Вам соображении Вы полагаете и для этих надсмотрщиков назначить также верховых лошадей, но как экономии из суммы, назначенной Высочайше утверждённому штату Музея, на которую бы мог быть отнесён назначенный на это расход, не предвидится, то он и не может быть допущен постоянно. В уважение же Вашего представления и принимая в соображение, 1) что ход производимых ... Вами разысканий может быть таков, что надсмотрщикам необходимо иметь лошадей и 2) что вследствие ныне существующей в Керчи дороживизны положенного им по штату содержания, может быть, не достаточно, я разрешаю Вам временно, впредь до усмотрения производить дополнительные расходы на содержание надсмотрщиков согласно представлению Вашему до 160 р. в год, производя его из сумм, назначенных на разыскания и показав его с 2 февраля сего года.

Расходы на скульптурные и рисовальные припасы весьма не определены, находясь в зависимости от количества и качества подобных работ, по мере же действительной в них надобности они будут Вам удовлетворямы без затруднения, вследствие Ваших ко мне о том представлений.

Вы должны также испрашивать моего разрешения и по всем другим экстренным расходам».

Как видим, доводы А.Е. Люценко в конце концов повлияли на петербургское начальство. С.Г. Строганов вынужден был пойти на некоторые уступки и допустить, пусть на временной основе, содержание лошадей для двух надсмотрщиков.

Это правильное решение облегчало задачу контроля за производством раскопок, в особенности, когда они имели место на большом расстоянии от города. Нераскопанных курганов в ближайших окрестностях Керчи, как нетрудно понять, к тому времени оставалось не очень много.

2.3. Записка А.Е. Люценко о боспорских курганах

Уже неоднократно говорилось, что боспорская археология начинала становление как археология курганная. Её состояние на момент начала работы Императорской комиссии наглядно характеризует один документ, хранящийся в Научном архиве ИИМК РАН, это рапорт А.Е. Люценко «О причинах перевода раскопок, производимых около Керчи, с одной местности на другую», направленный С.Г. Строганову в феврале 1860 г. [1860 г., д. 6, л. 3 сл.]. Этот рапорт послужил ответом на требование председателя Императорской археологической комиссии, сводящееся к тому, что раскопки «не должны быть производимы в одно и то же время в местах, разделённых друг от друга значительным пространством, а всегда сосредотачиваемы в одной какой-либо местности и только по окончательному и непременно систематическому расследованию ея переводимы на другую» [1860 г., д. 6, л. 3; см. также главу 1.3]. Это требование сейчас можно признать абсолютно разумным, но директор Керченского музея был с ним не вполне согласен, и, прежде всего, в своём ответе он обрисовал, так сказать, общую картину изученности боспорских курганных памятников, какой она представлялась на тот момент. Эта картина в высшей степени любопытна, и по этой причине заслуживает подробной характеристики.

«Классическая почва Керченского градоначальства, – по мнению А.Е. Люценко, – есть почва могильная». Далее он писал: «Верхний слой ея (этой почвы – Ю.В.), за некоторыми исключениями, состоит из сплошных насыпей (здесь и далее в этом документе выделено мною – Ю.В.), хотя нередко и смежных с курганами, но занимающих гораздо более пространства и менее возвышенных.., почему и нельзя считать их курганами; скорее же можно назвать их кладбищами беднейшего и потому самого многочисленнейшего народа населения древней Пантикеи. В глубине их заключаются, большую частью, так называемые земляные, черепичные и жжёные гробницы с костями покойников, при которых находятся самые обыкновенные вещи... Кладбища эти раскопаны весьма поверхностью, и там, где они тронуты более, груды земли, выброшенной из ям, покрывают нераскопанные места. К числу их можно отнести значительные присыпки, лежащие у подножья скалистых холмов, но здесь встречаются уже каменные гробницы довольно замечательной постройки» [1860 г., д. 6, л. 3-4].

В этой части рапорта описание керченских памятников, получивших название

Глава II

сплошных могильных насыпей, и их интерпретация представляется вполне понятной. Затем А.Е. Люценко охарактеризовал совсем другие памятники:

«Нельзя также считать курганами *валообразные насыпи с коническими и сферическими вершинами*, прилегающие к поверхности горы Митридат на всём ея протяжении, особенно же с западной стороны. Они состоят из бесчисленного множества черепков битой посуды, смешанных с землёю, угольями, золою и морскими ракушками, между коими попадаются амфорные ручки, обломки мрамора и черепицы, весовые глиняные гирьки пирамидальной формы, кости различных животных и медные монеты, относящиеся к различным временам существования Боспорского царства. Глубина сих насыпей в некоторых местах изумительна. Железный бур длиною около 3-х саженей (6,40 м – Ю.В.) не достигает материка, на котором они лежат. Никто не решался копать их, опасаясь чрезмерных издережек, сопряжённых с подобными предприятиями, и потому о них вовсе не упоминается в прежних раскопках. Англичане пытались в 1855 году углубиться в них минами, направленными от подошвы к центру, но безуспешно. Вероятно, в основании этих насыпей, известных под названием *пепелищ*, находятся фундаменты разрушенных стен Пантикеи» [1860 г., д. 6, л. 4].

Почти нет сомнения, что А.Е. Люценко описал здесь памятники, которые современные археологи именуют зольниками. Боспорские зольники – одно из любопытнейших явлений материальной и, вероятно, духовной культуры местного греко-варварского населения. В научной литературе часто дискутируются вопросы интерпретации зольников Китея, Мирмекия или Илурата [см.: Гайдукевич, 1965; 1987, с. 65 сл.; Виноградов, 1992, с. 110-113; Молева, 1995; 2002, с.16-23; Бутягин, 2005; Бутягин, Чистов, 2007], а вот о близких им «пепелищах» Пантикеи почти не упоминается [см.: Айбабин, Ачканизи, Голофаст, 2003; Власов, 2003].

Наконец, А.Е. Люценко перешел к главному:

«Затем следуют курганы разной величины, рассеянные на поверхности означенной почвы по всевозможным направлениям, лежащие рядами на хребтах окрестных гор, группирующиеся в равнинах и стоящие, подобно Царскому, отдельно от прочих. Величественные эти памятники, имеющие постоянно коническую форму и заключающие в себе роды гробниц, могли бы одни удовлетворить вышеизложенной цели разысканий²², если бы

²² Имеется в виду указание С.Г. Строганова на то, что «археологические разыскания имеют цель объяснение быта и вообще истории древних народов по сохранившимся от них памятникам» [1860 г., д. 6, л. 3].

они были не тронуты. К сожалению, ни один из них не уцелел совершенно. Находящиеся на поверхности их старинные впадины, приписываемые генуэзцам, и глубокие завалившиеся ямы, сделанные в наше время, положительно свидетельствуют о неоднократном раскрытии их. Но, не говоря о старинных раскопках – когда, кем, в какой мере и с какими результатами произведена была большая часть относящихся к нашему времени – остаётся загадкой, потому что в описаниях многочисленных раскопок Ашика, Карейши и преемников их невозможно приурочить из всего числа курганов, раскопанных около Керчи, *даже одной десятой доли*. Так не ясно определяли они положение разрываемых ими курганов, величину их и размеры своих разысканий²³. Кроме того, производя раскопки в курганах большую частью на перевал, без отвозки земли в сторону, они загромоздили ею не только расследованные части их, но и те, которые остались нетронутыми. А как в прежнее время, кажется, вовсе не думали об окончательном их расследовании, то городские жители и мещане, имевшие надобность в камне, глине и песке для своих построек, стали добывать их из упомянутых курганов, чем обезобразили сии последние ещё больше; при добывании же тех материалов нередко находили уцелевшие гробницы, которые и расхищали. Таким образом, на замечательных могильных насыпях и курганах, дурно раскопанных вблизи от Керчи, устроились из означенных материалов цепь слободки, оградившие себя каменными стенками и рвами.

Что же касается *колossalных курганов*, занимающих вдали от города отдельные пункты и лежащих в разных местах группами, то многие из них дурно разрыты, быть может, по недостатку средств и терпения у прежних разыскателей, или вследствие тогдашнего обилия нетронутых курганов, побуждавшего их переходить с одной местности на другую, но, как бы они не были разрыты, одно то, что громадные эти насыпи уже тронуты неизвестно кем и с какими шансами в отношении к открытиям, заставляет колебаться в приступе к систематическому их расследованию» [1860 г., д. 6, л. 5-6].

Задача археологов по исследованию курганов, сконцентрированных в какой-либо местности, по мнению А.Е. Люценко, заключалась в следующем:

«1. Очистить в ней все нерасследованные части от огромного количества земли, набросанной из полуразрытых курганов, особенно там, где они группируются; в случае же надобности снести некоторые избы и ветряные мельницы, препятствующие производству разысканий. Меры эти необходимы тем более, что к подошвам

²³ К этому месту А.Е. Люценко сделал примечание: «В этом упрекнуть меня, кажется, нельзя».

многих курганов прилегают плоские насыпи, заключающие в себе гробницы.

2. Подвергнуть сплошному расследованию все находящиеся в той местности курганы и плоские насыпи, не исключая значительно раскопанных, ибо, судя по одним завалившимся в них ямам и впадинам, заросшим травою или бурьяном, нельзя ручаться, что прежние разыскатели всегда доводили раскопки свои до поверхности материка, в глубине коего могут быть гробницы и другие памятники, ускользнувшие от их внимания. Старые артельщики говорят, что в прежнее время не редко смешивали плотно уложавшуюся насыпь с материиком» [1860 г., д. 6, л. 6].

Поставив эти задачи, директор Керченского музея добавляет:

«Хотя научная польза подобных расследований (сплошных раскопок курганных групп – Ю.В.) не подлежит никакому сомнению, однако же, принимая в соображение обширность могильных местностей, лежащих около Керчи (некоторые из них простираются в длину от 3-х до 4-х вёрст и более), нельзя не согласиться, что каждое из них (расследований – Ю.В.) может достигнуть циклопических размеров и потребовать для окончания его слишком много времени, чрезвычайных издержек и соразмерного с ними числа рабочих, в которых ощущается здесь крайний недостаток. Притом, успех сплошного расследования местностей в отношении к открытиям зависит от шансов совершенно гадательных. Сколько раз, окончив разрытие двух или трёх надежных курганов²⁴, лежащих в одной какой-либо местности, я приступал к дорогостоящей раскопке прочих, находящихся в той же местности, и приходил к открытию уже разорённых или обысканных гробниц, которого по теории вероятностей и следовало ожидать в курганах с глубокими впадинами. Такие печальные результаты едва ли могут служить к объяснению быта и истории древних народов» [1860 г., д. 6, л. 7].

Наконец, А.Е. Люценко делает заключение:

«Вот почему, заботясь о сколь возможно полезном употреблении вверенной мне археологической суммы и соображаясь с числом находящихся у меня рабочих, я переводил раскопки с одной местности на другую, предоставляющую более надежды к открытию в ней нетронутой гробницы, или производил их на двух и трёх местностях (одновременно – Ю.В.).

²⁴ Надёжными курганами А.Е. Люценко называл те, которые казались неограбленными.

Одним словом, в лабиринте курганов, раскопанных более или менее около Керчи, я выбирал надёжнейшие и старался разрывать их систематически, не позволяя себе спешных расследований, которые могли бы завести меня в область мечтательных поисков и вовлечь в напрасные издержки. Если сделанный мною выбор курганов редко был удачен, то я утешаю себя, по крайней мере, тем, что хотя бы в одном из них открыта была гробница, достойная внимания...²⁵ Наконец, я должен упомянуть, что к числу причин, побуждающих меня переводить раскопки с одной местности на другую относится наступление холодного осеннего времени, когда рабочие не соглашаются продолжать их там, где нет никакого жилья, чтобы укрыться от непогоды и ночевать» [1860 г., д. 6, л. 7-8].

Ознакомившись с этим любопытнейшим документом, нетрудно понять, какая сложная, можно сказать, неприглядная ситуация сложилась в области изучения боспорских курганов на время начала работы Императорской археологической комиссии. Большинство курганов тогда так или иначе уже были раскопаны, но кто и когда это сделал, оставалось абсолютно непонятным. Археологи были вынуждены буквально метаться среди этих насыпей, обезображеных старыми отвалами, в поисках более-менее «надёжных» памятников. Научная методика требовала от них сплошного исследования курганных могильников, но такие масштабные работы могли привести к весьма плачевным результатам, каковыми они понимались в то время. Нетрудно представить, что, раскопав все курганы в какой-то местности, исследователь не обнаружил в них ни одной неограбленной гробницы. Спрашивается, чем он мог отчитаться перед петербургским начальством? Только точностью соблюдения инструкции? Вряд ли за это он был бы удостоен похвал!

Показательно, что председатель Археологической комиссии в ответе на этот рапорт А.Е. Люценко отозвался о его содержании весьма одобрительно, но настаивал, чтобы раскопки не проводились в различных местностях одновременно. При исследованиях сплошных могильных насыпей, как ему представлялось, не могло быть правильного надзора. С.Г. Строганов подчеркивал, что более важные результаты обещают дать раскопки больших курганов [1860 г., д. 6, л. 21]. В Петербурге явно ждали открытий новых произведений античного искусства, и обозначенное противоречие между чистотой научной методики и реалиями археологических раскопок, нацеленных на подобный практический результат, по большому счёту, никогда не было преодолено. Да, в 60-х гг. XIX в. отечественным археологам действительно казалось, что одни неграбленные курганы (и только они одни!) могут дать материал для «объяснения

²⁵ Имеется в виду гробница, открытая в кургане на Павловской батарее в 1858 г., о которой говорилось выше (см. главу 1.4).

Глава II

быта и вообще истории древних народов». Для осознания недостаточности такого подхода, естественно, требовалось время.

2.4. Несколько замечаний о методике раскопок курганов в XIX в.

Для любого человека, который хотя бы немножко знаком с правилами раскопок курганов в интересующее нас время, вполне очевидно, что исследования тогда проводились тремя возможными способами. Во-первых, с помощью колодцев, которые закладывались приблизительно посередине насыпи; во-вторых, с помощью траншей, которые могли быть сквозными, т.е. пересекающими всю насыпь, или глухими, т.е. доведёнными до середины кургана или даже того меньше; в-третьих, путём заложения мин или галерей (тоннелей), которые чаще всего шли от траншей. Все три способа, естественно, не приводили к полному изучению кургана [Самоквасов, 1908, с. 157], но, в общем, позволяли обнаружить главную гробницу. Чаще всего археологи закладывали траншею и, если она не достигала гробницы, то от неё в разных направлениях делались минные галереи. В боспорских курганах с их помощью можно было выйти на каменные стены склепов или хотя бы на скопления каменных «отёсков», которые справедливо рассматривались как важный указатель на близость сооружённой здесь каменной гробницы. К месту, где фиксировалось скопление «отёсков», немедленно закладывалась очередная более или менее широкая траншея. Все траншеи и мины фиксировались на плане, по этой причине планы крупных курганов, подвергавшихся многолетним раскопкам (Кара-Оба, Большая и Малая Близницы и др.), выглядят нагромождениями прямоугольников, овалов и пунктирных линий.

В качестве типичного примера можно привести историю открытия склепа в Мелек-Чесменском кургане (см. также главу 1.4). В насыпи этого кургана, которая состояла из плотного грунта, А.Е. Люценко заложил мину. По признанию археолога, с её помощью удалось сократить время на исследование, а также «сохранить кургану его вид». Заложенная мина была оценена как «образец современного искусства в обыскивании насыпей» [ОАК, 1859, с. 23]. С её помощью действительно достаточно быстро удалось выйти на каменную стену погребальной конструкции. Из стены сразу же были извлечены две плиты, через образовавшееся отверстие раскопщики вошли в дромос, соединённый со склепом. Таким варварским на взгляд современных археологов способом был открыт знаменитый склеп Мелек-Чесменского кургана [Гайдукевич, 1949, с. 250, 252-253; 1981, с. 48-49; Савостина, 1986, с. 95, № 9].

В случае обнаружения гробницы снимался её план, давались необходимые разрезы, в особых случаях производился рисунок погребальной камеры, так сказать, заменяющий современную фотографию. Фотографирование раскопанных объектов стало активно применяться к концу XIX в. Часто, но не во всех

случаях, на плане гробницы обозначалось положение погребённого, расположение сопровождающего инвентаря и т.д. Отдельные находки из погребений и тризны зарисовывались, при этом порой делались рисунки, казалось бы, совсем непримечательных керамических сосудов (лекифов и пр.), терракотовых статуэток, обломков расписных ваз и пр. Эти рисунки, сделанные К.Р. Бегичевым и Ф.И. Гроссом и сохранившиеся в Научном архиве ИИМК РАН, стали неоценимым подспорьем для современных исследователей, поскольку большинство боспорских курганов до сих пор не изучено, да и материалы, происходящие из них, полностью не опубликованы.

Раскопки, производившиеся с помощью траншей и минных галерей, были трудоёмкими, дорогостоящими и, надо признать, весьма опасными, к тому же они совсем не гарантировали открытия неограбленных гробниц. Археологи, естественно, старались по возможности разрешить постоянно возникавшие в связи с этим проблемы. А.Е. Люценко считал, что выход из трудной ситуации заключается в предварительном проведении разведок на курганах, после которых можно было бы принять решение о проведении раскопок. С просьбой о разрешении таких разведок он обратился к С.Г. Строганову, тот против них, естественно, не возражал. Разъясняя свою позицию, А.Е. Люценко 9 августа 1860 г. направил председателю Археологической комиссии письмо, для наглядности снабдив его схемой абстрактного кургана (рис. 13) [Ф. 17, д. 2, л. 38-39]:

«Разрешение делать предварительно разведки в керченских курганах до приступления к систематическому их расследованию будет принято мною к непременному руководству на будущее время, и я надеюсь, что оно принесёт значительную пользу разысканиям, представляя возможность сосредоточить раскопки только в тех курганах, которые окажутся разрытыми поверхностью или в виде одних попыток. Осмелюсь пояснить эту пользу примером. Положим, что в каком-нибудь кургане М находятся две видные или завалившиеся ямы а и б. С помощью разведок с и д я постараюсь предварительно удостовериться, доведены ли означенные ямы до поверхности материка. Если, судя по слоям насыпи, они не доведены до материка или достигли его не приведя к открытию гробницы, то очевидно, что курган М можно считать вполне надёжным для расследования. В противном случае лучше перейти к другому кургану, чем останавливаться на этом. В сём случае, для убеждения, что в нём не заключается боковых гробниц, достаточно сделать вокруг него ров шириной не более одной сажени (2,13 м – Ю.В.). Ров этот непременно перережет где-нибудь слой отёсков, ведущих к боковой гробнице, если она находится в кургане М».

Приведённые соображения керченского археолога представляются вполне разумными, применение их на практике действительно могло сократить время

Глава II

на поиск «надёжных» курганов (порой их даже называли «благонадёжными») и, соответственно, сберечь некоторое количество выделенных на раскопки денежных средств. Более того, следует обратить внимание, что подобные приёмы изучения курганных насыпей, связанные с выявлением в них грабительских раскопов или зондажей более раннего времени и пр., являются неотъемлемой частью современной методики исследований таких памятников. А.Е. Люценко понимал значение данного правила не совсем так, как это обычно делается сейчас, но винить его за это, конечно, недопустимо.

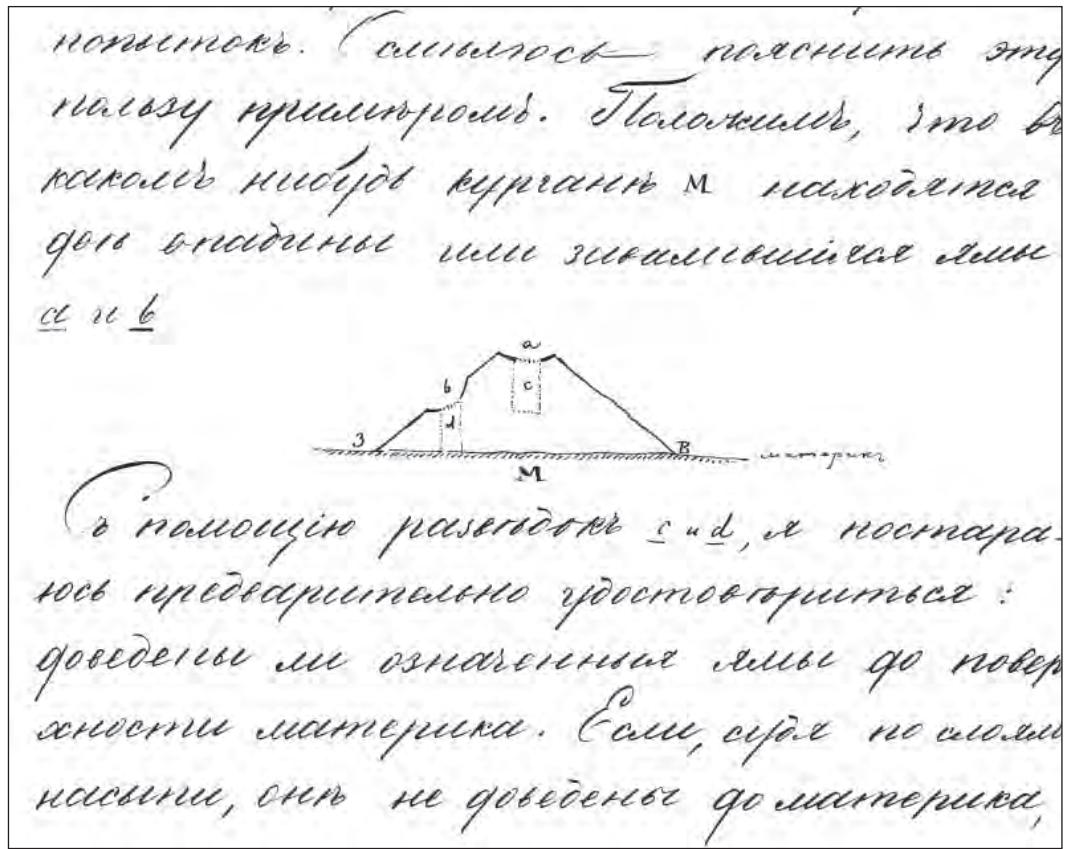

Рис. 13. Иллюстрация А.Е. Люценко к записке о раскопках курганов [Ф. 17, д. 2, л. 38].

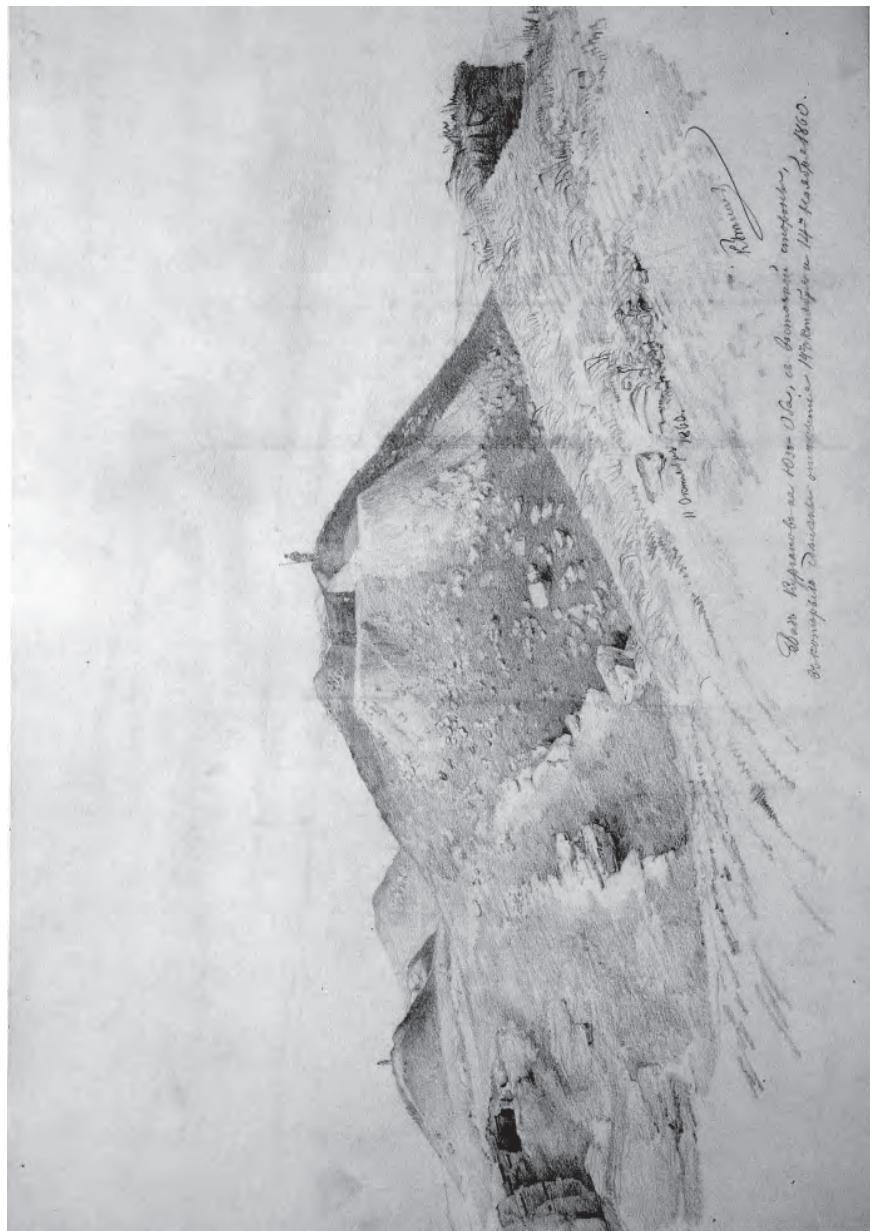

Рис. 14. Раскопки некрополя ЮЗ-Оба в 1860 г., вид с востока [Р. 1, № 691, л. 18].

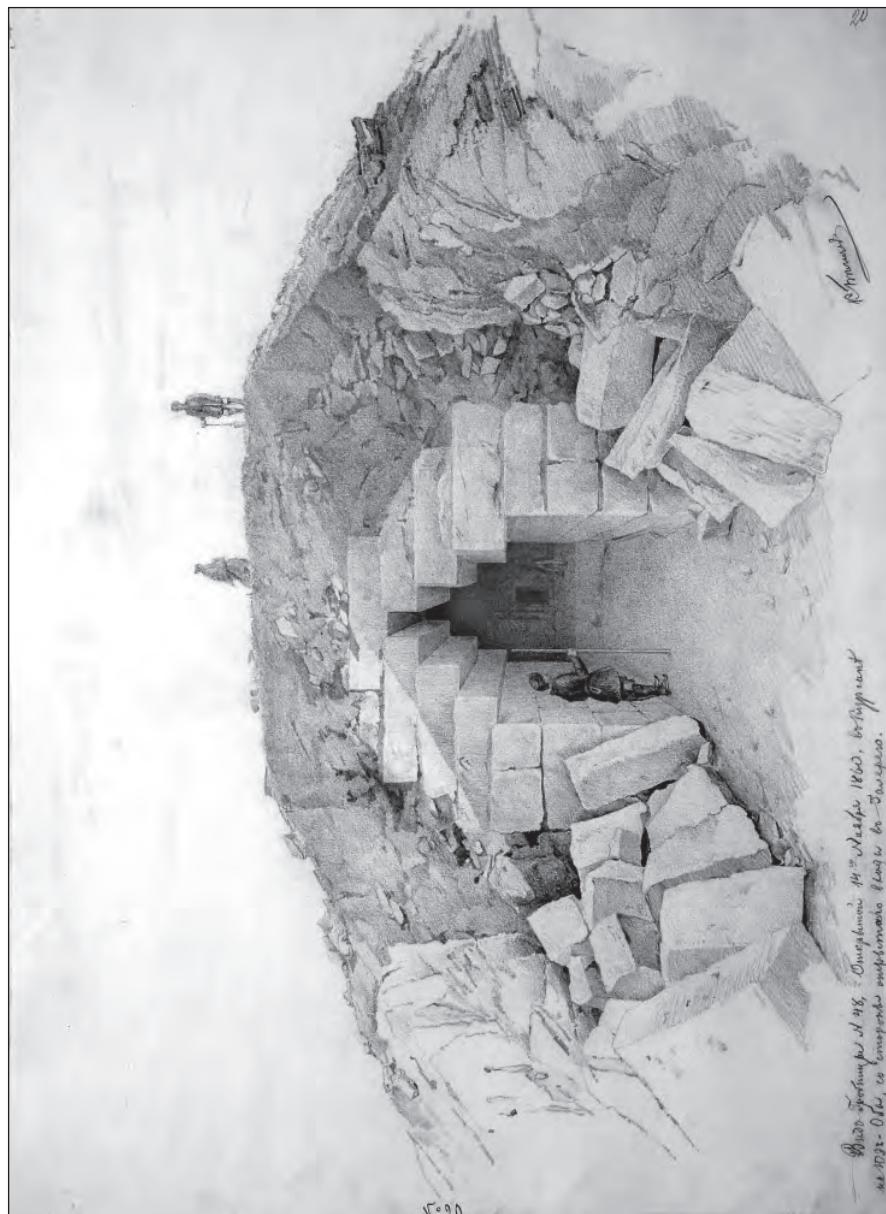
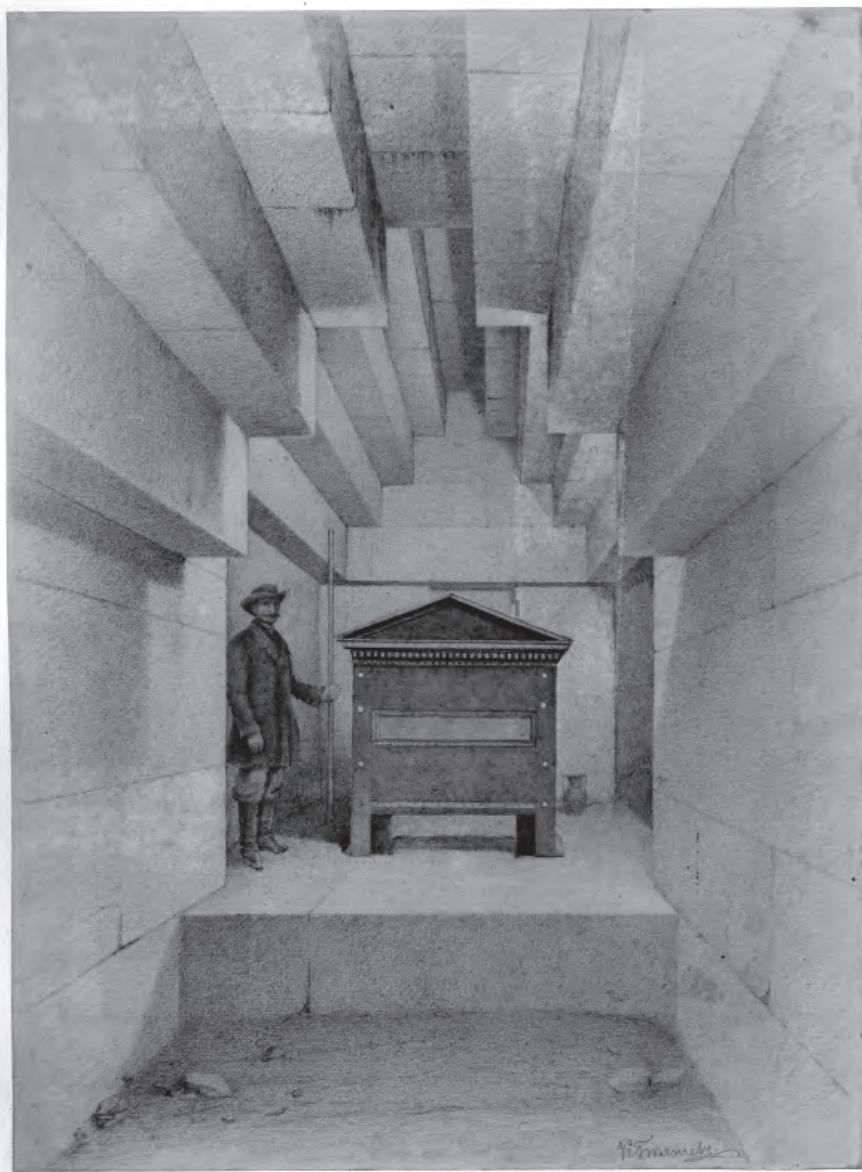

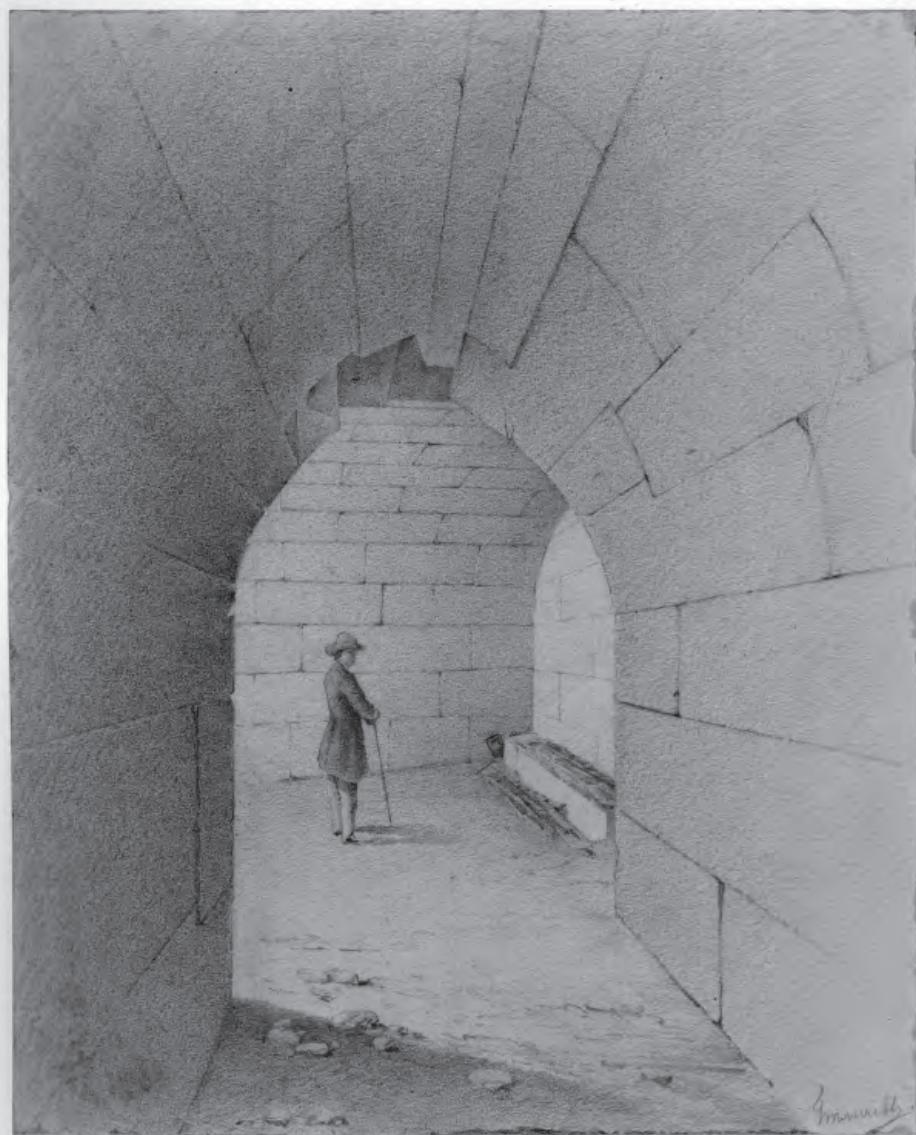
Рис. 15. ЮЗ-Оба, вход в гробницу № 48 [Р. 1, № 691, л. 20].

Свуперечий переселенчий худо греки
№ 48, стоящий втугими на? Нд-Оба? А? Надире № 11.
ота худа то сасорое.

Рис. 16. Юз-Оба, гробница № 48 [Р. 1, № 691, л. 22].

№ 8.

Внутренний вид гробницы № 47
в Юз-Обе, Могилье 1862.
Она пуста: ее сожгли

Рис. 17. Юз-Оба, гробница № 47 [Р. 1, № 691, л. 21].

Весы, масивные бронзовые, с 1½, открыты в находке погребальной ямы.

На обеих дланях наименование 8½ в Никополисе 1863 года.

Спираль в виде кольца из золота.

Рис. 18. Юз-Оба, вещи из гробницы № 7, открытой в 1863 г. [Р. 1, № 564, л. 2 об.]

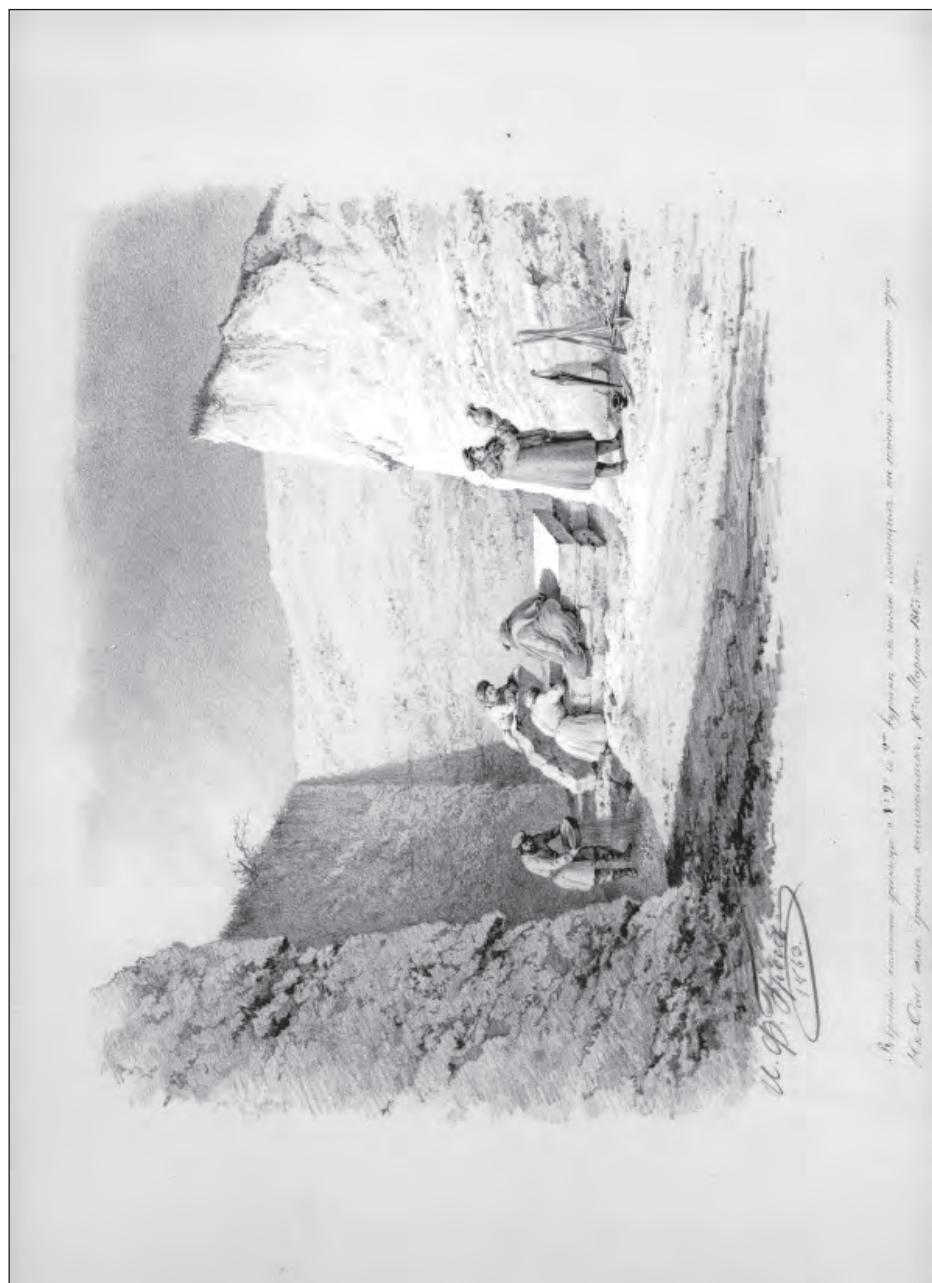

Рис. 19. Юз-Оба, открытие гробницы № 9 в 1863 г. [Р. 1, № 564, л. 5].

Венцы, находившиеся в каскетах греческих № 1-9, изображают № 1-Мурие № 55000 из 2^м века до н.э. и представляют собой обереги для счастья и благополучия.

1. Красноглиняный кувшин с изображением сцены спектакля, изображающей сцену между Аидом и Феями из спектакля № 2-именины мифологических персонажей. 2-5. Красноглиняные обереги. 2-3. Красноглиняные обереги. 4-5. Красноглиняные обереги. 6-7. Красноглиняные обереги из красного глины из красного глины.

Рис. 20. Ю3-Оба, венцы из гробницы № 9 [Р. 1, № 564, л. 6].

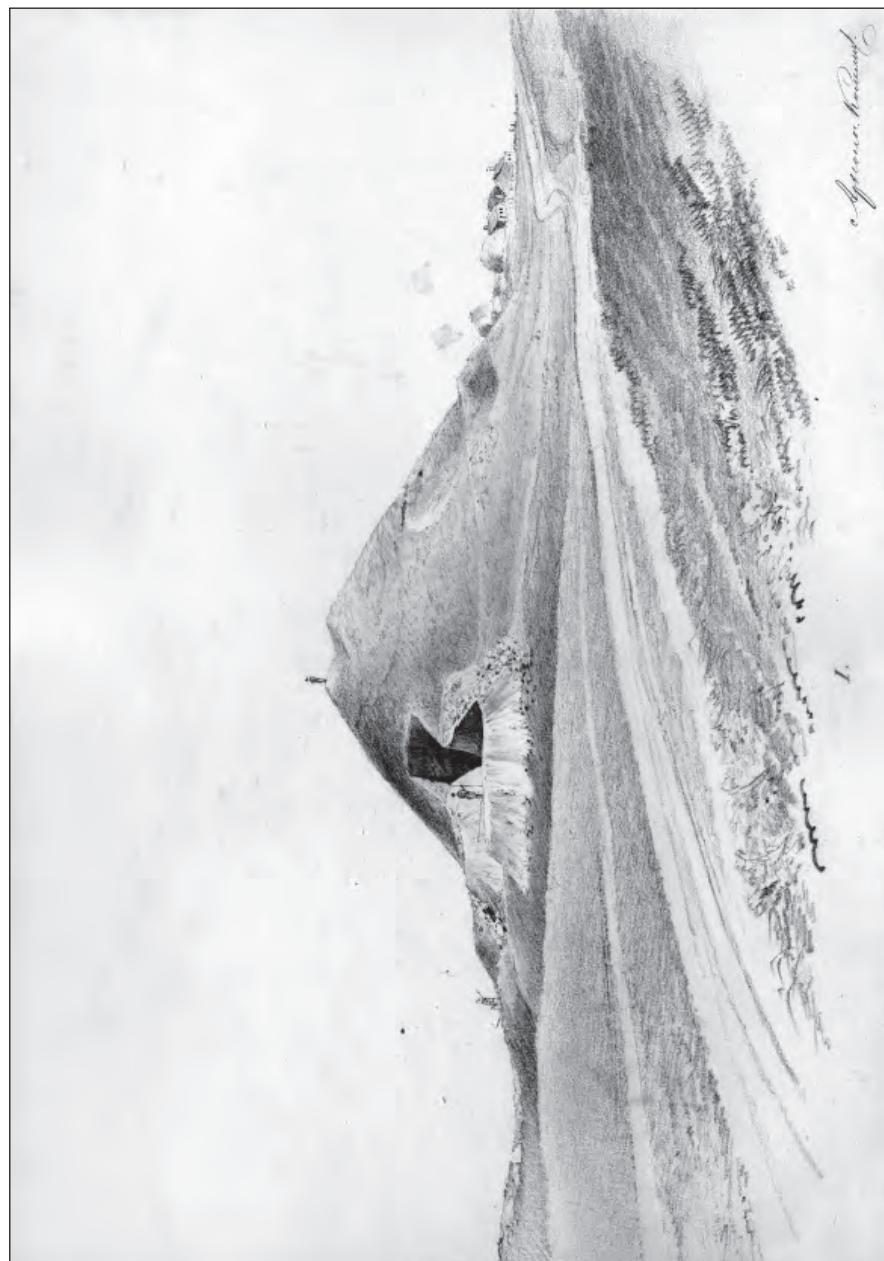

Рис. 21. Вид Острого кургана с юго-западной стороны в начале его расследования [Р. 1, № 691, л. 29].

2.5. Изучение боспорских курганов (от Юз-Обы до Большой Близницы)

После раскопок *Павловского кургана* в 1858 г. и сделанных здесь прекрасных находок, о чём говорилось выше (см. главу 1.4), С.Г. Строганов настоятельно рекомендовал А.Е. Люценко продолжить изучение курганов на Павловском мысу [1860 г., д. 6, л. 22]. Однако сделать это было совсем не просто, поскольку здесь возводились укрепления, предназначенные для защиты Керчи в случае военного конфликта на Чёрном море. События Крымской войны продемонстрировали насущную необходимость такого строительства. Руководитель работ на мысу инженер-полковник А.А. Нат обычно с пониманием относился к просьбам керченских археологов, но в данном случае вынужден был отказать, поскольку курганы оказались не просто внутри крепости, но их насыпи использовались в качестве деталей новой фортификационной системы [1860 г., д. 6, л. 39, 47]. А.Е. Люценко продолжил раскопки в других местах, при этом, несмотря на требование председателя Археологической комиссии, часто в нескольких пунктах одновременно. Тем не менее, как уже частично говорилось выше, основное внимание, начиная с 1858 г., он уделял исследованиям на гряде *Юз-Оба* [рис. 6-7; 14-20; ОАК, 1859, с. IX-X; 1860, с. III-VI; 1861, с. VI; 1862, с. V; 1863, с. X; 1864, с. XVIII]. Директор Керченского музея оставил следующее описание этого курганного некрополя [1860 г., д. 6, л. 40-41]:

«Холмы с остроконечными насыпями тянутся непрерывною цепью от Павловского и Ак-Бурунского мысов на северо-запад, группируясь в 3-х верстах от батареи на хребте горы Юз-Оба и простираясь дальше. Вероятно, они служили некрополисом важнейших сановников Пантикопеи, живших до Р.Х., ибо в гробницах, открываемых в насыпях, лежащих на этих холмах, не случалось находить стеклянной посуды. К сожалению, все они тронуты более или менее, и расследование их, особенно систематическое, сопряжено с большими затруднениями по причине скал».

Последнее обстоятельство постепенно вынуждало А.Е. Люценко прекратить исследования на Юз-Обе и «заняться отысканием других мест, более благоприятных для разумного употребления суммы, ассигнуемой на производство раскопок около Керчи [1862 г., д. 13, л. 9]. В рапорте, датированном 6 июля 1862 г., керченский археолог сделал ещё ряд важных замечаний [1862 г., д. 13, л. 9]:

«Из числа 15-ти больших курганов, расследованных на горе Юз-Оба²⁶, только в 6-ти оказались нетронутые гробницы.., в остальных девяти

²⁶ На самом деле в журнале раскопок А.Е. Люценко имеются описания, касающиеся исследований не 15, а 17 курганов Юз-Обы [1862 г., д. 13, л. 16].

курганах найдены гробницы, уже расхищенные в прежнее время; при этом каждый из них заключал не более одной гробницы в виде склепа или сожжённого костра, в которых *никогда не попадались стеклянные вещи*, – обстоятельство весьма замечательное и особенно характеризующее эту местность».

Необходимо особо подчеркнуть, что исследователь совсем не случайно акцентировал внимание на отсутствии в погребениях стеклянных сосудов, поскольку для археологов к тому времени стало вполне очевидно, что они принадлежат римскому времени [Муральт, 1850, с. 306-307; Виноградов, 2000, с. 104]. Более того, надо признать, что наблюдение А.Е. Люценко полностью подтвердилось: Юз-Оба – это действительно некрополь боспорской знати, принадлежащий доримской эпохе, вероятнее всего, IV в. до н.э. [Ростовцев, 1914а, с. 99 сл.; 1925, с. 188-189, 192, 194, 217; Гриневич, 1952; Виноградов, 2005, с. 271-273].

Из всех курганов, изученных им на Юз-Обе, А.Е. Люценко выделял *Острый* (рис. 21), даже считал его загадочным по причине отсутствия в нём каменной гробницы [1862 г., д. 13, л. 9; ОАК, 1861, с. VII]. Курган действительно очень необычен. Высота его достигала 17 м; вдоль основания он был окружён восьмиугольной каменной оградой, некоторые части которой имели форму лестниц (рис. 22). Монументального каменного склепа здесь действительно не было обнаружено, но, тем не менее, гробница в этом кургане была открыта, но она представляла нетипичную для Восточного Крыма катакомбу (рис. 23). В эту катакомбу вела шахта, обложенная по краям каменными блоками с рустами (рис. 24). Оценивая это открытие, директор Керченского музея заметил: «Катаомбы, устроенные в глубине скалистых оснований курганов, с помощью спусков или галерей, пробитых у подошвы их, принадлежат к числу редких открытий в Керчи» [1861 г., д. 16, л. 69; ОАК, 1861, с. VII; см. также: Толстой, Кондаков, 1889а, с. 23]. Казалось бы, такое редкое открытие должно было привлечь особое внимание современных исследователей, однако лишь Г.А. Цветаева по его поводу заметила, что катакомба Острого кургана может служить прототипом для боспорских катакомб первых веков новой эры [Цветаева, 1957, с. 242, прим. 80]. Такая интерпретация представляется очень спорной, правильнее, на мой взгляд, усматривать здесь связь со скифскими катакомбами [Виноградов, 2005, с. 273; 2011, с. 49-54].

В 1862 г. А.Е. Люценко обратился к раскопкам курганов, лежащих на мысу *Ак-Бурун*, т.е. на южной оконечности Керченской бухты [см.: Виноградов, 2001; Стародубцев, 2004; 2005]. Впрочем, двумя годами ранее он обратил внимание, что военное ведомство разрывает здесь до основания один большой курган. Исследователь очень опасался, что в результате этих работ без ведома чиновников музея будет открыта гробница, но его просьбы, обращённые к военным властям, естественно, не были для них обязательными [1860 г., д. 6, л. 46]. Тем не

менее, археологов сюда всё-таки допустили, и А.Е. Люценко описал это место следующим образом [1860 г., д. 6, л. 40-41]:

«Будучи увенчан рядом огромных курганов, он (мыс Ак-Бурун – Ю.В.) входит в проект береговых укреплений Павловской батареи. *Первый курган* (здесь и далее в этом документе выделено мною – Ю.В.) этого мыса в западном его направлении совершенно снесён с места по распоряжению строителя укреплений²⁷. Инженеры нашли в нём каменный склеп, оказавшийся уже разорённым прежде. *Второй курган*, особенно громадной величины, заключает в себе небольшой склеп с цилиндрическим сводом, открытый французами и англичанами посредством минной галереи, направленной к центру насыпи с северо-восточной стороны. Впрочем, они нашли его, кажется, также разорённым в прежнее время. В *третьем кургане* средней величины открыта, быть может, ими же посредством минной галереи, боковая каменная гробница с плоской крышкой. В *четвёртом* находился большой склеп, служивший нам в 1855 году пороховым погребом, который был взорван. Что же касается до *пятого*, т.е. последнего кургана, лежащего на самой оконечности мыса, то, хотя он значительно раскопан вокруг подошвы, однако же, никому не известно, была ли в нём когда-либо открыта гробница».

Особый интерес археолога вызвали второй и пятый курганы. Военно-инженерное ведомство пошло ему навстречу, позволив исследовать насыпи без их удаления, т.е. с помощью минных галерей. Изучение второго кургана не дало результатов, в пятом же, в его центральной части, была открыта плитовая гробница с плоским перекрытием, оказавшаяся полностью разграбленной, и скелеты двух лошадей, на одном из которых находился богатый убор, исполненный в зверином стиле [1862 г., д. 13, л. 34-35; ОАК, 1862, с. XIV]. Этот набор в высшей степени интересен (рис. 25); он датируется не позднее середины V в. до н.э. [Яковенко, 1970, с. 59; 1974, с. 105] и позволяет считать, что в кургане № 5 на мысе Ак-Бурун был погребён представитель местной племенной знати [Виноградов, 2005, с. 249].

Несмотря на очевидные успехи в изучении больших керченских курганов, А.Е. Люценко всё больше казалось, что «замечательные открытия» сделать здесь очень трудно, поскольку все самые крупные курганные насыпи уже не раз подвергались раскопкам. В июле 1863 г. он писал, что в большей степени можно надеяться на исследования небольших курганов или сплошных насыпей, по этой причине археолог предлагал перенести работы с Юз-Обы в район Глинища, Арестантских казарм и Карантинной слободки [1863 г., д. 5, л. 12]. Раскопки в

²⁷ Вероятно, это тот курган, о котором А.Е. Люценко писал в 1860 г. [1860 г., д. 6, л. 46].

Глава II

этих местах, а также в сплошных могильных насыпях горы Митридат были продолжены весьма активно и, можно сказать, традиционно, пусть со скромным, но постоянным успехом.

Новая страница в изучении боспорских курганов была открыта старшим сотрудником Археологической комиссии И.Е. Забелиным [о нём см.: Фомозов, 1984; Алексеев, 2004; Панкратова, 2008а], который обратился к раскопкам памятников Таманского полуострова. И.Е. Забелин в донесении, присланном в Императорскую археологическую комиссию, отметил особое значение по величине на Таманском полуострове двух курганов, «именуемых Близницами или Двумя Братьями» (иногда их называли также Стеблеевскими Близницами – Ю.В.). Далее он писал [1864 г., д. 14, л. 4]:

«Уже одно их местоположение на высоком хребте, с которого открываются далёкие виды от северной стороны на Керчь-Еникальский берег Крыма, а с южной на широкий разлив Кубани, Кавказский горный берег и Чёрное море, давало несомненное удостоверение, что эти насыпи в сравнении с другими должны иметь исключительно важное значение, ибо могли принадлежать лицам царственного происхождения».

И.Е. Забелину вторил директор Керченского музея древностей, который, глядя на Близницы с другой стороны пролива, заметил, что эти курганы «столь огромны, что в ясную погоду видны из Керчи» [1864 г., д. 14, л. 35].

Раскопки 1864 г., по выражению И.Е. Забелина, были счастливыми [1864 г., д. 14, л. 4]. Он раскопал несколько курганов около Фанагории [Паромов, 1993, с. 120], но главный успех ждал его на *Большой Близнице* (рис. 26). Прежде всего, И.Е. Забелину удалось обнаружить крупное костище, а в 8,50 м от него – каменный склеп (№ 1), оказавшийся совершенно не потревоженным. В нём находилось погребение знатной женщины, одежда которой была расшита золотыми бляшками, а голову украшали золотая стленгид и золотой калаф с изображением битвы варваров с грифонами. Любопытной особенностью этого погребального комплекса является наличие четырёх конских уборов, в состав которых входили колокольчики, лунницы, бронзовые бляхи (фалары) и пр. [см.: ОАК, 1864, с. IV сл.; Ростовцев, 1914а, с. 10-12; Артамонов, 1966, с. 68-70; Уильямс, Огден, 1995, с. 184-195].

В конце лета и осенью того же года раскопки Большой Близницы продолжил А.Е. Люценко. Ему повезло меньше, чем И.Е. Забелину, открытый им склеп (№ 2) оказался полностью разграбленным, но именно это сооружение сохранило великолепную роспись [рис. 27, 28; ОАК, 1864, с. VIII сл.; Ростовцев, 1914а, с. 15 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 286; Ернштедт, 1955, с. 254-255; Артамонов, 1966, с. 73, рис. XVI]. Особенno замечательна верхняя плита сооружения, «на внутренней стороне которой изображена яркими красками *прямолично* (так в тексте

отчета – Ю.В.) женская голова колоссальных размеров с частью рук, поднятых к верху; волосы ея убраны цветами, шея – ожерельем, а левое ухо – серьгою; в правой руке у нея находится букет из цветов, в левой – конец повязки или ленты, спускающейся с головы» [1864 г., д. 14, л. 39]. А.Е. Люценко датировал это сооружение IV в. до н.э., что, в целом, верно. Ему также принадлежит очень важное наблюдение, что Большая Близница состоит из нескольких отдельных курганных насыпей, объединённых в единую по причине сделанных к ним присыпок [1864 г., д. 14, л. 38].

Летом 1865 г. раскопки Большой Близницы были возобновлены под руководством А.Е. Люценко (рис. 29). Тогда в насыпи кургана был обнаружен ещё один каменный склеп (№ 3), в котором находился деревянный саркофаг с мужским остовом. Мужчине принадлежали семь копий, железный меч и кинжал, бронзовый панцирь и поножи, от которых сохранилось несколько обломков, а также разломанный на две части бронзовый шлем «особой формы в виде фригийской шапки с заметными следами позолоты» [рис. 30; 1865 г., д. 9, л. 6]. В погребении было найдено большое количество (почти сотня) золотых штампованных бляшек, украшавших одежду, и другие ценные предметы [см.: ОАК, 1865, с. IV сл.; 1866, с. 5 сл., 67 сл.; Ростовцев, 1914а, с. 13-14; Артамонов, 1966, с. 73]. В том же году в насыпи Большой Близницы, рядом с открытым тогда жертвенником, были обнаружены обломки рельефного лекифа с изображением Европы на быке (рис. 31; см.: ОАК, 1865, с. IV; 1866, табл. II, 33; Ростовцев, 1914а, с. 12; Шауб, 2007, с. 385 сл.).

В 1868 г. исследования были продолжены, в результате чего был открыт ещё один каменный склеп (№ 4), возведённый не на материке, а в насыпи кургана [1868 г., д. 41, л. 24-25; см.: ОАК, 1868, с. V-VII; Тизенгаузен, 1869, с. 42 сл.; Ростовцев, 1914а, с. 14; Артамонов, 1966, с. 71-72]. Он содержал женское захоронение, очень сходное с захоронением в склепе № 1. Погребённая имела золотую стленгиду и золотой калаф, пектораль с изображениями животных и другие украшения. Очень большое научное значение имеет происходящий из погребения набор терракотовых статуэток; он состоит из трёх десятков предметов, которые заслуженно стали хрестоматийно известными [Передольская, 1962].

Забегая немного вперёд, следует сказать, что в 1883 г. С.И. Веребрюсов в юго-восточной части кургана открыл гробницу (склеп № 5), сложенную из каменных плит и перекрытую деревом [1883 г., д. 3, л. 4-6, 20-25, 46 сл.; о ней см.: Ростовцев, 1914а, с. 14; Артамонов, 1966, с. 72-73; Уильямс, Огден, 1995, с. 180-183]. Внутри неё находился деревянный саркофаг, содержавший женское погребение (третье по счету). В этом погребении, помимо различных керамических сосудов, был найден ряд ювелирных изделий, семь любопытных терракотовых статуэток и пр. С.И. Веребрюсов признавал при этом, что обнаруженный им комплекс не является главной, «центровой» гробницей кургана [1883 г., д. 3, л. 25], т.е. исследования здесь следовало продолжать.

Открытие комплексов Большой Близницы, безусловно, стало важнейшей вехой в изучении курганов Боспора Киммерийского. Практически нет сомнений, что здесь совершались захоронения представителей знатного боспорского рода, занимавших видное положение в религиозной жизни государства. Погребенные здесь женщины, как представляется, выполняли весьма ответственные жреческие функции [Передольская, 1962, с. 46; Артамонов, 1966, с. 68-74; Шауб, 2007, с. 359; Gajdukevič, 1971, S. 297 ff.]. Единой трактовки этих выдающихся по научной значимости комплексов пока не существует, но местные особенности культа, связанные с почитанием великого женского божества, проявляются здесь весьма отчётливо [см.: Шауб, 1987, с. 27 сл.; 2007, с. 370-385]. Относительная хронология комплексов Большой Близницы пока ещё чётко не разработана, но, вероятнее всего, они были сооружены в пределах довольно узкого отрезка времени. В.И. Пругло полагает, что наиболее поздним среди них является склеп № 4, который она датирует концом IV или концом IV – началом III вв. до н.э. [Пругло, 1974, с. 77]. Выводы А. Шварцмайер, проделавшей специальное изучение всех погребений, в принципе, не противоречат этой точке зрения. Эта исследовательница считает, что самым ранним комплексом Большой Близницы является так называемое погребение жрицы Деметры (№ 1), совершенное около 330 г. до н.э., все остальные погребения были произведены позднее, вероятно, в начале III в. до н.э. [Schwarzmaier, 1996, S. 137; cp.: Pfrommer, 1990, S. 270-274].

Рис. 22. Вид стены, окружающей Острый курган, с восточной его стороны. Раскопки 1862 г. [Р. 1, №. 691, л. 32].

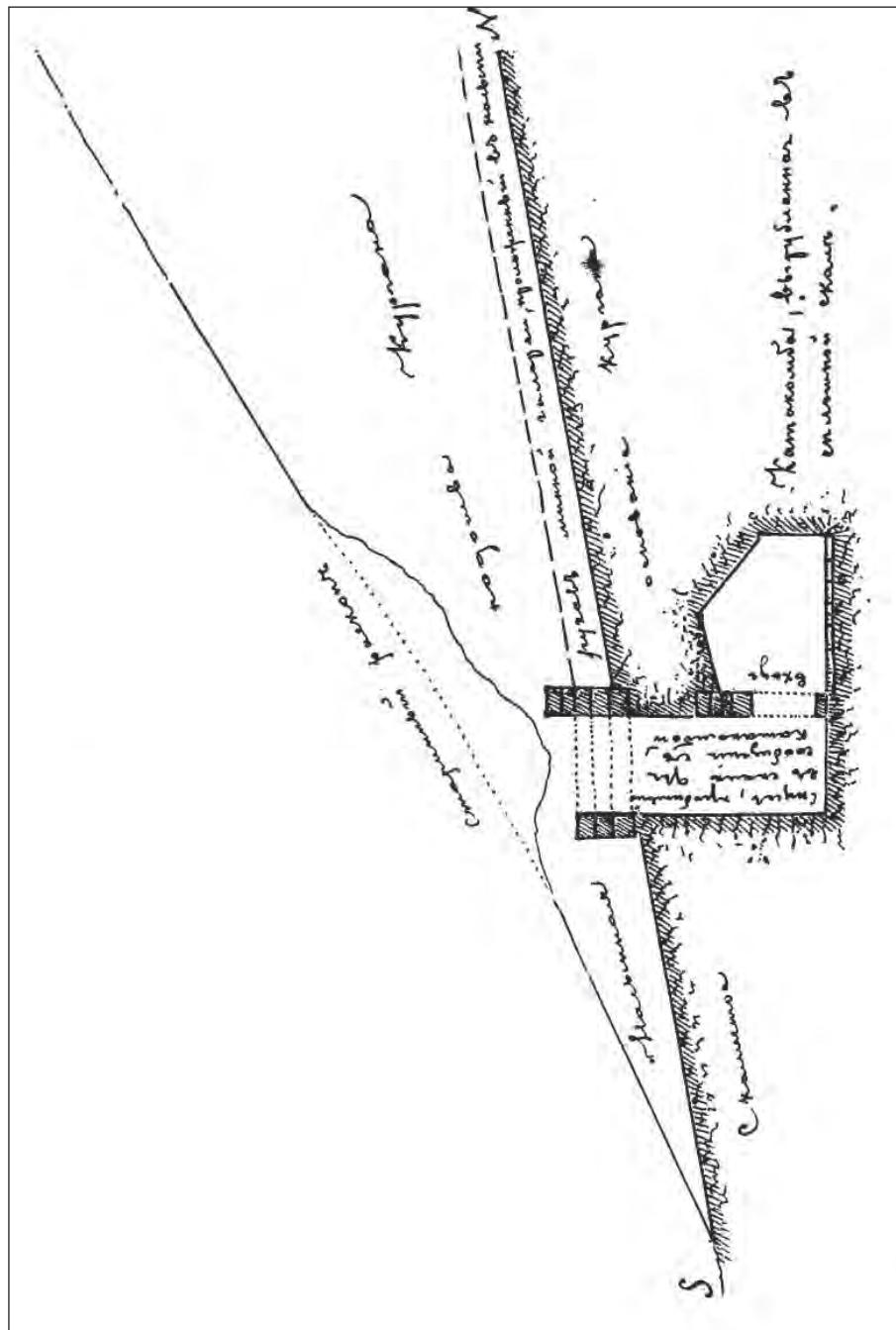

Рис. 23. Катакомба Острова кургана, разрез [1861 г., л. 16, л. 68].

Рис. 24. Вид шахты, ведущей в катакомбу Острого кургана, во время раскопок [Р. 1, № 691, л. 30].

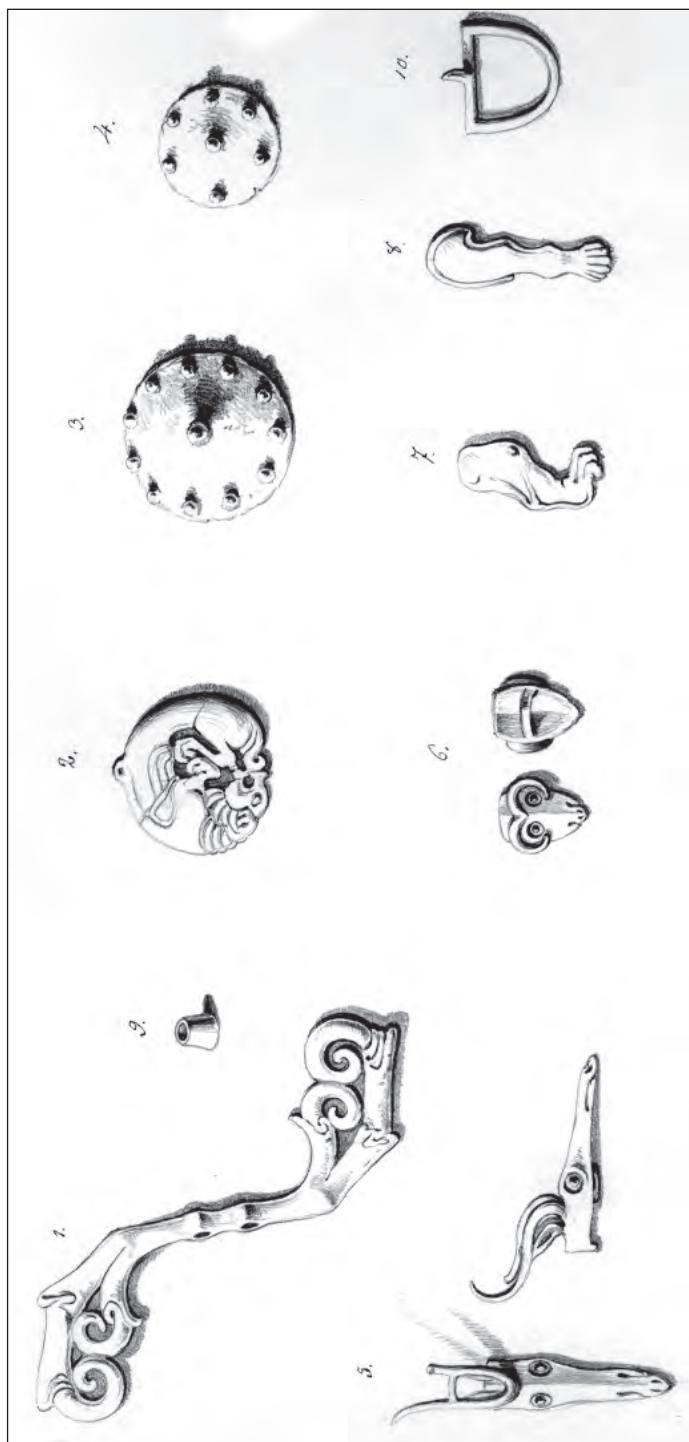

Рис. 25. Ак-Бурун, 1862 г. Найдены из конского захоронения [Р. 1, № 691, л. 39 об.].

Рис. 26. Большая Близница, раскопки 1864 г. [Р. 1, № 564, л. 21].

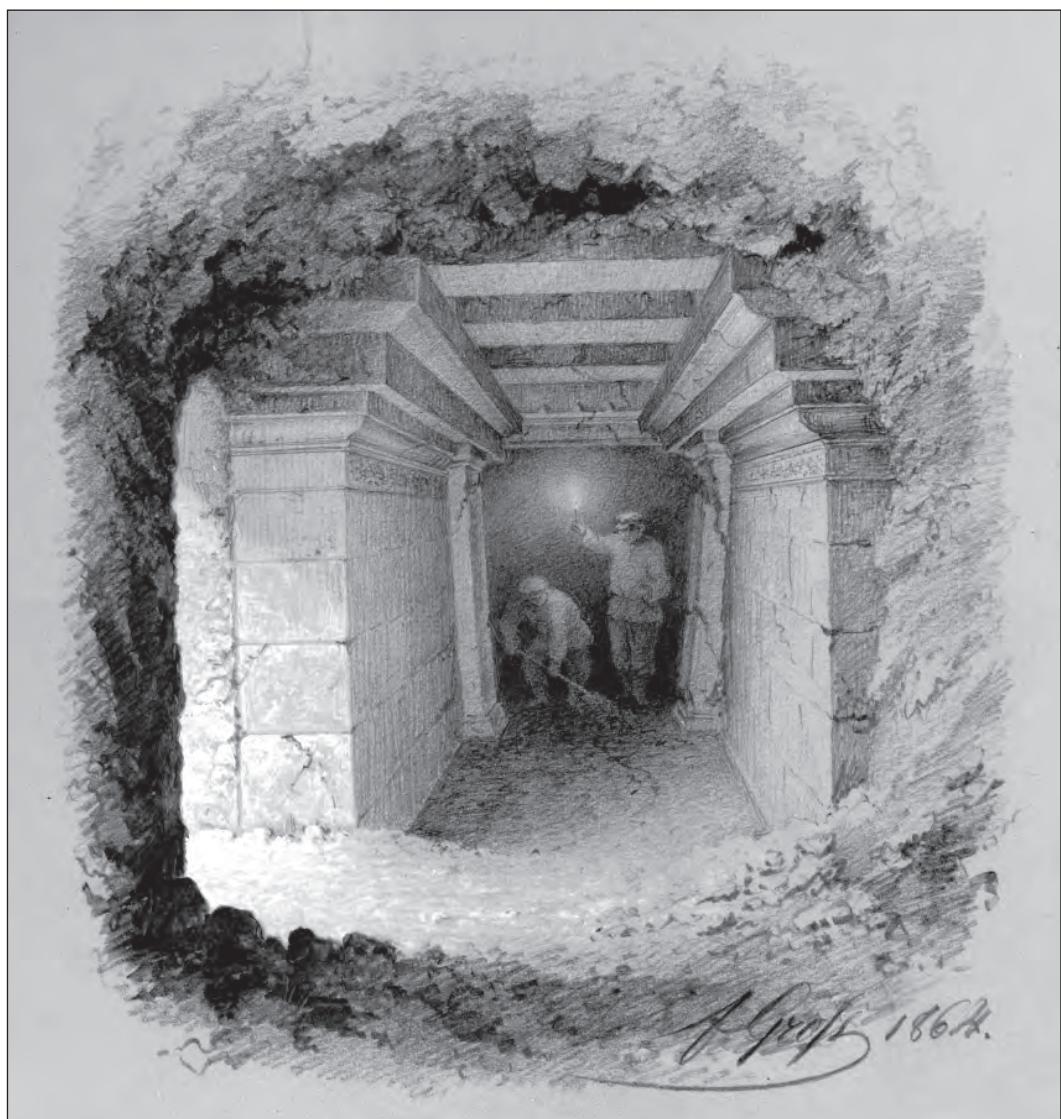

Рис. 27. Большая Близница. Вид дромоса во 2-м склепе [Р. 1, № 564, л. 22а].

Рис. 28. Большая Близница. Внутренний вид погребальной камеры во 2-м склепе [Р. 1, № 564, л. 22б].

Рис. 29. Большая Близница, раскопки 1865 г. [Р. 1, № 692, л. 3].

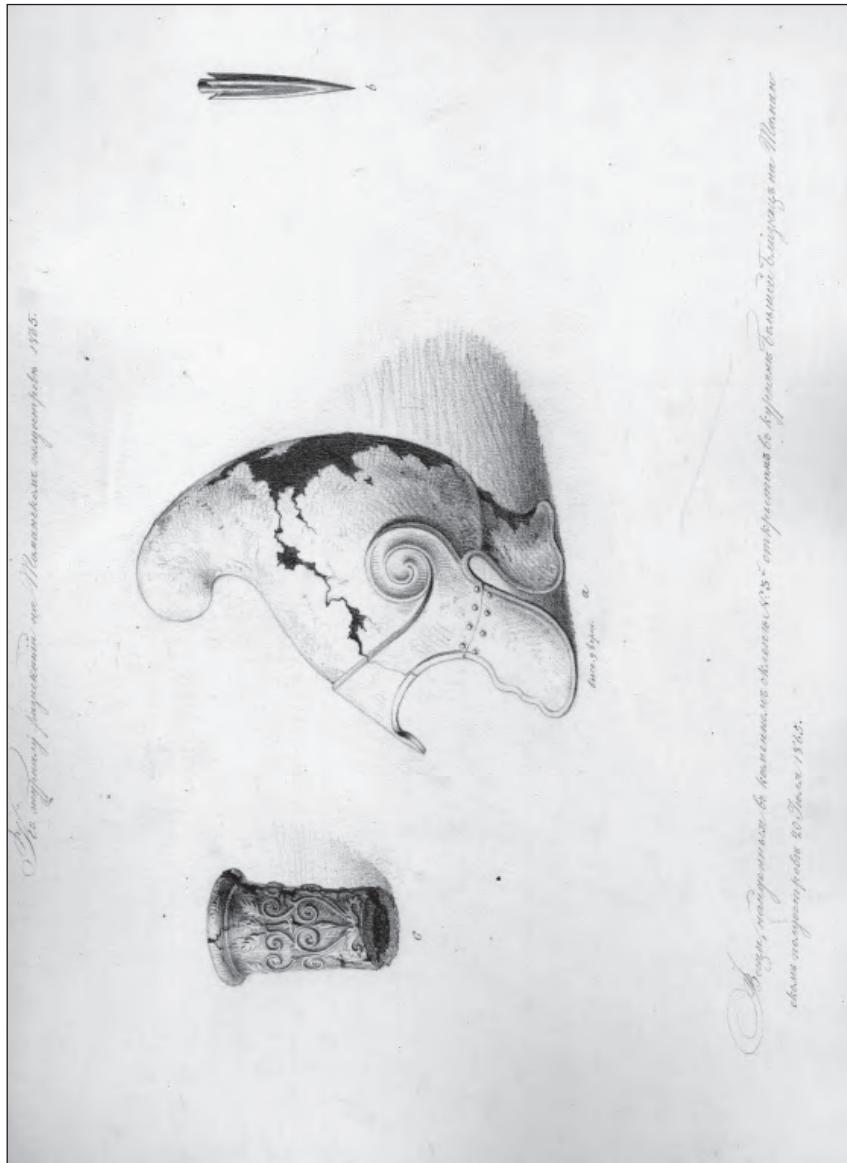

Рис. 30. Большая Близница, находки из склона № 3 [П. I, № 692, л. 6].

Рис. 31. Большая Близница, рельефный лекиф с изображением сцены похищения Европы [Р. 1, № 692, л. 11 об.].

2.6. Записка И.Е. Забелина об археологических памятниках Таманского полуострова

После успешных раскопок Большой Близницы 3 сентября 1864 г. И.Е. Забелин направил С.Г. Строганову обширное послание, в котором обобщил свои наблюдения относительно древностей Таманского полуострова, а также относительно насущных задач их изучения в будущем. Этот документ настолько интересен, что будет уместно привести его почти полностью [1864 г., д. 14, л. 8-11]:

«Вследствие раскопок, произведённых там (на Таманском полуострове – Ю.В.) в давние времена гг. Ашиком, Карейшей и другими, не представивших особенно счастливых открытий, составилось постепенно мнение, что таманская археологическая почва слишком бедна и что необходимо обладать особым счастьем, чтобы сделать какое-либо достойное трудов и расходов открытие. Такие отзывы мне приходилось слышать не один раз; в этом же уверял меня К.К. Гёрц, когда в мае месяце я отправился туда на разыскания. Действительно, значительная часть таманских курганов раскопана или археологами, или же в незапамятные времена искателями кладов. Но ближайшее знакомство с делом обнаруживает, что положительно никак нельзя сказать, чтобы те и другие совсем уже истощили почву любопытных и важных открытий. Напротив, археологическое богатство полуострова, даже на поверхностный взгляд, так ещё велико и так ещё мало обследовано, что подаёт несравненно больше надежд, чем доказательств о бесплодности новых разысканий. Даже и раскопанные и, видимо, обысканные курганы не следует оставлять без внимания, ибо после искателей кладов, производивших раскопы неправильно и торопливо с одною целью поскорей обобрать золото, всегда можно надеяться открыть очень примечательные памятники... Раскопки же, произведённые с археологическою целью, сделаны большою частью ещё в то время, когда полагали, что гробницы находятся собственно в насыпи, а не в материке, поэтому у многих курганов, раскопанных археологами, как выражаются местные жители, побиты только головы, т.е. раскопы произведены только в вершинах, воронкообразно, с выкидом земли по сторонам. Очевидно, что таким способом изыскания исследователи не могли составить себе отчётливого понятия о том, что находится в материке и даже на материке, ибо они редко достигали материка, так что необходимо некоторые из подобных курганов снова переисследовать. К тому же большая часть раскопанных курганов находится вблизи предполагаемого древнего городища Фанагории, т.е. вблизи станции Сенной и хуторов гг. Семеняки и Чижевского. Чем больше удаляемся от этого пункта в разных направлениях, тем больше встречается курганов, которые подают сравнительно больше надежд для счастливых открытий. Особенное

же внимание обращают курганы, расположенные на высоких горах и вообще по возвышенностям полуострова. К числу таких принадлежат и Близницы, из которых одна доставила нынешнее открытие. Другая также, судя по всем признакам, должна хранить не менее интересную гробницу. Верстах в трёх от этих Близниц к северо-западу – курган на Круглой или Васюринской высокой горе, по тем же признакам заслуживает неотлагательного расследования. Затем возвышенности, идущие от Близниц далее к западу до Тамани, к востоку до урочища Дубовый Рынок и к северу вблизи селения Ахтанизовки, также изобилуют примечательными курганами и ожидают исследователя. Если бы даже подобные курганы, которыми так богат полуостров, были уже обысканы, то всё-таки нельзя покидать их без археологического расследования, ибо в их полах могут быть открыты богатые жёные гробницы, почти всегда по своему местоположению ускользавшие от грабительских поисков.

Но на полуострове не одни курганы важны для исследователя. Там много древних городищ, расследование которых представляет общеисторический интерес. Относясь к эпохе киммерийских мраков истории, эти городища тем самым возбуждают ещё большее любопытство в исследователе. Время от времени и большую частью случайно, помимо археологических розысков, в их насыпях открывали очень замечательные надписи, уяснившие несколько любопытных исторических фактов. Между тем, учёное расследование их ещё и не начиналось.

Главная причина, которая отвлекала внимание изыскателей от подобных насыпей и вообще от расследования исторических местностей, заключается в том, что археологи, вследствие разных обстоятельств, направляли свою *исследовательность* (так в источнике – Ю.В.) исключительно на одни гробницы, а в гробницах на одно золото, сделавшееся чуть ли не единственной целью раскопок и без которого открытия всегда представляли очень мало интереса. Археологические поиски устремлялись только на одни роскошные и изящные памятники древнего искусства, оставляя почти с пренебрежением всё то, что по своему характеру и значению мало приближалось к искомым предметам.

Столько же существенный и важный вопрос, именно вопрос об определении исторического значения местности, о раскрытии характера цивилизации и культуры угасшего населения посредством раскрытия и объяснения разнородных, хотя бы и ничтожных на взгляд, памятников древней гражданской жизни, – этот всегда оставался в стороне, как дело совершенного постороннее и мало пригодное для главной цели.

Очень понятно, что при таком взгляде на цель разысканий, эти разыскания ни в каком случае не могли быть ведены систематически, с целью в точном смысле научными. Они зависели от случайных указаний, от

случайных соображений об археологическом значении той или другой группы курганов, той или другой местности. Оттого, несмотря на неоднократные раскопки, произведённые на полуострове, мы всё-таки до сих пор не имеем ясного, сколько-нибудь определённого понятия об этой Киммерийской стране, о её замечательных местностях, когда-то густо населённых, теперь пустынных и загадочных; мы с точностью не можем указать даже местность знаменитой Фанагории.

Таким образом, если иметь в виду не одни только роскошные и художественные памятники, какие доставляют иногда древние греческие гробницы, но вместе с тем и следовать за задачами истории и археологии в более обширном и прямо учёном смысле, то Таманский полуостров, вопреки составленному мнению, представляет в этом отношении такое археологическое богатство, которое трудно будет истощить в целые десятилетия. Необходимо только руководиться при раскопках каким-либо общим планом, необходимо идти в разысканиях последовательно, шаг за шагом, не смущаясь относительной бедностью находок и кажущуюся бесплодностью исследований местности до тех пор, пока не составится полное и отчётливое понятие о её археологическом и историческом значении; а для этого было бы необходимо, прежде всего, составить подробную карту всех археологических местностей полуострова, действительно существующих, а не воображаемых, в замене тех именно карт, которые выработаны не по указаниям самой местности, а на основании одних лишь книжных справок. Такая карта в значительной степени облегчила бы труд исследователя и должна способствовать устраниению излишних расходов на раскопки, так как при помощи ея указаний всегда можно было бы избирать для расследования местности наиболее примечательные».

Записка И.Е. Забелина примечательна во многих отношениях. Конечно, не он первым обратился к описанию курганов Таманского полуострова [см.: Лазаревский, 1861], но внимательный взгляд учёного выделил здесь, так сказать, главные объекты будущих полевых исследований. Помимо того, И.Е. Забелин обратил внимание на важность изучения древних городищ и, наконец, отметил насущную необходимость составления точных археологических карт. Не удивительно, что дальнейшие исследования курганов осуществлялись почти точно по намеченному И.Е. Забелиным плану: Малая Близница, курганы Васюринской горы, Ахтанизовский курган. Изучение *Малой Близницы*, правда, началось в один год с Большой, но оно производилось очень долго, тяжело и, можно сказать, мучительно: 1865, 1868, 1881-1883, 1907 и 1915 гг. [см.: Виноградов, 2004б]. Основным погребением кургана, скорее всего, следует считать кремацию с богатым набором инвентаря, обнаруженную в 1882 г. (см. главу 3.2).

2.7. Изучение курганов Таманского полуострова. От Васюринской горы до Артюховского кургана

С появлением на Боспоре И.Е. Забелина исследования курганов стали производиться с определенным креном в сторону Таманского полуострова. В 1868 г. в изучение классических древностей Таманского полуострова к тому же активно включился ещё один член Императорской археологической комиссии – барон В.Г. Тизенгаузен [о нём см.: Тихонов, 2007]. Тогда он провёл раскопки городища Гермонасса (см. ниже), исследовал курган, расположенный недалеко от Тамани, в котором был обнаружен каменный склеп, содержащий великолепно украшенный деревянный саркофаг (рис. 32). В саркофаге находилось женское захоронение с весьма богатым набором сопровождающего инвентаря, о котором автор раскопок оставил довольно подробное (в стиле А.Е. Люценко) описание [1868 г., д 40, л. 4-5; см. также: ОАК, 1868, с. X-XI; Тизенгаузен, 1869, с. 40-42; о саркофаге см.: Сокольский, 1969, с. 22-24, № 12]. После этого открытия археолог провёл раскопки четырёх курганов на западном берегу Цукурского лимана [ОАК, 1868, с. XIII], но они оказались очень неудачными, что побудило В.Г. Тизенгаузена перенести работы на *Васюринскую гору* [рис. 33; 1868 г., д. 40, л. 6; ОАК, 1868, с. XIII-XIV].

Он приступил к раскопкам самого большого из пяти расположенных здесь курганов, но в 1868 г. до конца их не довёл и попросил продолжить исследования А.Е. Люценко. Директору Керченского музея удалось открыть в этом кургане каменный склеп с так называемым полуциркульным сводом, стены и потолок которого были украшены росписью [рис. 34; Ростовцев, 1914а, с. 30 сл.; Власова, 2004, с. 159-164]. Сооружение оказалось ограбленным, из крупных предметов в нём сохранились стол и скамья, изготовленные из белого мрамора (рис. 35). Склеп был соединён с дромосом, в который сверху вела каменная лестница. К верхней части лестницы примыкали каменные ящики, в которых находились конские захоронения с богатыми украшениями сбруи. М.И. Ростовцев считал, что их было четыре [Ростовцев, 1914а, с. 31]. Эти конские захоронения были исследованы В.Г. Тизенгаузеном в 1869 г.; к сожалению, никаких отчётов об этом открытии не сохранилось, и, надо полагать, что они вовсе не были составлены, имеется лишь описание сделанных тогда находок [1869 г., д 4, л. 84].

В 1871 г. во втором, среднем по размерам, кургане Васюринской горы был открыт каменный склеп (рис. 36-37), очень схожий по устройству с описанным выше, но без росписи [1871 г., д 16, л. 11-13, 33-36; см.: ОАК, 1870-71, с. XXXIV-XXXVII; Ростовцев, 1914а, с. 43 сл.; Власова, 2004, с. 165-168]. Он тоже был полностью ограблен, найти удалось лишь три мраморные ножки от стола, обломки мраморной доски и фрагменты желобчатой глиняной вазы. В склеп опять же вела лестница, по сторонам которой находились захоронения лошадей. Два из них, устроенные в каменных гробницах, оказались разграбленными, в третьей,

вырытой в земле, вместе с конскими костяками были обнаружены обломки железной колесницы, украшенной бронзовыми пластинами с изображением цветов, женскими статуэтками и пр.

В этом среднем кургане было открыто несколько впускных погребений. В октябре 1870 г., т.е ещё до начала раскопок, в его южной части местные жители обнаружили и разграбили плитовую гробницу с большим количеством золотых вещей. По крайней мере, часть из этих предметов была выкуплена и поступила в Эрмитаж [1870 г., д. 23, л. 2 сл.; см.: ОАК, 1870-71, с. XVII-XVIII; Ростовцев, 1914а, с. 42-43; Власова, 2004, с. 168-169]. М.И. Ростовцев датировал этот комплекс первыми десятилетиями III в. до н.э. [Rostowzew, 1931, S. 331], но М.И. Максимова, указывая на близость некоторых находок к вещам из Артюховского кургана (см. ниже), допускала возможность более поздней атрибуции [Максимова, 1962, с. 130, прим. 5]. Любопытно, правда, что в описи обнаруженных тогда вещей упомянута монета с изображением головы Пана вправо на одной стороне и передней части грифона на другой [1870 г., д. 23, л. 9]. Об этой находке исследователи кургана почему-то почти не вспоминают, а она, возможно, представляет определённый интерес для понимания хронологии комплексов Васюринской горы. Д.Б. Шелов считал, что такие монеты относятся к 330–315 гг. до н.э. [Шелов, 1956, с. 216, табл. V, № 57]; В.А. Анохин датирует их в пределах 314–310 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 140, №№ 111, 112].

В южной части того же среднего кургана была обнаружена гробница, сложенная из известняковых плит, в которой был погребён юноша в богато вышитой золотом парчовой одежде, от которой уцелели только золотые нити [1871 г., д. 16, л. 12; см.: ОАК, 1870-71, с. XXXV; Власова, 2004, 169-170]. Среди сделанных здесь находок представлены сотни бляшек, сделанных из листового золота, и различные амулеты, часть из которых датируется III в. до н.э. [Неверов, 1988, с. 181, №№ 495, 497].

Рядом с этой гробницей в насыпи кургана располагалась могила ребёнка, в которой были найдены: три медные монеты, два кувшинчика из простой глины и терракотовая статуэтка всадника с двумя собаками [1871 г., д. 16, л. 12; см.: ОАК, 1870-71, с. XXXV-XXXVI; Власова, 2004, с. 170]. Местонахождение найденных здесь вещей не известно, но статуэтка, представляющая скачущего всадника [рис. 38], позволяет относить этот комплекс ко II–I вв. до н.э. или даже к более позднему времени [см.: Пругло, 1977; Денисова, 1981, с. 63-64; Диатроптов, 2001, с. 88; Масленников, 2006, с. 109-110, табл. 26; 151, табл. 69, д.].

Третий курган средней величины на Васюринской горе раскапывался А.Е. Люценко в 1871–1872 гг. В нём была обнаружена разорённая гробница и расположенная рядом с ней тризна, в которой среди углей и золы было найдено большое количество предметов из листового золота, обломки железных мечей и копий, более 60 фрагментов от «массивной кольчуги

Глава II

или брони» и т.д. [1872 г., д. 30, л. 53; см.: ОАК, 1872, с. IX-X; Ростовцев, 1914а, с. 57; Власова, 2004, с. 171-172]. В западной части насыпи был найден большой, раздавленный на части бронзовый котёл с четырьмя массивными ручками [рис. 39; 1871 г., д. 16, л. 13]. Происходящие из этого кургана родос- ские амфорные клейма относятся к 180–150 гг. до н.э. [Власова, 2004, с. 171].

Выше говорилось, что на Васюринской горе было расположено пять курганов, раскопки трёх из них в большей или меньшей степени документированы. Ещё о двух курганах, имевших сравнительно небольшие размеры, нам практически ничего не известно, кроме того, что центральные гробницы в них были ограблены [Ростовцев, 1914а, с. 58].

Хронология погребальных комплексов Васюринской горы, к сожалению, до сих пор остаётся не вполне ясной. М.И. Ростовцев датировал большой курган, исследованный в 1868–1869 гг., по чернолаковой пиксиде и прочим находкам не позднее середины III в. до н.э. [Ростовцев, 1914а, с. 40; Rostowzew, 1931, S. 332]. Что касается обнаруженных здесь конских захоронений, то уже сам М.И. Ростовцев сомневался, что все они относятся к обозначенному хронологическому отрезку, в связи с чем высказывал предположение о разновременности данных комплексов. Так, он обратил внимание, что здесь представлены сравнительно поздние вещи (фалары со стеклянными вставками и пр.), близкие находкам из причерномор- ских степных памятников конца II в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 373].

Средний курган 1871 г. он относил приблизительно к тому же самому времени на основании стилистических особенностей украшений колесницы [Ростовцев, 1914а, с. 53 сл.]. Эта атрибуция была принята целым рядом исследователей без всяких поправок [см.: Гайдукевич, 1949, с. 293 сл.; Масленников, 1981, с. 79; Gajdukevič, 1971, S. 301; Pfrommer, 1987, S. 101, 184, 261; ср.: Mordvintseva, 2001, S. 73]. Как уже говорилось, М.И. Максимова омолодила дату плитовой гробницы, открытой в 1870 г. [Максимова, 1962, с. 130, прим. 5], и эта тенденция находит продолжение в трудах современных исследователей [см.: Полин, 1992, с. 63-64]. Тем не менее, Е.В. Власова, изучившая все материалы, происходящие с Васюринской горы, пришла к заключению, что она использовалась как место для неоднократных захоронений, по крайней мере, в III–II вв. до н.э. [Власова, 2004, с. 172]. С этим выводом в целом можно согласиться, однако хронологиче- ские рамки васюринских комплексов всё-таки следует расширить. О.В. Шаров, изучивший четыре конских захоронения, открытые в Большом кургане в 1869 г., достаточно убедительно показал, что два наиболее ранние из них относятся к III в. до н.э., третье – к началу II в. до н.э., а вот четвёртое – к концу II – первой половине III в. н.э. [Шаров, 2009].

В 1870 г. И.Е. Забелин продолжил раскопки на холмистой гряде, идущей от Фанагории в глубь Таманского полуострова, к востоку от Большой и Малой Близниц. Здесь он провёл исследования крупного кургана, вошедшего в научную литературу как *Буерова могила*. Его высота достигала 12,80 м, а окруж-

ность основания – более 275 м [ОАК, 1870-71, с. IX-XII]. В южной части кургана было открыто конское захоронение с богатым уздечным набором, состоящим из бронзовых, покрытых серебром и позолотой блях, наносника и пр. К северо-западу от захоронения лошади была открыта гробница, сложенная из тёсаных известняковых плит. Около её северной стены лежал человеческий костяк головой на восток, на черепе находился золотой лавровый венок с круглой пластинкой, украшенной изображением Гелиоса на колеснице. В углу были положены ещё два таких венка, справа от костяка у стены находились пять мечей, ножны и рукояти которых были украшены золотом. Серебряные и бронзовые сосуды были сложены возле ног; по всей длине южной стены были расположены обломки панциря, состоящие из кованых железных продольных пластин, такие же пластины, вероятно, от щита, обломки бронзового шлема с наушниками, б копий и куча железных наконечников стрел. Относительно этой гробницы было сделано заключение, что она «представила погребение полускифское, полугреческое и, быть может, указывает, что и самий курган, как фамильное кладбище, такого же происхождения» [ОАК, 1870-71, с. XII].

В 1871 г. изучение кургана было продолжено [ОАК, 1870-71, с. XXXI-XXXIII]. Тогда было выяснено, что вся насыпь кургана, как и в Большой Близнице, сверху состояла из поздних присыпок, под которыми было скрыто раннее сооружение. В поле кургана с западной стороны был обнаружен большой «жёлёный точёк», с юга и севера от которого находились две гробницы, заглублённые в материк всего на 0,35 м. Это были кремации, содержащие пережжённые человеческие кости, обломки керамических сосудов, в том числе от расписных ваз, бронзовые наконечники стрел и т.д. В центре кургана была открыта большая каменная гробница, имевшая, вероятно, так называемый полуциркульный свод; И.Е. Забелин назвал его «призматическим». К сожалению, погребение в этой гробнице было полностью разграблено, и на полу камеры, покрытом широкими каменными плитами, археологи обнаружили лишь обломки деревянного саркофага, бронзовые и железные гвозди, фрагменты алабастра и т.д.

Буерова могила, безусловно, имеет очень большое значение для изучения истории и культуры Боспора. Вполне очевидно, что основной здесь была ограбленная гробница, обнаруженная в 1871 г., вероятнее всего, принадлежащая IV в. или началу III в. до н.э. Гораздо больший научный интерес, однако, представляет неограбленная гробница 1870 г. Этот комплекс вслед за М.И. Ростовцевым обычно датируют III-II вв. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 550]. Более точная его хронологическая атрибуция в настоящее время почти невозможна, поскольку богатейший инвентарь этой гробницы, за исключением отдельных предметов, ещё не опубликован [см.: Ростовцев, 1918, табл. II, 5, 7, 8; III, 4; Максимова, 1969, с. 58, рис. 18].

Наряду с раскопками этих крупных курганов, весьма интенсивно продолжалось изучение курганного некрополя *Фанагории* (о нём см.: Ростовцев, 1925,

Глава II

с. 264-272; Паромов, 1993, с. 121 сл.; 2004а). В 1869 г., к примеру, были проведены работы на 21 кургане, в них было открыто 14 «жжёных» гробниц (т.е. кремаций), 5 земляных и 4 каменных гробницы, но все они были разорены почти дочиста [1869 г., д. 4, л. 9]. По этому поводу И.Е. Забелин писал 12 августа 1869 г., что «многочисленные курганы древнефанагорийского городища, как уже обысканные в древнее время, не могут доставить особенно счастливых открытий, однако прежние мои находки, сделанные в тех же курганах в 1864 г., не отнимают надежды, что при других, более счастливых изысканиях, возможно ещё открывать и здесь, даже в обысканных уже гробницах, памятники высокого достоинства» [1869 г., д. 4, л. 9-10]. И, надо признать, он вновь оказался прав – в том же году около Фанагории В.Г. Тизенгаузеном была обнаружена земляная гробница, содержавшая фигурные сосуды (в том числе сосуды в виде сфинкса, Афродиты, рождающейся из моря, и. т.д.) и другие художественные изделия [об этих находках см.: ОАК, 1869, с. V-VII; 1870-1871, с. 5 сл.; Фармаковский, 1921б; Передольская, 1936; Паромов, 2004б; Виноградов, Шауб, 2007]. К сожалению, в архиве ИИМК отсутствует документация об этих раскопках, имеется лишь описание найденных тогда вещей [1869 г., д. 4, л. 84-85]. Это печальное обстоятельство стало причиной серьёзных обвинений в адрес В.Г. Тизенгаузена, высказанных Б.В. Фармаковским. Последний посчитал, что В.Г. Тизенгаузен в момент открытия вообще отсутствовал на объекте, вероятно, поручив раскопки могил кому-нибудь из своих десятников [Фармаковский, 1921б, с. 10]. Если это действительно было так, то необходимо признать, что по вине археолога была утеряна ценнейшая информация об одном из выдающихся памятников боспорских древностей²⁸. Есть основания полагать, что к комплексу с фигурными сосудами принадлежит ещё одна замечательная находка, которая не привлекла внимания учёных. Речь идёт о краснофигурной ойнохое, рисунок которой имеется в Рукописном архиве ИИМК РАН (рис. 40). В отчёте о раскопках 1869 г. говорится, что в этой гробнице была обнаружена расписная ваза, на которой изображена группа актёров с масками [ОАК, 1869, с. VI]. Если высказанное предположение справедливо, то следует признать, что изображения на этой вазе несут совсем не театральную, а культовую символику, скорее всего, связанную с представлениями о потустороннем мире.

Исследователи, писавшие об открытии гробницы 1869 г., почти не обратили внимания на то, что после В.Г. Тизенгаузена этот курган исследовал А.Е. Люценко. В его насыпи тогда были найдены обломки расписного кратера, а в южной стороне кургана – две женские гробницы, в которых находился весьма любопытный инвентарь: «обломки от крышки небольшого глиняно-

²⁸ Казалось бы, такая ситуация должна была вызвать соответствующую реакцию Императорской археологической комиссии. И реакция была, но совсем другого рода – барону В.Г. Тизенгаузену была пожалована денежная награда в размере 400 рублей [1870 г., д. 7].

го сосуда с рельефным изображением двух женских фигур и две карикатурные глиняные статуэтки» [1870 г., д. 23, л. 23, 35; см.: ОАК, 1870-71, с. XVI]. Практически нет сомнения, что этот фанагорийский курган, как и Большая Близница, принадлежал знатной жреческой семье.

В ряду открытых, сделанных В.Г. Тизенгаузеном под Сенной в 1869 г., почти незамеченным специалистами остался один склеп. Его описание не сохранилось, но на рисунке, сделанном самим исследователем (рис. 41), можно видеть любопытную особенность конструкции. В плане этот склеп имел четырехугольную форму, а его свод, вероятнее всего, был круглым. Во всяком случае, именно об этом могут свидетельствовать заметные в углу диагональные выступы, которые можно сопоставить с пандативами Царского кургана [ср.: Гайдукевич, 1949, с. 248-251, рис. 41; 1981, с. 43, рис. 21]. Из современных исследователей лишь И.В. Тункина обратила внимание на этот рисунок, но даже она не придала никакого значения конструкции изображённого на нём склепа [Тункина, 2010, с. 58, рис. 38]. В связи с данным открытием стоит обратить внимание, что совсем недавно при исследованиях некрополя Фанагории был обнаружен круглый склеп с уступчатым перекрытием свода, аналогичный Золотому кургану под Керчию, но, конечно, значительно скромнее его по размерам [Кузнецов, 2004; 2007, с. 10; Фанагория, 2008, с. 52-56; Виноградов, 2007, с. 14]. Есть основания полагать, что подобную «уменьшенную копию» в Фанагории имел и знаменитый Царский курган, и эту «копию» открыли ещё 140 лет назад.

В 1870 г. около хутора Пивнева В.Г. Тизенгаузену удалось обнаружить большую каменную гробницу, «покрытую лубком и толстым слоем морской травы». В ней находилось очень любопытное погребение воина, положенного в деревянный раскрашенный гроб, на котором местами сохранилась позолота. В изголовье погребённого стояла расписная ваза с изображением похищения Европы, с левой стороны находились поножи, копья, меч, колчан со стрелами, имевшими бронзовые наконечники, и точильный брускок, с правой – копьё, стригиль и алабастр. На голову был надет «бронзовый позолоченный венчик», во рту лежала окислившаяся серебряная монета, а на левую руку был надет золотой перстень с изображением грифона «с петушним хвостом и на петушных ногах» [ОАК, 1870-71, с. XV]. Смешение греческих и варварских черт в погребальном обряде и инвентаре в описанном комплексе представляется столь необычным, что невольно возникает сомнение, правильно ли В.Г. Тизенгаузеном была проведена его фиксация.

В 1871 г. изучение фанагорийских курганов продолжил А.Е. Люценко. Наряду с прочими насыпями, ему вновь пришлось доследовать большой курган, который был частично раскопан В.Г. Тизенгаузеном в 1870 г. А.Е. Люценко, как и его предшественнику, не удалось обнаружить здесь признаков каменной гробницы, на основании чего археолог сделал осторожное предположение, «что он (курган – Ю.В.) чисто скифского происхождения и что под насыпью его

Глава II

в глубине материка находится земляная катакомба с ведущим в неё спуском или ходом» [1871 г., д. 16, л. 10, 30]. Большой полевой опыт исследователя, разумеется, давал основание для такого заключения.

В 1872 г. В.Г. Тизенгаузен провёл очередной сезон раскопок фанагорийских курганов, но отчётов о них мы вновь не имеем. В архиве сохранилась опись сделанных тогда находок, где кратко указывается, откуда они происходят. Иногда эти указания довольно точны – «в земляной гробнице песчаного кургана близ почтовой станции», а иногда просто волнище небрежны – «в другой земляной гробнице другого кургана» [1872 г., д. 15, л. 12]. Следует полностью согласиться с И.Л. Тихоновым, что археология для барона В.Г. Тизенгаузена не была настоящей наукой, она сводилась лишь к раскопкам и доставлению находок в Археологическую комиссию [Тихонов, 2007, с. 240].

О районах дальнейших полевых исследований В.Г. Тизенгаузена можно узнать из рапорта, направленного им С.Г. Строганову 6 августа 1874 г. В нём, в частности, говорится [1874 г., д. 11, л. 2]:

«Неоднократные неудачные попытки мои по части расследования курганов и городищ Таманского полуострова в таких местностях, которые значительно удалены от Сенной станции, как, напр., у Цукурского лимана и на так называемом Фонтане, побудили меня в нынешнем году приняться опять за раскопку курганов в ближайших окрестностях этой станции, где, по крайней мере, можно было надеяться, что среди бесчисленного множества ограбленных и разорённых может отыщутся, как это случалось в прежние годы, хотя одна или две нетронутые гробницы, обыкновенно вознаграждающие исследователя за остальные неудачи» [ср.: ОАК, 1874, с. XVI-XVII].

Эти надежды, однако, на сей раз не оправдались, что заставило исследователя сделать следующее заключение [1874, д. 11, л. 4; ср.: ОАК, 1874, с. XXI]:

«Нельзя, конечно, утверждать положительно, что дальнейшие раскопки около Сенной станции не могут больше повести к каким-либо интересным открытиям: по всей вероятности, кое-где ещё случайно уцелела гробница, в которой заключаются замечательные вещи, но, во всяком случае, опыт позволяет догадываться, что таких гробниц чрезвычайно мало, и что шансы на удачный результат раскопок в этих местах всегда будут весьма сомнительными».

Сделав такое заключение, В.Г. Тизенгаузен обратил внимание на курганныую группу Семь Братьев, расположенную около станицы Варениковской, и на важность проведения археологических разведок около Анапы, Новороссийска и вообще по восточному побережью Чёрного моря [1874 г., д. 11, л. 5].

Вообще же, предложение о проведении раскопок на Семи Братьях впервые было сделано С.Г. Строганову в октябре 1873 г., после раскопок В.Г. Тизенгаузена в Ольвии [об этом см.: Виноградов, Мусин, 2009, с. 492-493]. Эти раскопки показались исследователю не перспективными, и он писал председателю Археологической комиссии [1873, д. 16, л. 26 об. – 27]:

«Если Вашему Сиятельству угодно будет одобрить моё предложение об уменьшении раскопок в Ольвии, то другой член Комиссии²⁹ мог бы заняться раскопками одного из чрезвычайно больших курганов, находящихся на Таманском полуострове, за Кубанью, близ Варениковской станицы и известных под названием Семи Братьев. Курганы эти, осмотренные Забелиным и мною в прошлом году, и по внешнему своему виду подающие надежду на интересные открытия, находятся, сколько мы могли узнать в то время, на частной земле, так что на разрытие их предварительно нужно будет получить согласие того лица, на землях которого они лежат. К раскопке их … необходимо будет приступить весною, так как в это время меньше всего придётся страдать от комаров, которые в таманских камышах водятся летом в несметном количестве».

Раскопки *Семибратьих* курганов были начаты в 1875 г., при этом первоначально предполагалось, что ими будет руководить И.Е. Забелин, но поскольку тот как раз в это время заболел, то проведение работ было поручено В.Г. Тизенгаузену [1875 г., д. 3, л. 9-10]. В первый же год он предпринял исследования на всех семи насыпях [рис. 42-43; ОАК, 1875, с. IV сл.] и, закончив сезон, рапортовал в Археологическую комиссию об открытии двух неограбленных мужских гробниц с замечательными вещами полугреческого-полуварварского облика [1875 г., д. 3, л. 19]. В дальнейшем Семибратьиные курганы изучались В.Г. Тизенгаузеном в 1876 и 1878 гг. [ОАК, 1876, с. III сл.; 1878-79, с. III сл.]. В результате этих исследований археологическая наука обогатилась выдающимися памятниками, которые большинство учёных считают по гребениями царей Синдики [см.: Ростовцев, 1925, с. 351 сл.; Коровина, 1957; Артамонов, 1966, с. 36-39; Анфимов, 1987, с. 92 сл.; Уильямс, Огден, 1995, с. 128-131; Виноградов, 2005, с. 252-254; Власова, 2005; Горончаровский, 2011]. В целом, эти курганы можно датировать серединой V – первой четвертью IV вв. до н.э. [Силантьева, 1967; Бутягин, 1996; Виноградов, 2005, с. 254].

Курганный некрополь Гермонассы отличается весьма солидными размерами, хотя и уступает в этом отношении фанагорийскому [Ростовцев, 1925, с. 280-290; Паромов, 2002а, с. 192-193]. В 1868 г. раскопки на нём были проведены

²⁹ Очевидно, имеется в виду И.Е. Забелин, проводивший в 1873 г. раскопки на Ольвийском городище.

Глава II

В.Г. Тизенгаузеном, о чём частично говорилось выше. В 1869 г. к западу от Тамани предпринял раскопки П.И. Хицунов³⁰, но исследовавшиеся им курганы оказались разграбленными [1869 г., д. 4, л. 24-25; ОАК, 1869, с. IX-X].

Первый период изучения курганного некрополя Кеп приходится на 1870–1880 гг., он был увенчан открытием выдающегося памятника позднеэллинистического времени – *Артюховского кургана* [Максимова, 1979; Паромов 2002б: 274]. На самый большой курган, расположенный в группе у хутора сотника Артюхова, первым обратил внимание Н.П. Кондаков в 1878 г. [1878 г., д. 11, л. 9-10; ОАК, 1878-79, с. XI]. В 1879 г. раскопки здесь провёл В.Г. Тизенгаузен, обнаруживший две гробницы с замечательными вещами [ОАК, 1878-79, с. XLIV-XLVIII]. Весьма нелестную характеристику его работ на кургане оставил Д.Я. Самоквасов [Самоквасов, 1908, с. 158], М.И. Максимова обвинила последнего в ряде неточностей [Максимова, 1979, с. 5-6], но, в общем, её замечания не меняют главного – В.Г. Тизенгаузен в очередной раз провёл раскопки в высшей степени небрежно.

С.И. Веребрюсов, продолживший изучение Артюховского кургана, составил весьма подробное описание своих работ и сделанных находок, прежде всего, выявленной им здесь ещё одной неограбленной гробницы [1879 г., д. 6, л. 40-44; ОАК, 1878-1879, с. XLVIII-LI]. М.И. Ростовцев очень высоко оценил значение сделанных тогда открытий для понимания своеобразия культуры Боспора в эпоху эллинизма [Ростовцев, 1925, с. 272-280]. Изучив все материалы, добытые исследователями Артюховского кургана, М.И. Максимова отнесла его к середине

³⁰ Отставной надворный советник П.И. Хицунов в то время был уже человеком не молодым и проживал в Таганроге. Документов о нём в Научном архиве ИИМК РАН содержится очень немного. В частности, сохранилась записка П.И. Хицунова [1868 г., д. 41, л. 11], в которой он сообщает о себе, что в 1839 г. закончил филолого-исторический факультет Главного педагогического института, где изучал греческую и римскую словесность, а также прослушал курс классических древностей. Затем П.И. Хицунов работал старшим учителем и библиотекарем в Кавказской областной гимназии, служил инспектором образовательных учреждений. В 1850 г. по состоянию здоровья оставил службу и в 1851-57 гг. прошёл курс медицинских и естественных наук в Медико-хирургической академии С-Петербурга. Вернувшись на юг России, он проявил интерес к археологии. В марте 1868 г. П.И. Хицунов просил А.Е. Люценко похлопотать за него в ИАК на предмет определения хранителем Феодосийского музея [Ф. 1, 1868 г., л. 10]. А.Е. Люценко выполнил эту просьбу, но ответ из ИАК был отрицательным, поскольку музей не входил в структуру Комиссии, а принадлежал Одесскому обществу истории и древностей [Ф. 1, 1868 г., д. 35]. Есть основания считать, что между А.Е. Люценко и П.И. Хицуновым сложились деловые, может быть, даже дружеские отношения. Во всяком случае, в письме от 7 февраля 1869 г. А.Е. Люценко писал в ИАК, что П.И. Хицунов будет полезен для археологической науки «как человек достаточно образованный в классических науках, трудолюбивый, добросовестный, вполне благонадёжный и наглядно ознакомившийся с приёмами моими при раскопках» [1869 г., д. 7, л. 3 об.]. Более того, А.Е. Люценко даже надеялся, что тот «легко и скоро» примет от него заведование Керченским музеем древностей [там же]. В общем, П.И. Хицунов оставил заметный след в боспорской археологии, но директором Керченского музея всё-таки не стал. Руководству ИАК более подходящей для этого представлялась кандидатура Ф.И. Гросса.

II в. до н.э. и с полным на то основанием назвала самым показательным и ярким памятником культуры местной знати Таманского полуострова накануне восстания Савмака [Максимова, 1979, с. 22-23; спр.: Pfrommer, 1990, S. 263-266].

После Артюховского кургана В.Г. Тизенгаузен приступил к изучению *Анапских курганов* [о них см.: Ростовцев, 1914а, с. 109-111; 1925, с. 296-299], масштабные раскопки которых были проведены в 1881 г. [1881 г., д. 8, л. 8-14; см.: ОАК, 1881, с. IV-X]. Некоторые из курганов оказались разграбленными, но археологическое счастье не оставил В.Г. Тизенгаузена и здесь – в подошве одной из насыпей ему удалось открыть кремацию, содержащую очень богатый набор погребального инвентаря: серебряную флягу с круглым дном, серебряный алабастр, золотую стленгиду в виде волнистых, расчёсанных на две стороны волос, золотой венок, золотой браслет и т.д. [1881 г., д. 8, л. 10; см.: ОАК, 1881, с. VI сл.; 1882-1888, с. 31 сл., табл. I; Ростовцев, 1925, с. 297-298; Pfrommer, 1990, S. 260-261]. К сожалению, археолог не обратил никакого внимания на керамические находки из этого любопытнейшего комплекса, а они, вероятнее всего, здесь имелись. По этой причине хронологическая атрибуция кремации весьма затруднена, тем не менее М. Пфроммер датировал её не ранее третьей четверти III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 260-261].

В том же году на Таманском полуострове много работал С.И. Веребрюсов. Тогда он провёл новые исследования на Большой и Малой Близницах (о них см. разделы 2.5 и 2.6), которые не дали никаких результатов [1881 г., д. 7, л. 13; см.: ОАК, 1881, с. XVI-XVII]. В связи с этим необходимо отметить, что новый директор Керченского музея обратил внимание на курганные некрополи, расположенные около станиц *Титоровская* и *Стеблиевская*. Под Титоровкой С.И. Веребрюсов даже предпринял раскопки, и полученные материалы дали ему возможность признать местные курганы скифскими [1881 г., д. 7, л. 15, 34 сл., 37; ОАК, 1881, с. XVII-XIX]. Основанием для такой этнической атрибуции стала, в частности, бедность этих погребальных комплексов, наличие в них лишь грубой посуды, а также морской травы, необработанных камней и т.д. Сейчас все эти признаки, конечно, не считаются скифскими, они скорей указывают на принадлежность курганов эпохе бронзы.

Передний фризаж раздвижшагося деревянного саркофага, найденного во время открытия № 11 Года 1868-го года на Таманском паностроеве в курзале и ходившем по заладу от Махани по дороге в Керчь.

Рис. 32. Таманский деревянный саркофаг [Р. 1, № 565, л. 6].

Рис. 33. Бактрианская гора, вид с востока [P. I., № 693, л. 17].

Глава II

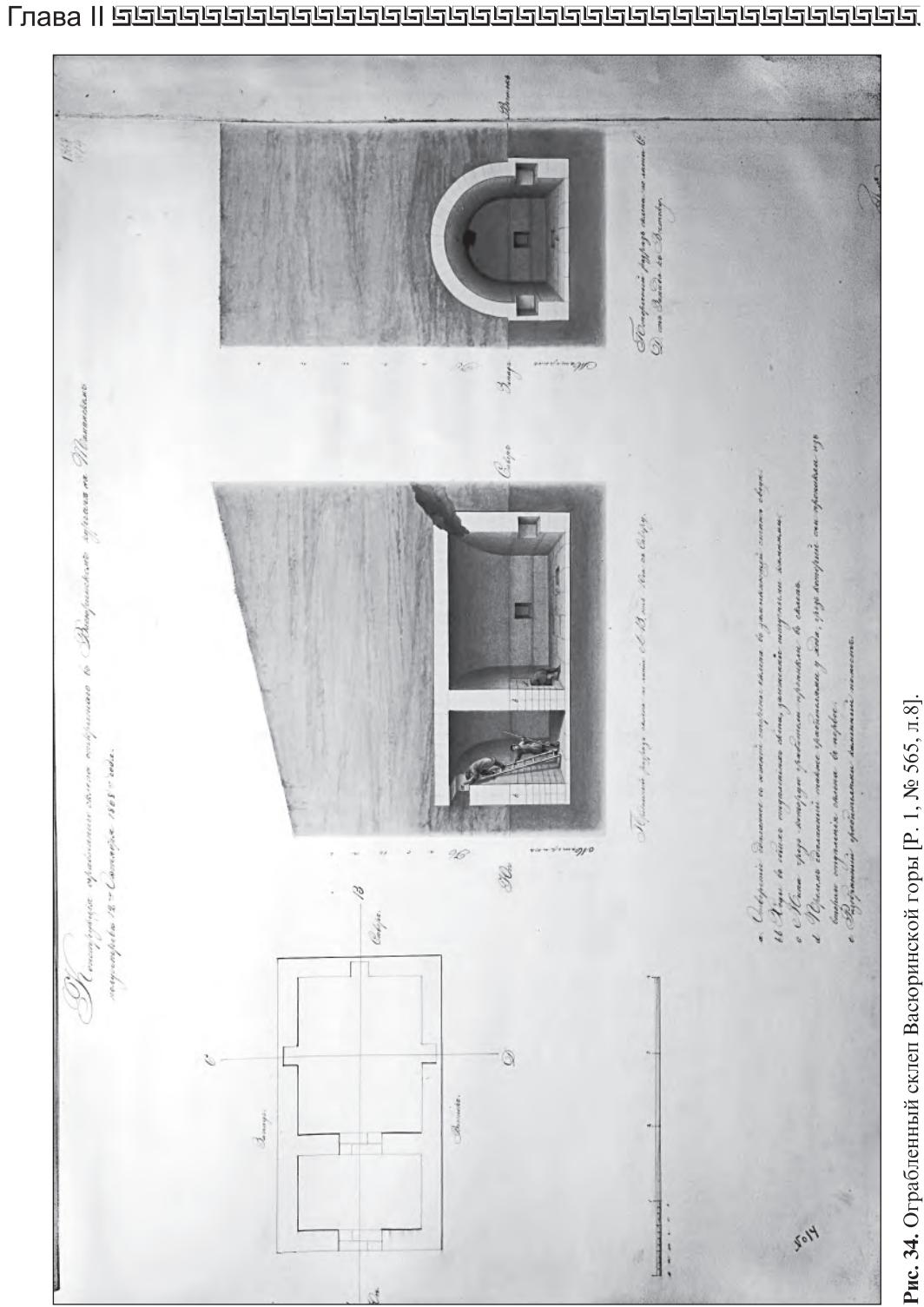
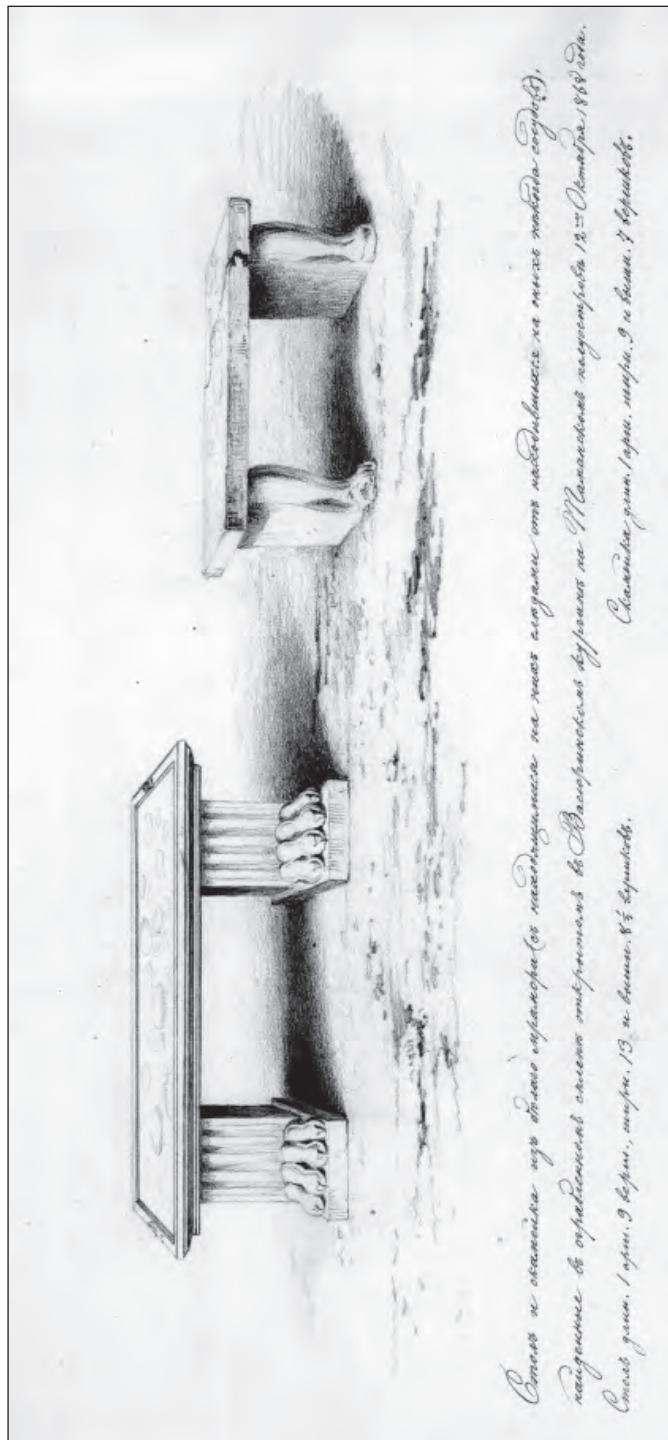

Рис. 34. Ограбленный склон Васюринской горы [Р. 1, № 565, л. 8].

Стол и скамья из белого мрамора из столовой залы дворца на месте античного города.
Найдены в северной части античного города на Мандринской горке в окрестах г. Севастополя.
Севастопольский археологический музей. № 565.

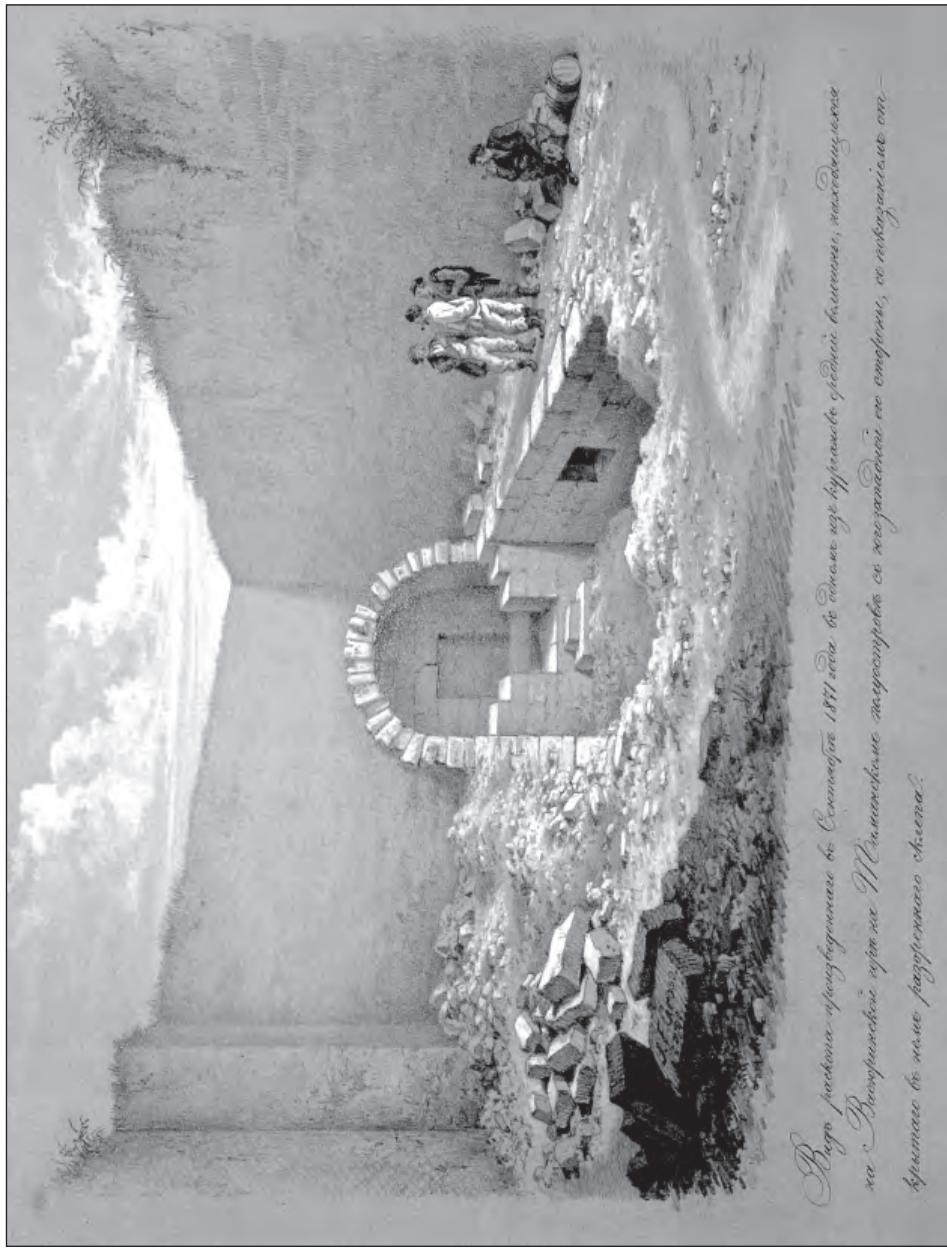
Рис. 35. Стол и скамья из белого мрамора [Р. 1, № 565, л. 10].

Глава II

Рисунок 1871 года
с № 3

Все раскопки были иск. Курганов, снят. писцом. с № 3, производимые в Сенном 1871 года со временем, как
известно, не были огорожены; я где-каким разрывом изменил фотографии. В северной верхней части холма
был разбросан скелет из женской одежды, в виде национального платья, состоящего из сорочки, фартука
и штанов — красных, и зеленое атласное платье некой девушки.

Всё письмо приводится в Сокращении 1871 года с оставом из журнала «Записки Кавказского, Каспийского и Черноморского общества естествоиспытателей и природоведов», отпечатанного на Бакинской типографии Ильинских, вышедшим в свет в 1871 году. Сокращение сокращено для сокращения его сокращения, от ненужных слов, включая в них раздражительные слова.

Рис. 37. Склеп кургана средней величины на Васюринской горе [Р. 1, № 693, л. 14].

Рис. 38. Терракотовая статуэтка всадника [1871 г, д. 16, л. 33].

Рисунок 1871го года
Nо 6.

Рис. 6.

Дна из чистого лимонного бронзового ружка, что разбито на части тесемко-нечисти-
мата кемса, отреставрированного в Октябре 1871го года в втором кургане средней величины
на горе Васюринской горе, что на Таманском полуострове.

Рис. 39. Ручка литой бронзы из насыпи второго кургана средней величины на Васюринской горе, 1871 г. [Р. 1, № 693, л. 16].

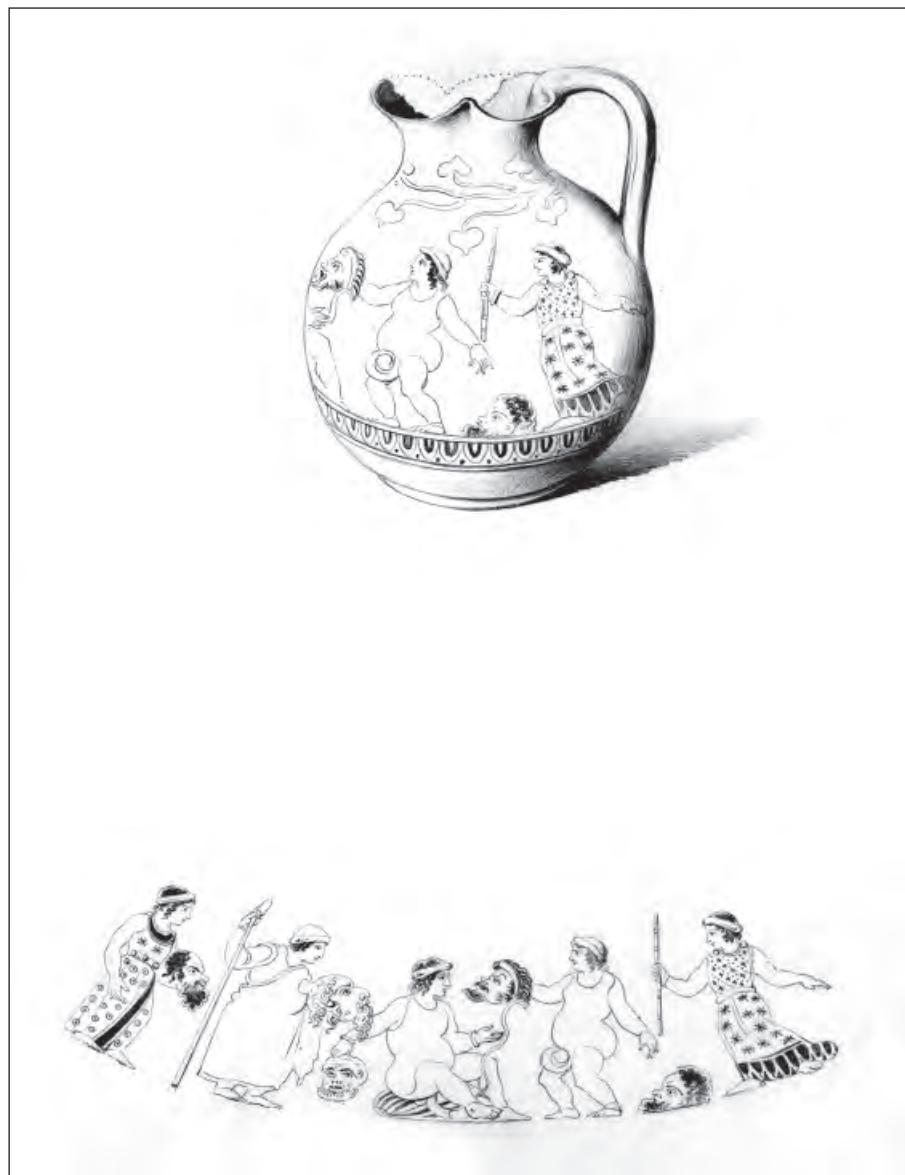

Рис. 40. Краснофигурная ойнохоя, найденная под Фанагорией в 1869 г. [Р. 1, № 693, л. 5].

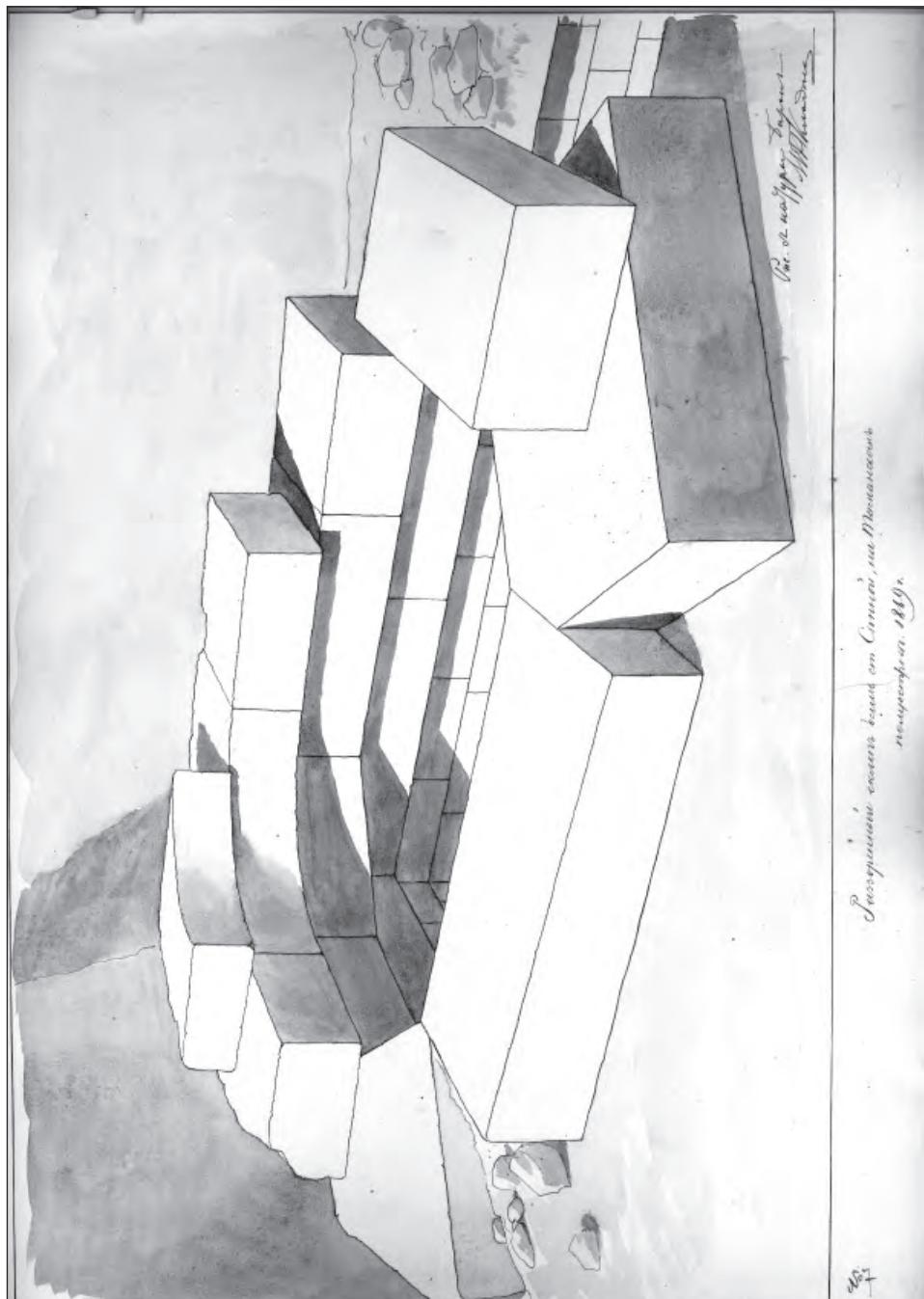

Рис. 41. Разорванный склеп, открытый В.Г. Тизенгаузеном около ст. Сенной [Р. 1, № 693, л. 4].

Рис. 42. Раскопки Семибратных курганов [П. 1, № 567, л. 19].

Рис. 43. Раскопки Семибратных курганов [Р. 1, № 567, л. 20].

При съмнении в правильности чтения не рекомендуется предполагать, что погребение было в гробнице, оставленной от времени, будущее исследование не
может доказать, что погребение было в гробнице.

Следует иметь в виду, что в гробнице № 172
все находки в 1916 г. были вынесены из гробницы № 173.

Рис. 43. Раскопки Семибратных курганов [Р. 1, № 567, л. 20].

2.8. Изучение погребальных памятников на Керченском полуострове

Исследования на Керченском полуострове в это время находились как бы в тени выдающихся открытий на территории азиатского Боспора. Тем не менее и здесь ежегодно проводились исследования. Прежде всего, регулярно предпринимались раскопки сплошных могильных насыпей на склонах горы Митридат [рис. 44; о них см.: Ростовцев, 1925, с. 160, 176-250; Цветаева, 1951; 1957; Fless, Lorenz, 2005]. Здесь порой удавалось найти весьма любопытные погребальные памятники: вырубленные в грунте катакомбы (рис. 45), гробницы с надгробиями (рис. 46, 47) и пр. Эти раскопки периодически приносили интереснейшие вещественные находки. К примеру, в 1866 г. в одной из детских могил был обнаружен круглодонный кувшинчик с рельефным орнаментом по тулову (рис. 48). Подобные сосуды, нижняя часть которых смоделирована по типу «мегарских» чащ, очень редки на Боспоре [см.: Гжегжулка, 2010, с. 42, 251, № 11; с. 43, 252, № 12; с. 44-45, 254, № 14; Bouzek, 1990, pl. 16, A; Vinogradov, Butyagin, Vakhtina, 2003, р. 837, pl. 7, 5].

В июне 1872 г. раскопки на Митридате велись особенно интенсивно, поскольку ожидался приезд в Керчь императора Александра II со свитой, и предполагалось, что одна из гробниц будет вскрыта в присутствии императрицы. Стремясь не ударить в грязь лицом, археологи обнаружили тогда в общей сложности 48 гробниц, но лишь две из них представлялись достойными для лицезрения августейшей особой [1872 г., д. 30, л. 20]. Так получилось, что императорский пароход прибыл в Керчь лишь в августе, к тому времени все ста-рания керченских археологов были сведены на нет дождями, да и императрица отказалась сходить на берег [1872 г., д. 30, л. 1]. Несмотря на это досадное обстоятельство, следует обратить внимание, что именно в 1872 году была открыта гробница, в которой находилась прекрасная аттическая ваза с изображением спора Афины и Посейдона [1872 г., д. 30, л. 3-9; о ней см.: Толстой, Кондаков, 1889а, с. 73-76; Блаватский, 1953, с. 268, 270; Соколов, 1973, с. 52-53, № 37]. В следующем году раскопки здесь были продолжены с не меньшей интенсивностью, но уже совсем по другой причине. Дело в том, что значительная часть Пантикея от часовни Стемповского до еврейского кладбища была передана в распоряжение Инженерного ведомства для предполагавшегося сооружения здесь укреплений, установки артиллерийских батарей и пр. [1873 г., д. 34, л. 1]. А.Е. Люценко в связи с этим очень опасался, что вся территория будет засыпана грунтом и станет недоступной для археологов. Его опасения, к счастью, оказались напрасными, но «военная угроза» с тех пор на долгие годы стала существенным фактором в организации раскопок Пантикея, о чём неоднократно будет сказано ниже.

В 1877 г. на склоне горы Митридат был открыт ограбленный склеп, на стенах которого сохранились в высшей степени любопытные росписи [ОАК, 1877, с. XIV-XV]. По имеющейся там надписи памятник вошел в науку как склеп

Анфестерия [Кулаковский, 1896, с. 8; Ростовцев, 1914а, с. 170 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 400-404; Иванова, 1953, с. 152-153].

Необходимо особо отметить, что именно тогда были проведены раскопки на *Темир-горе* (рис. 49). В 1869 г. П.И. Хицунов открыл здесь любопытную кремацию с немалым количеством золотых изделий [рис. 50; 1869 г., д. 4, л. 29; см.: ОАК, 1869, с. XII-XIII]. Э.В. Яковенко интерпретировала этот комплекс как погребение скифской царицы, датировав его концом V в. до н.э. [Яковенко, 1977; Кузнецова, 2002]³¹. В следующем году раскопки на *Темир-горе* предпринял А.Е. Люценко (рис. 51), оценивший их результаты как не совсем удачные, хотя и выделил среди обнаруженных им гробниц одну, в которой находился «глиняный кувшин с замечательным рисунком в архаическом стиле» [1870 г., д. 23, л. 22, 29-30; ОАК, 1870-71, с. XX]. С современной точки зрения результат был просто великолепен, поскольку этот кувшин является ойнохоей, относящейся к 40 годам VII в. до н.э. [Копейкина, 1972, с. 156] или 640-630 гг. до н.э. [Cook, Dupont, 1998, р. 36], а сама гробница стала одним из важнейших памятников для изучения скифской археологии Северного Причерноморья [Ростовцев, 1925, с. 395-396; Артамонов, 1966, с. 25; Яковенко, 1972; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 107; Мурзин, 1984, с. 19; Вахтина, 1991; 2002; 2009, с. 422-423; Кузнецова, 2002, с. 88-89; Алексеев, 2003, с. 116].

В 1875 г. А.Е. Люценко провёл дополнительные раскопки на знаменитой *Куль-Обе* [1874 г., д. 10, л. 94-95; ОАК, 1875, с. XXXI-XXXII]. Он расчистил склеп, от перекрытия которого к тому времени ничего не осталось, стены сохранились лишь на половину высоты, каменная вымостка пола была полностью разрушена. Во время этих раскопок никаких сокровищ обнаружено не было, нашли лишь два бронзовых наконечника стрел и три штампованные золотые бляшки, аналогичные уже опубликованным [см.: ДБК, табл. XX, 12; XXI, 10; XXII, 5]. В том же году Ф.И. Гроссом было сделано очень важное открытие на мысе *Ак-Бурун*. Здесь, как и ранее (см. главу 2.5), проводились работы по возведению Керченской крепости, в результате чего в одном из курганов было обнаружено и, не по вине археологов, весьма небрежно раскопанное погребение воина со знаменитым золотым «шлемом» [рис. 52; об этих раскопках см.: Виноградов, 2001; Стародубцев, 2004; 2005]. Погребение, открытое на *Ак-Буруне* в 1875 г., является одним из важнейших памятников времени начавшихся варварских передвижений в степях Причерноморья и связанного с этим крушения Великой Скифии [Виноградов, 1993; 2005, с. 292-294; ср.: Pfrommer, 1990, S. 260].

В декабре 1876 г. в сплошной насыпи в *Керченской крепости* при случайных

³¹ Э.В. Яковенко назвала эту кремацию погребением № 83, что не соответствует имеющейся полевой документации. Дело в том, что П.И. Хицунов вообще не дал номера открытому им погребению. В 1870 г. Е.А. Люценко обнаружил здесь два «жёлтых точка», т.е. тризыны, одной из которых он дал № 83 и связывал с кремацией знатной женщины [1870 г., д. 23, л. 30], но, в общем, это разные археологические комплексы.

Глава II

обстоятельствах был открыт каменный склеп с уступчатым перекрытием свода (рис 53). Описание этого склепа в отчёте о раскопках под Керчью отсутствует, что, вероятно, стало причиной того, что в специальных исследованиях он даже не упоминается [см.: Гайдукевич, 1981; Савостина, 1986]. Ранее было сказано, что подобное ожидало склеп, обнаруженный в 1858 г. в кургане по дороге на Булганак [см. главу 1.4]; он тоже был забыт исследователями.

Внимание археологов, конечно, постоянно привлекали *Нимфейские курганы*, но организация раскопок на них была связана с весьма большими сложностями, поскольку некрополь находился на частных землях, принадлежавших помещикам Гурьевым. Переговоры с ними шли очень непросто. В 1868 г. соглашение с владельцами было достигнуто, но совсем не археологами, а частными лицами. Именно они начали раскопки некрополя и обнаружили здесь два любопытных погребальных комплекса, в одном из которых находилась крупная бронзовая бляха в виде головы лося. А.Е. Люценко посчитал, что обнаруженные тогда предметы не заключают в себе «ничего нового или изящного» [А.Л., 1869, с. 55], но торговцы древностями придерживались совсем другого мнения, и вещи из этих и некоторых других Нимфейских курганов попали в Англию и хранятся сейчас в Оксфорде [Черненко, 1970; Gardner, 1884; Vickers, 1979; 2002, р. 5-55]. Долгая история с переговорами о раскопках Нимфейских курганов закончилась лишь в 1875 г. [Силантьева, 1959, с. 9-11; Древний город Нимфей, 1999, с. 14]; право на раскопки удалось получить за 1000 руб. серебром [1874 г., д. 10, л. 72 сл.]. В 1876 г. исследования здесь начал А.Е. Люценко, которому почти сразу удалось открыть три нетронутых гробницы с золотыми вещами и замечательной импортной посудой [1876 г., д. 20, л. 4]. Всего же за один год он изучил здесь 36 курганов различной величины и несколько сплошных могильных насыпей [1876 г., д. 20, л. 59; см.: ОАК, 1876, с. IX сл.]. На протяжении одного месяца Нимфейские курганы изучал также младший член Императорской археологической комиссии Н.П. Кондаков [1876 г., д. 20, л. 14-23; см.: ОАК, 1876, с. XXIII сл.], но, по словам А.Е. Люценко, за своё кратковременное пребывание он раскопал лишь несколько отдалённых от городища курганов, в которых «оказались уцелевшими только одни большие каменные, какого-то неизвестного народа гробницы и притом чрезвычайно бедные; греческие же, открытые им гробницы, были почти все расхищены в давнее время» [1876 г., д. 20, л. 59]. После 1876 г. ограниченные раскопки курганов проводились С.И. Веребрюсовым в 1878–1880 гг. [1878 г., д. 16, л. 15 сл.; 1879 г., д. 6, л. 25 сл.; 1880 г., д. 19, л. 35 сл.; см.: ОАК, 1878-79, с. XXXVII, LXII-LXV].

После исследований 1880 г. С.И. Веребрюсов обратил внимание, что в Нимфейских курганах нет боковых гробниц, т.е., по его мнению, они не являлись семейными усыпальницами, что характерно для курганов под Пантикеапеем или Фанагорией. Нимфейские насыпи сооружались преимущественно «над одинокими гробницами храбрых воинов, предводителей и вожаков, павших в битвах с ордами

диких кочевников, наступавших на греческие поселения» [1880 г., д. 19, л. 38–39]. Мнение исследователя по поводу данных памятников чрезвычайно любопытно и, в общем, уместно будет привести длинную цитату из его отчета [1880 г., д. 19, л. 39]:

«Раскопками прошедших годов открыты в центральных гробницах тех же курганов преимущественно и даже исключительно мужские оставы, при которых находимы были обломки мечей, копий, шлемов, панцирей, наконечников стрел, тут же расположены были боковые гробницы лошадей, одной или нескольких, или оставы оруженосцев с остатками длинного или короткого меча, стрел и т.п. Замечательно, что на всём этом огромном кладбище чрезвычайно редко случалось открывать женские гробницы. Не приводит ли это к тому заключению, что на местности, которую принято считать за древний Нимфеон, располагались преимущественно войска босфорских властителей, их военный стан на возвышенной площади у выдающегося в море скалистого мыса (Кара-Бурун), окружённый высокою насыпью и глубокими рвами, по крайней мере, в ту пору их владычества, когда древний город афинян (если он только здесь именно находился) уже не существовал, и обширная бухта его занесена была песком».

Конечно, не стоит говорить много слов о том, что точка зрения С.И. Веребрюсова не нашла поддержки у современных исследователей, хотя его наблюдения об особенностях Нимфейских курганов – отсутствие в них боковых гробниц и т.п. заслуживает самого серьёзного внимания. По подсчетам Л.Ф. Силантьевой за время работ на курганным некрополе Нимфея в общей сложности было раскопано 55 курганов, содержавших 66 погребений, а также 111 погребений были открыты в сплошных могильных насыпях [Силантьева, 1959, с. 12]. Особую научную значимость в их ряду имеют элитные варварские захоронения, свидетельствующие о тесных связях Нимфея с местными племенами во второй половине V в. до н.э. [см.: Ростовцев, 1925, с. 389 сл.; Силантьева, 1959; Артамонов, 1966, с. 34–35; Уильямс, Огден, 1995, с. 132–135; Виноградов, 2005, с. 249]. Этим важным археологическим открытием по существу завершается характеризуемый период изучения курганов Керченского полуострова.

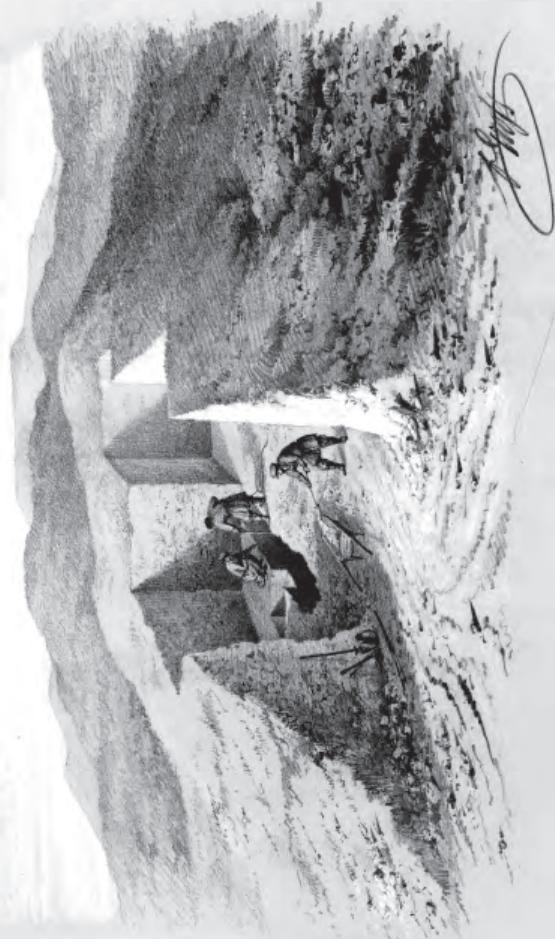

Рис. 44. Раскопки сплошной могильной насыпи на северном склоне горы Митридат, гробница № 63 [Р. 1, № 693, л. 35].

Рис. 45. Гора Митридат. Внутренний вид катакомбы № 63 [Р. 1, № 691, л. 36].

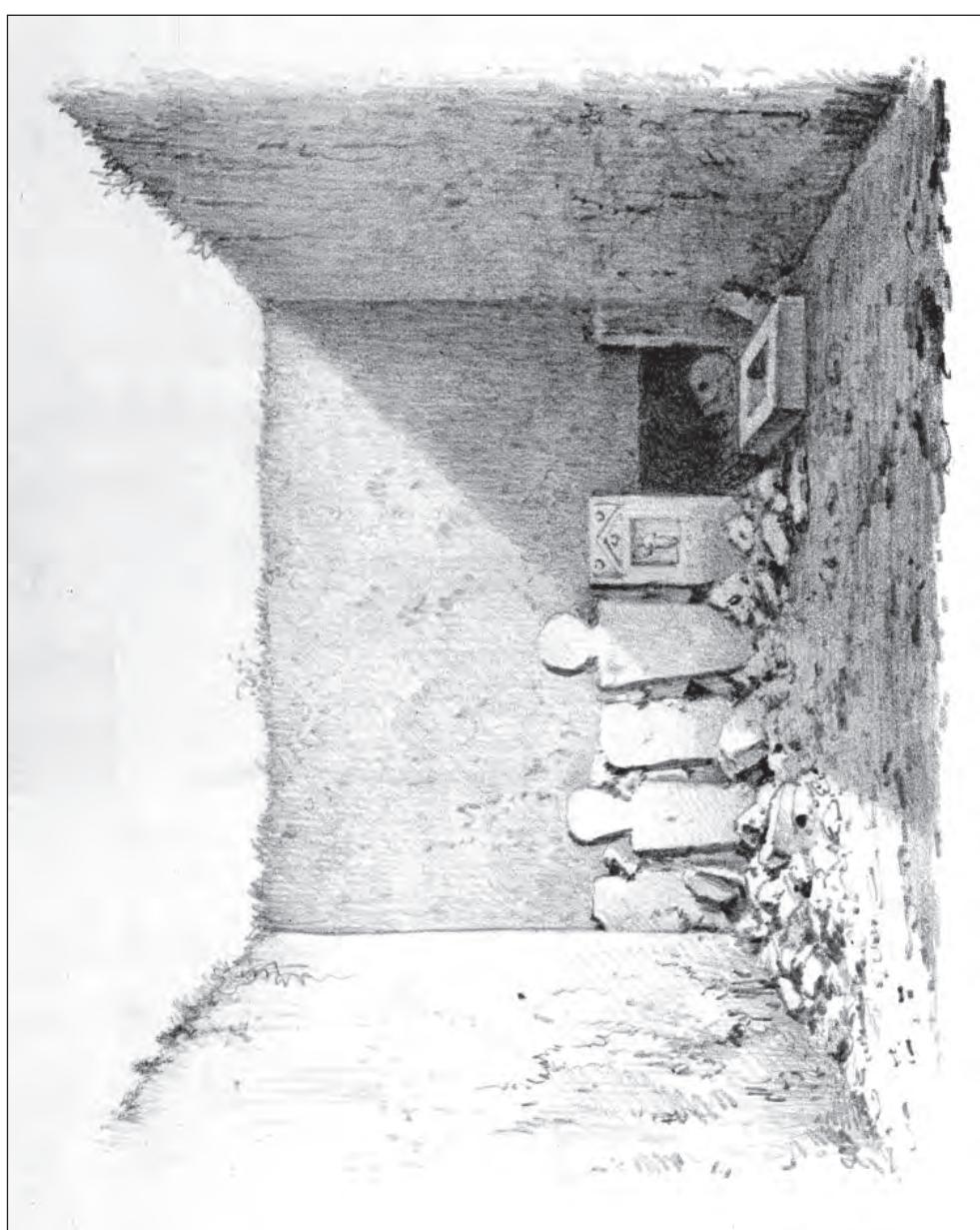

Рис. 46. Гора Митридат. Гробница № 35 [П. 1, № 693, л. 20а].

Рис. 47. Погребальная плита, найденная в гробнице № 35 [Р. 1, № 693, л. 206].

Рис. 48. Гора Митридат. Кувшинчик, обнаруженный в 1866 г. в детской могиле № 117 [1866 г., д. 1, л. 28 об.].

Глава II

Природные обозрения вдоль и поперек Среднеазиатского пролива, произведенного
Бакинской Академией в 1870 году
Бакинской Академии в 1870 году

Рис. 49. Темир-гора, вид с юга [Р. 1, № 693, л. 7 об.].

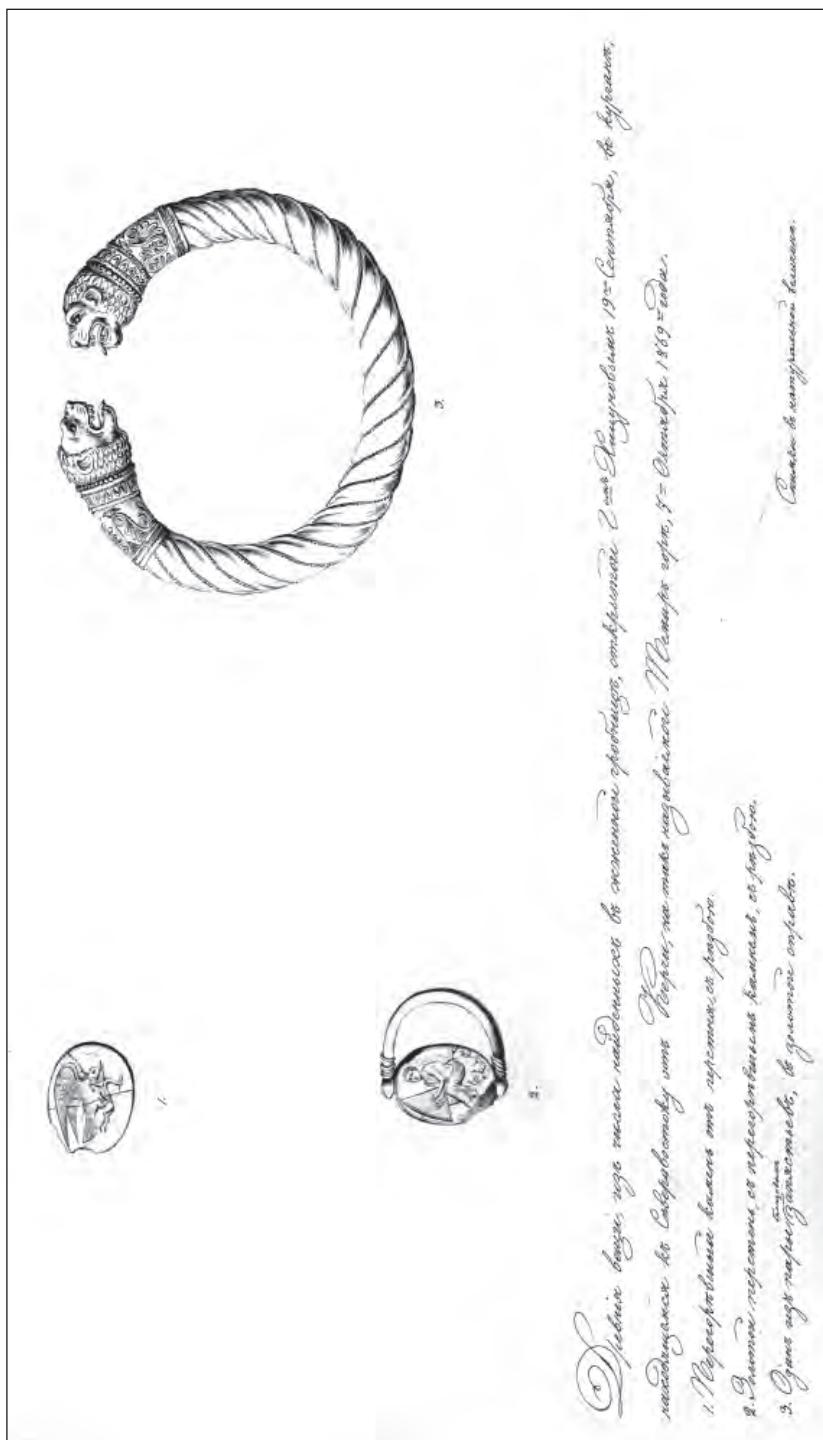

Рис. 50. Находки из кремации на Темир-горе [Р. 1, № 693, л. 3].

Глава II

Рис. 51. Темир-гора. Курган, исследованный в 1870 г. [Р. 1, № 693, л. 7].

Рис. 52. Золотой шлем из кургана на мысе Ак-Бурун, 1875 г. [авторская редакция; Толстой, Кондаков, 1889а, с. 46, ил. 56].

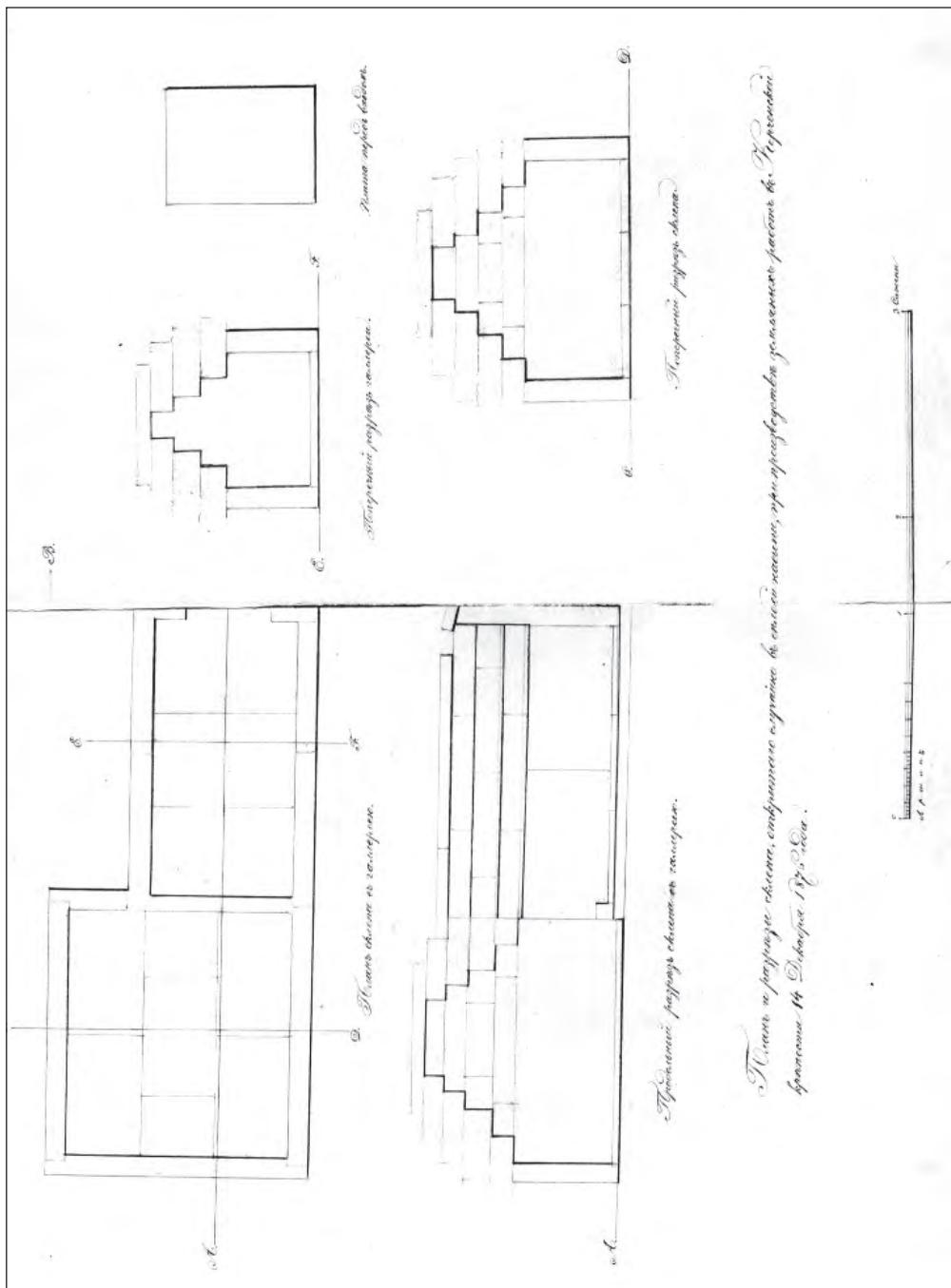

Рис. 53. План и разрезы склепа, открытого в сплошной насыпи в Керченской крепости [1877 г., л. 8, л. 34, 35].

2.9. Некрополи Нижнего Дона

Первые раскопки некрополя Недвиговского городища, т.е. *некрополя Танаиса*, были произведены ещё до создания Императорской археологической комиссии [Книпович, 1949, с. 17]. Из сотрудников ИАК здесь в 1867 г. предпринял исследования В.Г. Тизенгаузен, раскопавший несколько «продолговатых насыпей», в которых были открыты сплошные ряды гробниц. В общей сложности было обнаружено 50 могил, но лишь две из них оказались неограбленными [см.: ОАК, 1867, с. XX-XXI; Книпович, 1949, с. 19; Шелов, 1961, с. 6; 1970, с. 8-9]. Тогда же в скальном основании возвышенностей, на которых расположено городище, В.Г. Тизенгаузен попытался найти древние катакомбы, но эта попытка не увенчалась успехом [ОАК, 1867, с. XXII].

П.И. Хицунов, проводивший раскопки Недвиговского городища в 1870 г. (см. ниже), не обошёл вниманием и некрополь [1869 г., д. 10, л. 39 сл.; см.: ОАК, 1870-71, с. XXIII-XXIV; Книпович, 1949, с. 20; Шелов, 1961, с. 6; 1970, с. 8-9]. Он тоже открыл здесь грунтовые могилы, точное количество которых по причине неясности описаний установить невозможно; Д.Б. Шелов считал, что их было 13 [Шелов, 1961, с. 6]. Почти все могилы не содержали ярких находок и, по заключению исследователя, принадлежали людям бедным. На курганном некрополе П.И. Хицунов предпринял раскопки трёх курганов. Только в одном из них была обнаружена гробница, заслуживающая внимания: грунтовая яма длиной 2,85 м, в которой находился костяк мужчины исполнинского роста – выше сажени (2,13 м). При костяке были обнаружены: грубая медная кружка, длинный меч, два ножа и несколько железных наконечников стрел [1869 г., д. 10, л. 39 об.].

Ниже будет сказано, что в 1871 г. П.И. Хицунов провёл раскопки на Елизаветовском городище в дельте Дона. Нет сомнения, что этот район был тесно связан с Боспором. Обширный *Елизаветовский курганный некрополь* прилегает к городищу с востока, юга и запада [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 214]. Сколько курганных насыпей удалось здесь раскрыть П.И. Хицунову, мы не знаем, но почти все они показались исследователю пустыми [1869 г., д. 10, л. 66; см.: ОАК, 1870-71 с. XLII-XLIII]. Всего в 27 курганах он заметил признаки разграбленных могил, а захоронения были обнаружены лишь в 6. Все они были весьма бедными. После этого П.И. Хицунов решил провести раскопки огромных *Пятибратных курганов*, расположенных недалеко от Елизаветовского городища [см.: Шилов, 1961; Артамонов, 1966, с. 77-78]; по своему облику они напомнили ему Золотой и Царский курганы в Керчи [1869 г., д. 10, л. 66 об.]. Для исследования он выбрал два кургана. Насыпи обоих отличались необычной твёрдостью, поскольку состояли из слоёв сырцового кирпича, залитых клейким болотным илом. В конце концов в одном из курганов была открыта гробница (приблизительно 2,80 × 2,15 м, глубина – более 1,40 м), впущенная в материк, стенки которой были обложены камнем. Гробница имела деревянное перекрытие

тие, поверх которого был уложен слой камыша. Внутри неё археолог нашёл лишь несколько лошадиных костей, бронзовые бляхи, колокольчики, части удил и пр. Погребение было явно ограблено, но исследователь не сомневался, что здесь был захоронен представитель местной варварской аристократии [1869 г., д. 10, л. 67 об.]. В.П. Шилов более обоснованно полагал, что П.И. Хицунов открыл погребение лошади в индивидуальной яме [Шилов, 1961, с. 152]³².

2.10. Изучение боспорских городищ

Интерес к руинам древних городов Боспора Киммерийского, как известно, пробудился довольно рано, и многие учёные и путешественники пытались так или иначе реконструировать историческую карту региона. Однако к раскопкам городищ археологи обратились относительно поздно.

Фанагория

Что касается исследований столицы азиатского Боспора, Фанагории, то после раскопок К.К. Гёрца в 1859 г. (см. главу 2.1) они были возобновлены И.Е. Забелиным. В 1864 г. ему, как известно, удалось сделать замечательное открытие в кургане Большая Близница (см. главу 2.5), но исследователь нашёл время и для работ в Фанагории. И.Е. Забелин заложил здесь несколько раскопов, но все старания археолога, по его собственным словам, «не привели ... ни к каким особенно интересным находкам» [1864 г., д. 14, л. 7]³³. В следующий раз раскопки были стимулированы очередной случайной находкой ещё одного эпиграфического документа, в котором упомянут боспорский царь Спарток, сын Евмела [1866 г., д. 1, л. 12-13; КБН, 974]. К раскопкам городища вновь был привлечён И.Е. Забелин [Паромов, 1993, с. 120-123; Панкратова, 2008а]. Пытаясь найти «древние мраморы», он в 1866 г. заложил раскопы на фанагорийских пепелищах между хуторами Семеняки и Боровика, но ничего не обнаружил [1866 г., д. 1, л. 32, 36, 40; см.: ОАК, 1866, с. XII сл.]. В 1868 г. близ хутора Боровика удалось открыть колодец квадратной формы, обложенный крупными необработанными камнями. Глубина его составляла более 3 м. Эта постройка лежала на глубине более 6 м от современной поверхности, в перекрывающих её слоях было найдено 90 амфорных ручек с клеймами, 20 медных монет и пр. [1868 г., д. 41, л. 27; см.: ОАК, 1868, с. IX].

В 1869 г. И.Е. Забелин продолжил исследования Фанагории [о них см.: ОАК, 1869, с. V; Кобылина, 1956, с. 7], при этом его особенно интересовал «акрополис

³² В.П. Шилов доследовал этот курган в 1959 г., обозначив его как Восьмой Пятибратний. Он открыл здесь каменную гробницу с дромосом, в которой находилось очень богатое аристократическое погребение [Шилов, 1961].

³³ Результаты раскопок показались столь малоинтересными, что в ОАК за 1864 г. о них нет даже упоминания. Краткая информация об этих исследованиях появилась позднее [ОАК, 1870-71, с. IV].

Глава II

города». Под так называемой средней горой тогда было заложено несколько пробных траншей шириной и глубиной в одну сажень (2,13 м). Свои впечатления от раскопок исследователь выразил следующим образом [1869 г., д. 4, л. 10]:

«Местами в пробитых канавах открывались остатки фундаментов от самых простых, быть может, позднейших построек; но оснований городских зданий не оказалось. Хотя преждевременно делать какие-либо решительные заключения, но, видимо, основания древнего городища в перво-бытном его виде уже не существует. Оно едва ли не доистра разорено, перекопано и пересыпано последующими обитателями здешней местности, начиная с хазар и оканчивая турками».

Несмотря на столь пессимистический вывод, на следующий год И.Е. Забелин был вынужден провести здесь своего рода спасательные или новостроечные работы, поскольку западная часть городища перешла в частное владение и стала использоваться под огороды [1870 г., д. 19, л. 2; см.: ОАК, 1870-71, с. III-V, XXXIII-XXXIV]. Особенно масштабными были его раскопки в 1872 г., они были сосредоточены в северо-восточном секторе центральной части городища. В результате этих раскопок были открыты основания стен древних построек, и И.Е. Забелин даже рапортовал С.Г. Строганову, что ему, наконец, удалось «впервые открыть действительно древнейший фундамент какого-то здания» [1872 г., д. 15, л. 3; см.: ОАК, 1872, с. III-VI]. Исследователю представлялось, что этот фундамент принадлежал храму. Действительно, он тогда обнаружил остатки довольно крупной постройки, внутри которой находилась глубокая могила. Костяк в ней лежал в весьма необычном для греческих некрополей положении – на боку, в несколько скрученном положении, к тому же он был засыпан дубовым углем. Любопытно и то, что каменные стены этой постройки имели весьма необычную систему кладки – вышележащие ряды камней выступали над нижележащими внутрь помещения. Такая система, как известно, характерна для боспорских склепов IV в. до н.э. с уступчатым перекрытием. В связи с этим можно высказать догадку, что И.Е. Забелин в 1872 г. открыл совсем не остатки храма, а героон, т.е. погребение какого-то заслуженного фанагорийца, который после смерти почитался как герой и был погребён внутри городской черты [Виноградов, 2010а].

Почти одновременно с И.Е. Забелиным в 1874 г. в северной и северо-западной частях городища пробовал копать В.Г. Тизенгаузен [Кобылина, 1956, с. 7], но он, как обычно, практически не оставил отчётов о своих исследованиях [см.: ОАК, 1874, с. XVI, XX]. В 1879 г. В.Г. Тизенгаузен вновь вернулся на Фанагорию и предпринял исследования в южной части городища, выходившей на почтовую дорогу [ОАК, 1878-79, с. XLII-XLIV].

К 1880 г. в результате проведённых бессистемных работ городище было почти сплошь изрыто всякого рода траншеями. С.И. Веребрюсов, появившийся на

памятнике как раз в этом году, выразил свои впечатления следующим образом [1880 г., д 19, л. 33]:

«Обширные насыпи и пепелища между усадьбами Семеняки и Шапырева (быв. Боровика) были предметом изысканий многих археологов, истощавших все возможные усилия для открытия памятников древней Фанагории. Глубокие траншеи у подошвы возвышения, где находился акрополь, обширные раскопы на его северных окраинах и у морского берега надолго останутся видимым указанием трудов известнейших наших исследователей. В настоящее время только случайные открытия и особенно важные находки могут послужить поводом к подобным обширным работам. Я полагаю, однако, что при возобновляемых каждый год раскопках на Таманских берегах, могут быть допускаемы расследования хотя <бы> некоторых почету-либо выдающихся частей акрополя и насыпей прибрежной полосы, если по ходу прочих работ близ станции Сенной представляется это удобным».

Тем не менее, сам С.И. Веребрюсов именно в 1880 г. заложил раскоп (приблизительно $12,80 \times 6,40$ м, глубина – около 3,20 м) на площади акрополя, окруженной глубокими траншеями, над самой усадьбой Шапырева [см.: Паромов, 1993, с. 124]. Описывая характер культурных напластований, исследователь отметил, что под земляной насыпью, смешанной с пеплом, залегал слой, содержащий значительное количество обломков керамики различных форм, частей архитектурных деталей и пр. Этот слой подстипался земляным грунтом с примесью золы. Стен древних построек, как можно полагать, открыто не было. Образовавшийся глубокий раскоп, естественно, представлял опасность для домашних животных, принадлежавших местным жителям, и С.И. Веребрюсов решил засыпать его грунтом, как не представляющий «никаких особых показаний» [1880 г., д. 19, л. 33-34; см.: ОАК, 1880, с. XI-XII].

М.И. Ростовцев, оценивая результаты всех этих работ на городище Фанагория, отметил, что они не дали и не могли дать никаких научных результатов, поскольку исследователи не ставили перед собой чётких вопросов, на которые раскопки могли бы дать ответ. Не были установлены границы города, не найдена его оборонительная система, обнаруженные находки не связывались с конкретными культурными слоями и т.д. По его мнению, эти раскопки «были скорее вредны, чем полезны» [Ростовцев, 1925, с. 263]. Их единственным ценным результатом можно считать находку нескольких важных для понимания истории Боспора эпиграфических памятников.

Германасса

На городище, расположенном на месте современной Тамани, раскопки были предприняты в 1868 г., руководил ими В.Г. Тизенгаузен. Об этих исследованиях мы знаем очень немного [1868 г., д. 40, л.. 3; см.: ОАК, 1868, с. IX], но

Глава II

всё-таки больше, чем о раскопках этого автора в Фанагории. Из краткого отчёта известно, что он заложил «широкий и глубокий разрез» в прибрежной части городища. Как ему представлялось, исследования были доведены до материка, при этом в нижних горизонтах культурных напластований было обнаружено скопление дикарного камня, обломки мрамора и фрагменты различных керамических сосудов, среди которых встретился фрагмент «с чёрными фигурами этрусского стиля», т.е., скорее всего, обломок аттического чернофигурного сосуда, головка от терракотовой статуэтки, несколько медных монет и т.д. В одном из «колодезеобразных углублений, проходящих через всю насыпь и через лежащий под нею материк и служивших, кажется, сточными трубами» была обнаружена амфора с клеймом на горле и фрагментированный краснофигурный кратер. Кроме того, В.Г. Тизенгаузен подверг раскопкам часть насыпи возле двух старинных колодцев, но никакой ясной картины здесь тоже не получил.

Семибратнее городище

В.Г. Тизенгаузен, говоря о планах работ на 1876 г., отметил, что было бы интересно исследовать некоторые части городища, лежащего неподалеку от курганов группы Семь Братьев [1875 г., д. 3, л. 19], но раскопки здесь были проведены лишь в 1878 г. Городище изучалось «пробными канавами», в результате чего было выяснено, что поселение окружала толстая стена, высота которой достигала 4,5 аршина (3,20 м). Стена была сложена из огромных, тёсаных, хорошо пригнанных друг к другу камней, лишь с северной стороны она состояла из мелкого плитняка. Раскопки внутри стен привели к открытию «слоёв мусора и земли», среди которых встречались фундаменты каменных построек. В одном из раскопов в южной части городища на глубине около двух метров было найдено «большое четырехугольное помещение, сооруженное из огромных тёсаных плит, выведенное в три ряда уступами, может быть, основание жертвенника» [1875 г., д. 3, л. 84; см.: ОАК, 1878-79, с. VIII-IX]. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, как видим, привели к открытию ряда важных археологических объектов, но они не были продолжены, и столица Синдского государства, как определяют Семибратнее городище многие современные исследователи, по существу ещё долгие годы оставалась практически неисследованной [Горончаровский, 2009, с. 150; Горончаровский, Иванчик, 2010, с. 221 сл.].

Другие городища Таманского полуострова

В 1872 г. в трёх верстах к востоку от Тамани близ Солёного озера и кирпичного завода А.Е. Люценко провёл небольшие раскопки какого-то «пепелища». Здесь были обнаружены обломки керамики, окислившиеся медные монеты и пр. [1872 г., д. 30, л. 54]. В.В. Соколов считал, что это городище находится за валом Фанагорийской крепости (т.е. крепости Фанагорийского полка А.В. Суворова), к востоку от неё [Соколов, 1919а, с. 46].

Несколько ранее В.Г. Тизенгаузен предпринял раскопки двух городищ, расположенных около начала косы Чушка. На одном из них (площадь – 0,35-0,40 га,

мощность напластований – около 3 м), которое исследователь посчитал известным из письменных источников Ахиллием [Strab. XI. 2. 6], было открыто каменное основание насыпи или обводной стены поселения, при возведении которого было использовано немалое число более ранних надгробий. Остатков жилых или хозяйственных построек В.Г. Тизенгаузен здесь не открыл, но обнаружил пифосы, кувшины, жернова, фрагменты терракотовых статуэток, боспорские монеты II–III вв. н.э. На втором, меньшем по площади городище остатков построек тоже открыто не было, да и состав находок был приблизительно идентичен первому памятнику [ОАК, 1870–71, с. XIII–XIV].

Уже говорилось, что в 1881 г. В.И. Веребрюсов провёл весьма масштабные раскопки на Таманском полуострове. В основном, его интересовали курганы (см. главу 2.7), но учёный обратил внимание также на городище, расположение около станицы Титоровской, точнее, у северной подошвы горы, известной как Дубовый рынок [1881 г., д. 7, л. 35; см.: ОАК, 1881, с. XVII]. В этих «кепелищах» было заложено несколько разведочных раскопов, которые практически не задокументированы. Правда, на основании своих наблюдений автор сделал заключение, что «жилища здешних обитателей возводились не из камня, а из земляного кирпича» [1881 г., д. 7, л. 36; ОАК, 1881, с. XIX].

Пантиканей

А.Е. Люценко предпринял первую попытку изучения Пантиканея через четыре года после раскопок К.К. Гёрца в Фанагории. Осеню 1863 г. были проведены раскопки на Биржевой площади, возле Таманской пристани. Они были вызваны тем, что несколько лет назад здесь на глубине порядка 2 метров были обнаружены фрагменты мраморных архитектурных деталей и постаменты от статуй с греческими надписями. На Биржевой площади был заложен раскоп (приблизительно 12,10 м × 3,20 м), на котором была достигнута глубина 2,50 м от современной поверхности, после чего здесь стала выступать грунтовая вода и работы стали невозможны. Несмотря на очевидную неудачу исследований, на раскопе был обнаружен карниз из белого мрамора [1863 г., д. 6, л. 29].

В 1864 г. директор Керченского музея провёл раскопки на террасах горы Митридат около памятника И.А. Стемповскому [см.: ОАК, 1864, с. XIV; Блаватский, 1951, с. 17, 26], к чему его побуждали просьбы С.Г. Строганова найти здесь «какие-либо фрагменты из мрамора, замечательные по сохранившимся на них надписям или по художественной их работе» [1864 г., д. 9, л. 3]. Как видим, перед исследователем ставилась задача вполне «кладоискательская», да и раскопки он проводил по методике, практиковавшейся в то время при исследовании курганов: от подошвы насыпей к их центру закладывались траншеи, от которых делались ответвления в виде минных галерей.

Небольшие фрагменты мраморных скульптур тогда действительно были найдены, обнаружили даже золотую цепочку [1864 г., д. 9, л. 7], и А.Е. Люценко выразил надежду, что раскопки на Митридате приведут «к какому-нибудь

Глава II

замечательному открытию» [там же, л. 8]. Однако работать приходилось на пепелищах древнего города, заключавших в себе могилы, которые исследователь интерпретировал как генуэзские. В основании этих насыпей были выявлены нижние части стен, небрежно сложенных из дикарного известняка, но археологическая методика того времени никак не позволяла связать их в сколь-нибудь ясную картину. Никаких планов раскопов или рисунков стен не делалось, не предпринималось и попытки их датирования. Единственный объект, который был интерпретирован более-менее надёжно, – это цистерна, «вырубленная в скале и покрытая внутри чрезвычайно крепким цементом». Её глубина составляла 2 сажени (4,26 м), а поперечник – не более 1 сажени (2,13 м). Эта цистерна имела жёлоб, направленный от неё в глубину террасы [1864 г., д. 9, л. 16; см.: ОАК, 1864, с. XV].

В золистых насыпях, естественно, было найдено множество обломков античной керамики, десятки амфорных ручек с клеймами, немало медных монет и т.д. Среди обнаруженных надписей имеются чрезвычайно любопытные [1864 г., д. 9, л. 15-17]: проксения Перисада пирейцу [КБН, 1], посвящение Деметре при архонте Левконе [КБН, 8], посвящение Маниса Гераклу [КБН, 16] и часть списка имён, начинаящегося с Кефисодота [КБН, 110].

В 1865 г. в раскопках на территории Керчи произошли некоторые изменения. Дело в том, что итальянец Иосиф Калькани, проживавший на Босфорской улице, во время хозяйственных работ во дворе своего дома обнаружил весьма ценные скульптурные находки (рис. 54): торс большой статуи Диониса, голову в венке из виноградных гроздьев, часть правой ноги и правой руки, небольшой торс, как тогда посчитали, тигра, но, вероятнее, леопарда и пр. [1865 г., д. 9, л. 31-32]. Когда А.Е. Люценко узнал об этих открытиях, то во дворе Калькани и, по всей видимости, в соседнем с ним дворе Войтенко были проведены раскопки, в результате которых обнаружены головки от мраморных статуй, часть плеча скульптуры, обломок лапы леопарда или барса и пр. [1865 г., д. 9, л. 32; см.: ОАК, 1865, с. VIII-IX]. Перечисленные находки можно рассматривать как свидетельство того, что в районе дворов Калькани и Войтенко в древности находилось святилище или даже храм, посвящённый Дионису [ср.: Блаватский, 1951, с. 20; 1964, с. 88], но полностью он раскрыт не был, да и археологи как будто к этому совсем не стремились, будучи удовлетворены находками обломков мраморных статуй.

В самом конце 1865 г. керченский мещанин Дм. Иванов сделал ещё одну любопытную находку. Он добывал камень у памятника И.А. Стемпковскому и обнаружил здесь часть мраморной скульптуры, изображающей женщину, сидящую на дельфине, т.е. Нереиду. Сделанные находки заставили А.Е. Люценко запланировать раскопки насыпей, в которых местные жители добывали камень [1865 г., д. 9, л. 39; см.: ОАК, 1866, с. III]. Обстоятельства находки позволяют в полной мере осознать, что для керченских обывателей руины Пантикалея слу-

жили своего рода каменоломней, и городское начальство тогда никак этому не препятствовало.

Раскопки на Митридате были продолжены в 1867 и 1868 гг. [рис. 55; 1867 г., д. 11, л. 7, 58, 59; 1868 г., д. 41, л. 54-55, 58; см.: ОАК, 1867, с. III; 1868, с. III-IV]. А.Е. Люценко признавал важность изучения городища, по этому поводу он даже писал [1867 г., д. 11, л. 59]:

«Вообще, разрытие древних пепелищ, столь многочисленных в окрестностях Керчи и Тамани, представляет большой интерес, но оно обходится слишком дорого и по недостатку места для помещения земли, вынимаемой из раскопов, сопряжено с большими неудобствами, ибо сваливать её на места, ещё не расследованные, не совсем разумно».

Наряду с прочим, данное замечание может служить свидетельством, что директор Керченского музея вполне осознал необходимость удаления отвалов с поверхности городищ. Однако весной 1868 г. раскопки А.Е. Люценко привели к серьёзному конфликту между археологами и керчь-еникальским градоначальником А.А. Спицыным-Первым [см.: Виноградов, 2008]. В рапорте С.Г. Строганову директор музея сообщил, что градоначальник Спицын, находя археологические раскопки «уродующими гору Митридат и отнимающими у неё благообразный вид со стороны города и моря», 26 апреля официально потребовал прекратить их, что и было исполнено 4 мая 1868 г. А.Е. Люценко приложил к рапорту всю переписку, возникшую по этому поводу между ним и градоначальником, прося графа предложить господину Спицыну не стеснять его в дальнейшем проведении раскопок [1868 г., д. 41, л. 12]. Копии прилагаемых к рапорту документов, на мой взгляд, очень любопытны и выразительны. Среди них – копия отношения керчь-еникальского градоначальника к директору музея, направленного 26 апреля, в котором он «покорнейше просит» археолога безотлагательно прекратить раскопки на горе. Причины, по которым было принято такое решение, столь ярко обозначены, что необходимо привести цитату:

«Проводимые Вашим Превосходительством археологические разыскания на горе Митридат не только уродуют эту гору, отнимая у неё благообразный вид с города и моря, но даже выкопанною землёю закопана большая часть дороги, ведущей по склону горы к Александровской церкви, засыпается каменная лестница, стоящая огромных денег городу, и кроме того, что гораздо важнее, раскопки Ваши до того подкопали на горе каменную скалу, что она грозит падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья» [1868 г., д. 41, л. 14].

Более того, А.А. Спицын полагал, что археология – наука пустая, которую

Глава II

он не любит, и считает, что она, может быть, и нужна учёным, но совершенно бесполезна для общества [1868 г., д. 41, л. 9]. Итак, основные пункты предъявленных обвинений предельно ясны. Как же защищался А.Е. Люценко? В ответ на эту бумагу он 13 мая направил свою, в которой сообщил о прекращении раскопок, но счёл должным заявить следующее [1868 г., д. 41, л. 17-18]:

1. «Археологические изыскания на г. Митридат предприняты по желанию ИМПЕРАТОРСКОЙ (все буквы в этом слове автор написал заглавными – Ю.В.) археологической комиссии с целью открытия “древних мраморов”. Раскопки проводились по специально составленному плану “на перевал”, то есть по такой системе, когда ранее сделанные раскопы засыпались отвалом из других, более поздних. Эта система засыпки со временем возвратила бы горе её прежний вид, но раскопы, остановленные на полпути и стоявшие значительных издержек, такого результата дать не могут.
2. Благообразный вид горы уродуется не столько от деятельности археологов, сколько от раскопок местных жителей, которым позволено на Митридате добывать камень с уплатой десятины откупщику городских каменоломен. Со стороны этого откупщика, однако, за деятельность добытчиков камня нет никакого присмотра.
3. На дорогу, ведущую по склону к Александровской церкви, археологи не вывезли ни единой тачки земли. Отвал уложен аккуратно выше дороги, и, если при дожде часть его обвалится, то всё будет немедленно очищено.
4. Таким же образом археологи не повинны в засыпке каменной лестницы, ведущей на гору, поскольку та вообще значительно удалена от заложенного раскопа. Лестница эта, при которой нет сторожа, засыпана мальчишками, которые ищут по её сторонам древние монеты, а земля от их деятельности попадает на ступени.
5. Наконец, никакие скалы, “которые грозили бы падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья”, археологи не подкапывали. Что касается огромной скалы, которая возвышается с правой стороны от раскопа, то она находится в этом положении “с незапамятных времён”».

Из объяснений А.Е. Люценко, как видим, следует, что неэстетичный вид горы Митридат был связан, прежде всего, с непродуманными действиями властей, сделавшими из древних руин настоящую каменоломню, а также с деятельностью керченских мальчишек, на которых любой власти очень трудно найти управу. Вообще же, по мнению директора музея, «вершина горы Митридат уже давно обезображена раскопками, произведёнными на ней искателями кладов» [1868 г., д. 41, л. 16].

На это послание градоначальник отреагировал письмом от 17 мая, при этом уже значительно смягчив свою позицию. Происшедшую метаморфозу, вероятнее всего, следует объяснять тем обстоятельством, что А.А. Спицын-Первый, возможно, впервые в жизни узнал, что раскопки производятся не просто по прихоти чудаков-учёных, а по решению Императорской археологической комиссии, а, значит, сам государь император совсем не считает археологию наукой пустой и бесполезной для общества. Ясно, что керчь-еникальский градоначальник в этом отношении неожиданно для себя попал в весьма неловкое положение. В общем, он уже не имел претензий по поводу дальнейшего производства раскопок на Митридате при условии, что все углубления будут засыпаны землёй (почему-то чиновник упорно называл раскопы углублениями). Вместе с тем, в его послании появилось новое, чрезвычайно важное обстоятельство, которое могло бы подкрепить занятую им ранее непримиримую позицию, – раскопки могли быть продолжены только при том условии, если Инженерное ведомство не выразит к этому претензий. Дело в том, что, как следовало из его слов, местность на горе была отведена этому ведомству для строительства укреплений. В заключение директору музея ещё раз указывалось: «Независимо от изложенного, имею честь покорнейше просить теперь же распоряжения Вашего Превосходительства о засыпке всех углублений и раскопок, сделанных Вами в разных направлениях горы Митридат» [1868 г., д. 41, л. 15].

На послание градоначальника с новыми указаниями и предостережениями А.Е. Люценко ответил 21 мая. В своём очередном письме он заявил, что по случаю дорогоизны рабочей силы и своего отъезда на Таманский полуостров для проведения раскопок не может приступить к засыпке раскопов, но обещает, что постепенно к концу этого года или к началу следующего, когда археологические изыскания на Митридате возобновятся, это будет выполнено. Что же касается приказа о засыпке «всех углублений и раскопок», то по этому поводу Спицыну-Первому было рекомендовано обратиться непосредственно в Императорскую археологическую комиссию, ибо директор музея сам по себе не может провести столь масштабные работы, требующие огромных издержек. В отношении Инженерного ведомства в ответе А.Е. Люценко было отмечено, что оттуда в музей ещё не поступало никаких требований о прекращении раскопок на горе Митридат. По его мнению, этого вообще было трудно ожидать, поскольку масштабы археологических раскопок слишком незначительны в сравнении с работами, обычно проводимыми этим ведомством [1868 г., д. 41, л. 16].

Из приведённой переписки нетрудно понять, что директор Керченского музея древностей в конфликте с керчь-еникальским градоначальником вел себя достаточно уверенно, по существу не уступив ему ни по одной из позиций. За своей спиной он явно чувствовал серьёзную поддержку, и эта

Глава II

поддержка заключалась в существовании Императорской археологической комиссии. Каким же образом на спор градоначальника и директора музея отреагировала эта авторитетная организация? Что предпринял по этому поводу её председатель С.Г. Строганов? 30 сентября 1868 г. он направил два письма: одно – А.Е. Люценко, другое – градоначальнику Спицыну. В первом он порекомендовал археологу при проведении раскопок «стараться засыпать, насколько возможно, слишком большие углубления». С.Г. Строганов просил также А.Е. Люценко связаться с местным Инженерным ведомством и выяснить, на каком именно месте горы Митридат предполагается строить укрепления и не будет ли со стороны этого ведомства препятствий «в предварительном расследовании этой части в археологическом отношении» [1868 г., д. 41, л. 34], то есть, выражаясь современным языком, в проведении новостроекных работ.

Письмо к керчь-еникальскому градоначальнику выдержано несколько в ином тоне. Граф сообщил А.А. Спицыну-Первому, что проинформирован о его распоряжении прекратить раскопки на горе Митридат и причинах, которыми такое решение было вызвано. Все они признаны несущественными. В конце послания в словах высокопоставленного чиновника явно чувствуются металлические нотки. С.Г. Строганов посчитал своим долгом просить градоначальника «допустить г. Люценко к продолжению этих раскопок, обещающих доставить ещё много разных интересных археологических памятников» [1868 г., д. 41, л. 33]. На такую просьбу, разумеется, было очень трудно дать отрицательный ответ. В общем, раскопки «пепелища» на горе Митридат были продолжены [1869 г., д. 4, л. 46; 1870 г., д. 23, л. 25, 38; 1874 г., д. 10, л. 84, 104-105; 1876 г., д. 20, л. 28; 1878 г., д. 16, л. 32; см.: Блаватский, 1951, с. 17, 19].

В 1870 г. рядом с часовней И.А. Стемповского был обнаружен фундамент древней постройки, а среди вещевых находок – мраморный торс Геракла [ОАК, 1879-71, с. XIX]. В 1871 г. в «пепелище» около церкви Александра Невского был открыт водосток, связанный с цистерной, глубина которой составляла более двух метров (рис. 56; см.: ОАК, 1870-71, с. XXXIX-XL). На вершине горы Митридат в том же году обнаружены остатки стен, сложенных небрежно из кусков камня, но они были столь фрагментарны, что восстановить план постройки не представилось возможным. А.Е. Люценко по этому поводу лишь заметил: «Можно только с некоторой вероятностью отнести их к тому периоду времени (535 г. по Р.Х.), когда император Юстиниан приказал возобновить стены Пантиапея (Воспора), разрушенные гуннами» [1871 г., д. 16, л. 8, 28]³⁴.

На южной покатости горы Митридат в 1872 г. были открыты остатки круп-

³⁴ А.Е. Люценко в данном случае, вероятнее всего, опирается на свидетельство Прокопия Кесарийского: «Особенно он (Юстиниан – Ю.В.) укрепил стенами Боспор; с давних времён этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян» (Прокоп. De aedif. III. 7, 12; перев. П.С. Кондратьева).

ной постройки (рис. 57). Монументальные стены, сложенные из рустованных блоков, позволяют считать её общественной. Надо признать, что во время раскопок на склонах Митридата археологи находили немалое количество весьма любопытных предметов, к примеру, фрагмент краснофигурного кратера с изображением женщины, моющей волосы (рис. 58).

В 1876 г изучение «пепелищ» горы Митридат было продолжено [см.: ОАК, 1876, с. XXX-XXXI; Блаватский, 1951, с. 17]. В декабре этого года после сильных дождей произошёл обвал насыпи у церкви Александра Невского. В образовавшемся разрезе Ф.И. Гросс увидел фрагменты разноцветной мозаики и обломки архитектурных деталей, которые, возможно, были сброшены сюда с вершины горы Митридат. В 1877 г. здесь были проведены археологические исследования [1877 г., д. 8, л. 3, 4, 6; см.: ОАК, 1877, с. XII-XIII; Блаватский, 1951, с. 18, 20, 26], которые, в частности, привели к открытию надписи с посвящением Афродите Урания, владычице Апатура, за архонта и царя Перисада, царицу Камасарию и за Аргота [КБН, 75].

Вскоре после этого, 26 мая 1877 г., раскопки в Керчи и её окрестностях вообще были прекращены, а керчь-еникальский градоначальник даже потребовал от А.Е. Люценко подготовить музей к возможной эвакуации в Тамань [1877 г., д. 8, л. 7, 8, 11]. Причина такого необычного решения кроется в том, что тогда началась очередная Русско-Турецкая война (1877–1878 гг.), и нападение противника на Крым, казалось, по крайней мере, вероятным. Угроза такого нападения, однако, оказалась сильно преувеличенной, и раскопки были возобновлены 5 сентября 1877 г. [1877 г., д. 8, л. 15].

В 1878 г. в изучение пантикапейских «пепелищ» включился Н.П. Кондаков [1878 г., д. 11, л. 7; см.: ОАК, 1878-79, с. XVIII-XIX]. Он провёл раскопки на северной покатости горы Митридат, в результате чего обнаружил, что мощность культурных напластований здесь достигает 8 аршин (почти 5,70 м).

Вскоре Военное инженерное ведомство вновь заявило о намерении открыть обширные работы на горе с 1880 г. «для устройства эспланады и возведения крепостных верков» [1879 г., д. 6, л. 3]³⁵. Проведение этих работ, естественно, очень обеспокоило директора музея С.И. Веребрюсова. В 1880 г. на северной покатости Митридата вновь были проведены раскопки, на сей раз имевшие большую нацеленность на конкретный археологический результат. Они были связаны с тем, что в 1879 г. здесь обнаружены терракотовые статуэтки, дававшие возможность предполагать, что где-то поблизости находилась мастерская по их изготовлению или лавочка по продаже [1880 г., д. 19, л. 10]. Раскопки на площади 3 × 3 сажени (6,40 × 6,40 м) были доведены до глубины 3,20 м, где

³⁵ Эспланада (от фр. esplanade) – незастроенное пространство между крепостными стенами и ближайшими городскими постройками, облегчающее оборону в случае нападения противника. Верки (от нем. Werk) – различные укрепления в крепостях (брестверы, форты и пр.).

была обнаружена стена, сложенная из необработанных камней. С этой стеной каким-то образом была связана находка дикарного камня с круглым углублением (около 22 см в диаметре и до 18 см в глубину). Оно было заполнено маской, полученной от растирания керамических фрагментов, – шамотом; площадь около камня также была покрыта слоем такого же шамота. С.И. Веребрюсов предположил, что именно из этой массы изготавливались терракотовые статуэтки [1880 г., д. 19, л. 9-10].

Мирмекий

Археологические исследования этого боспорского городка, лежавшего на северной оконечности Керченской бухты, были затруднены тем обстоятельством, что на его руинах в 1827 г. был размещён Новый карантин. Однако в 1863 г. А.Е. Люценко попытался раскопать две обширные насыпи, лежавшие за восточной оградой карантина. Первая из них имела форму конуса, а вторая тянулась по берегу пролива, упираясь в подошву скалистого холма у самого берегового обрыва. Обе насыпи состояли из «наносов глины, смешанной с золою, черепками битой посуды и морскими ракушками». В первой из насыпей было открыто сооружение, интерпретированное исследователем как кладовая для хранения зерна [рис. 59; 1863 г., д. 6, л. 30; см.: ОАК, 1863, с. XV]. В.Ф. Гайдукевич отказался от такого понимания, справедливо усмотрев в постройке остатки первой мирмекийской винодельни [Гайдукевич, 1941а, с. 101; 1959, с. 10-11]. Во второй насыпи, тянувшейся к обрыву берега моря, А.Е. Люценко не обнаружил никаких строительных остатков. На материке здесь лежали лишь беспорядочно расположенные камни; всю насыпь исследователь трактовал как террасу, ведущую к холму на обрыве берега [1863 г., д. 1, л. 30-31].

В.Ф. Гайдукевич по поводу этой насыпи не высказал никаких соображений [Гайдукевич, 1941а, с. 102], тем не менее результаты раскопок А.Е. Люценко наводят на некоторые размышления. Дело в том, что сейчас весьма сложным представляется вопрос о восточном секторе фортификации Мирмекия. Все старинные планы выводят её южный конец к небольшому мысу, за которым в море находятся живописные скалы [см.: Гайдукевич, 1941а, с. 98-99; 1959, с. 5; Тункина, 2002, рис. 47], но восточная стена городища Мирмекий, открытая раскопками В.Ф. Гайдукевича, находится почти в 50 м к западу от него [Чистов, 2006, с. 196]. Что же представляют собой линии «валов», отмеченные на всех этих планах, и как восточный «вал» соотносится с более западными городскими укреплениями, пока остается непонятным. Совсем не исключено, что этот восточный «вал» является еще одним мирмекийским зольником, во всяком случае, структура его напластований такому предположению не противоречит. Вполне возможно, что жители Мирмекия стали ссыпать здесь золу, сообразуясь с линией укреплений, в результате чего образовался вал, к оборонительной функции не имеющий никакого отношения. Подобные зольные насыпи, к примеру, расположены около городища Илурат, вдоль его северо-

восточной и северо-западной оборонительных стен, при этом мощность их на-пластований достигает 5,20 м [Гайдукевич, 1958, с. 136-137].

Нимфей

Первые раскопки, которые можно связывать с площадью городища, были проведены в 1876 г. Н.П. Кондаковым [OAK, 1876, с. XXIX-XXX]. Исследователи Нимфея нового времени о них упоминают очень кратко [Худяк, 1962, с. 6; Древний город Нимфей, 1999, с. 14-15], но в отчёте о своих работах этого года под Эльтигеном Н.П. Кондаков неоднократно упоминает об акрополе. Исследователь даже раскапывал здесь какие-то валообразные насыпи, из которых происходили некоторые находки: обломки керамики, светильники «грубої глины» и окислившиеся медные монеты. Н.П. Кондаков сопоставил эти валообразные насыпи с «намеренно насыпанными укреплениями» Ольвийского и Фанагорийского городищ [1876 г., д. 20, л. 21-22].

После него в 1878 и 1879 гг. на Нимфее провел раскопки С.И. Веребрюсов [OAK, 1878-79, с. XXXIV-XXXV, XLVI-XLVII]. В 1878 г. им было заложено пять раскопов, причём почти во всех были обнаружены фундаменты древних построек, а в одном (№ 4) – зерновая яма, стенки которой были обложены камнем и оштукатурены [1878 г., д. 16, л. 19]. Летом 1879 г. работы проводились на возвышенной части, которая, как считали исследователи, составляла древний акрополь. На глубине до 2 метров были открыты остатки древних построек. Под каменным завалом обнаружен колодец, стенки которого были сложены из хорошо отёсанных плит. Сверху колодец был закрыт каменной плитой, так что на глубину около 4,25 м он оказался совершенно пустым. В этом же году раскапывалось «пепелище», в котором было найдено большое количество черепков посуды и пр.; материк под ним залегал на глубине не менее 4,80 м [1879 г., д. 6, л. 31-32].

Темир-гора

Исследования этого памятника были начаты П.И. Хицуновым в 1869 г., при этом он обратил внимание не только на тамошние курганы (см. главу 2.5), но и на остатки древнего поселения, которое археолог посчитал «однородным» с пантиканейским. Он начал раскопки «пепелища» на южной окраине горы [OAK, 1869, с. XI], ставя перед собой четкую задачу – «открыть фундаменты древних зданий или мраморы с надписями» [1869 г., д. 4, л. 28]. Важность надписей для изучения древней истории Боспора была понятна, так сказать, изначально, но значение древних фундаментов всё еще расценивалось весьма туманно. Однако П.И. Хицунов не открыл там даже фундаментов, ему попадались лишь одни обломки посуды. Более удачливым на следующий год оказался А.Е. Люценко, обнаруживший к западу от кургана остатки «обширных укреплений», стены которых были сложены из необработанных камней, а также цистерну довольно хорошей сохранности [рис. 60; 1870 г., д. 23, л. 22, 31; см.: OAK, 1870-71, с. XXI-XXII]. В.Ф. Гайдукевич, изучивший все материалы

Глава II

этих раскопок, пришёл к заключению, что на вершине Темир-горы находилась укреплённая сельская усадьба (*villa rustica*), в структуру которой входила винодельня. Усадьба существовала в первые века н.э., но возникла, вероятно, раньше, ещё в эллинистическое время [Гайдукевич, 1941б, с. 59; Кузнецова, 2002, с. 81].

В 1878 г. на Темир-горе провёл раскопки С.И. Веребрюсов, исследовавший «пепелище», расположенное с северо-восточной стороны от раскопанного прежде кургана (см. главу 2.5). Кроме того, тогда было заложено пять раскопов на южной покатости горы, в результате чего вскрыто ещё одно подобное «пепелище», состоявшее из глины и золы с включениями морских раковин. В них было обнаружено большое количество керамических фрагментов, в том числе с рельефным орнаментом в виде виноградной кисти [1878 г., д. 16, л. 26-27; см.: ОАК, 1878-79, с. XXXI].

Танаис

В начале 50 годов XIX в. уже достаточно надёжно было установлено соответствие Танаису городища, расположенного около хутора Недвиговка [Извлечение, 1855, с. 65-66; Книпович, 1949, с. 15]. В 1867 г. к раскопкам Недвиговского городища обратился В.Г. Тизенгаузен, который, как обычно, не оставил подробной информации о своих работах. Расследованная им часть Танаиса представляла собой «безобразную груду дикарных камней от совершенно разрушенных строений, среди которых найдены лишь самые обыденные предметы домашнего хозяйства, как то: жернова, простые глиняные сосуды, целые и разбитые амфоры, терракотовые лампочки, грузила от неводов и несколько бронзовых монет III в. по Р.Х.» [ОАК, 1867, с. XIX-XX]. В.Г. Тизенгаузен провёл также исследования на большом насыпном холме, расположенному южнее городища, принимая его за курган. Весь этот холм состоял «из золы, перемешанной с черепками амфор и простых глиняных сосудов» и никаких гробниц не содержал [ОАК, 1867, с. XXII]. Вполне очевидно, что он провёл исследования на зольнике Танаиса.

В конце 1869 г. в Императорской комиссии стало известно, что при строительстве железнодорожной станции около хутора Недвиговка были открыты «какие-то древние подземелья, обложенные штучным камнем, несколько греческих надписей на мраморе и разные надгробные плиты» [1869 г., д. 10, л. 4]. По мнению С.Г. Строганова, все эти находки заслуживали внимания, их необходимо было осмотреть «сведущему лицу», снять планы построек, сделать рисунки и фотографические снимки. Атаман Войска донского, к которому С.Г. Строганов обратился с просьбой о содействии, попросил произвести осмотр древних руин директора Новочеркасской гимназии Родина. Тот осмотрел их вместе с художником Ознобшиным и определил это место как акрополь древнего Танаиса. О результатах осмотра он сообщал, в частности, что при добыче камня был обнаружен подземный ход, который, вероятно, являлся водопроводной галереей

(клоакой) древнего Танаиса или средневековой Таны. По этой галерее можно было свободно пройти 8 саженей (т.е. около 17 м), дальше проход сильно сужался [1869 г., д. 10, л. 8-9].

Проведение раскопок в 1870 г. было поручено П.И. Хицунову, который предпринял на городище и некрополе масштабные исследования и прислал в ИАК весьма содержательный отчёт [Книпович, 1949, с. 20; Шелов, 1970, с. 8-9]. Он начал свои работы с обследования обнаруженного там «подземного хода», признав его водопроводом или водостоком [1869 г., д. 10, л. 36 об.; см.: ОАК, 1870-71, с. XXIII-XXIV]. Основные работы исследователя были сосредоточены в восточной и юго-восточной частях городища, где практически повсеместно были выявлены остатки стен различных построек, обломки керамики, медные монеты и т.д. Обратив внимание на обожжённость многих камней, П.И. Хицунов пришёл к выводу, что «древний город истреблён преимущественно огнём» [1869 г., д. 10, л. 40].

В юго-восточном углу памятника было найдено огромное количество обломков мраморных плит, многие из которых имели надписи: 500 мелких и 200 крупных обломков, общий вес которых составлял более 42 пудов (около 680 кг) [там же, л. 37 об.]. Во время раскопок были открыты три глубокие ямы «отчасти наполненные золою и хлебным зерном»; среди находок зёрен исследователь выделил пшеницу и просо [там же, л. 38]. П.И. Хицунов обнаружил также две печи, одна из которых, по его определению, была предназначена «для плавления металлов или обожжения каменной (так в тексте – Ю.В.) посуды» [там же, л. 38].

В отношении керамических находок археолог верно заметил, что здесь нет «тонких раскрашенных черепков от посуды (т.е. расписных – Ю.В.)», как в Пантике или Фанагории [там же, л. 37]. Такая ситуация, конечно, связана с относительно поздним основанием Танаиса. П.И. Хицунов регулярно отмечал также находки амфорных ручек с клеймами, которые, скорее всего, принадлежат эллинистическому времени, т.е. являются самыми ранними материалами на городище.

За пределами городища исследователь обратил внимание на крупную насыпь и провёл на ней раскопки. О результатах этих работ он написал: «До самого низу холм насыпан был преимущественно из золы точь-в-точь как присыпи на горе Митридат, с той лишь разностью, что раскрашенных черепков от посуды не показалось, но в замен их обычнов^енных черепков, костей и стекла было оч^{ень} много» [там же, л. 41]. Нет сомнения, что П.И. Хицунов, как и барон Тизенгаузен ранее его, предпринял раскопки танаисского зольника.

Елизаветовское городище на Дону

Крупнейшее городище восточной части Скифии, расположенное в дельте Дона, порой ошибочно отождествлялось с дополемоновским Танаисом [см.: Марченко,

Житников, Копылов, 2000, с. 12-14]. По решению Императорской археологической комиссии исследования здесь были предприняты П.И. Хицуновым в 1871 г., который опять же предполагал найти там древний Танаис [ОАК, 1870-71, с. XXV]³⁶. Вся площадь городища в то время была изрыта [1869 г., д. 10, л. 64 об.]. Заложенные П.И. Хицуновым шурфы имели небольшую площадь (от 4,5 до 20,5 кв. м), но результаты этих работ весьма любопытны [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 16-18].

Во всех раскопах было обнаружено «множество черепков от битой глиняной простой и лаковой чёрной посуды без рисунков, жжёной глины, земли и золы» [1869 г., д. 10, л. 65]. Отмечено также большое количество рыбных костей и чешуи; в одном из раскопов чешуя залегала толстыми пластами. Это наблюдение позволило П.И. Хицунову сделать следующее заключение: «По всей вероятности, древнейшие обитатели этой местности преимущественно были ихтиофагами и занимались, как и теперешние казаки, главнейше рыболовством, а на открытом мною месте устроен был рыболовный (рыбообрабатывающий – Ю.В.) завод для приготовления рыбы» [там же, л. 65 об.]. Результаты современных исследований, в принципе, подтверждают это заключение – рыболовство действительно играло огромную роль в жизни обитателей Елизаветовского городища [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 176].

В культурном слое на одном из участков был обнаружен человеческий череп [1869 г., д. 10, л. 65]. Данная находка, вероятнее всего, не была случайной. Дело в том, что черепа или, скорей, отрубленные человеческие головы играли очень важную роль в религиозных представлениях местного населения. В 1979 г. в заполнении одной из полуземлянок, раскопанных на Елизаветовском городище, было выявлено несколько десятков человеческих черепов вместе с маленькими вотивными блюдечками [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 244-246, табл. 96, 1].

Чрезвычайно показательно также, что в одном из раскопов была обнаружена часть каменного фундамента, сложенного из дикарных камней [1869 г., д. 10, л. 65]. Совсем не исключено, что П.И. Хицунову удалось обнаружить остатки построек боспорской колонии, выведенной сюда после прекращения жизни на варварском городище приблизительно на рубеже IV-III вв. до н.э. Как показали раскопки 80 годов XX в., это поселение было застроено наземными домами со стенами, возведёнными на каменных цоколях [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 252 сл.]. «Не предвидя на городище ничего особенно замечательного в археологическом отношении и вообще встречая мало находок», П.И. Хицунов решил обратиться к раскопкам Елизаветовского курганного некрополя (см. главу 2.9).

³⁶ Мнение, что П.И. Хицунов провёл раскопки Елизаветовского городища в 1870 г. [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 14], ошибочно.

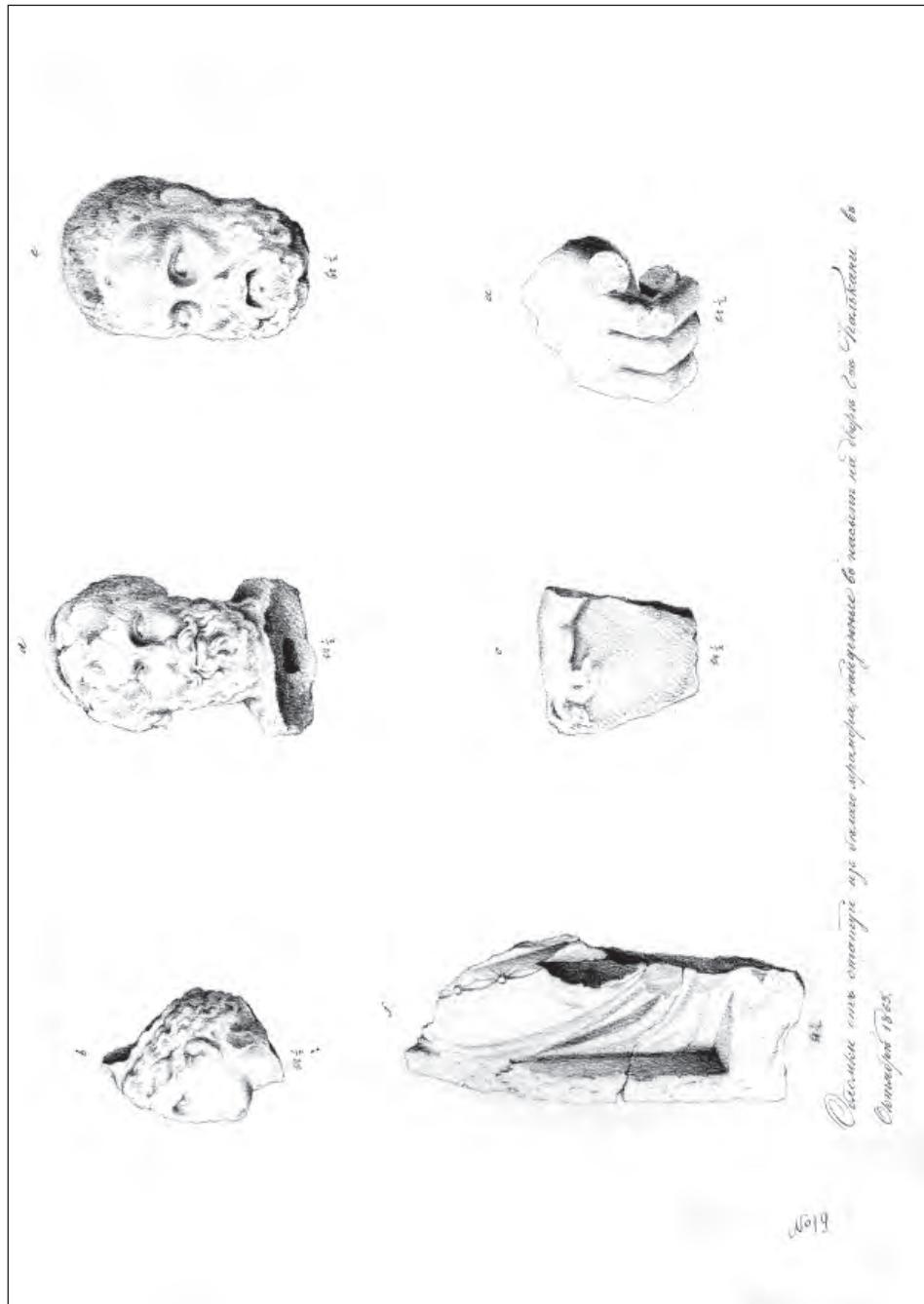

Рис. 54. Керчь. Обломки мраморных скульптур, найденные во дворе И. Калькани в 1865 г. [Р. 1, № 692, л. 13].

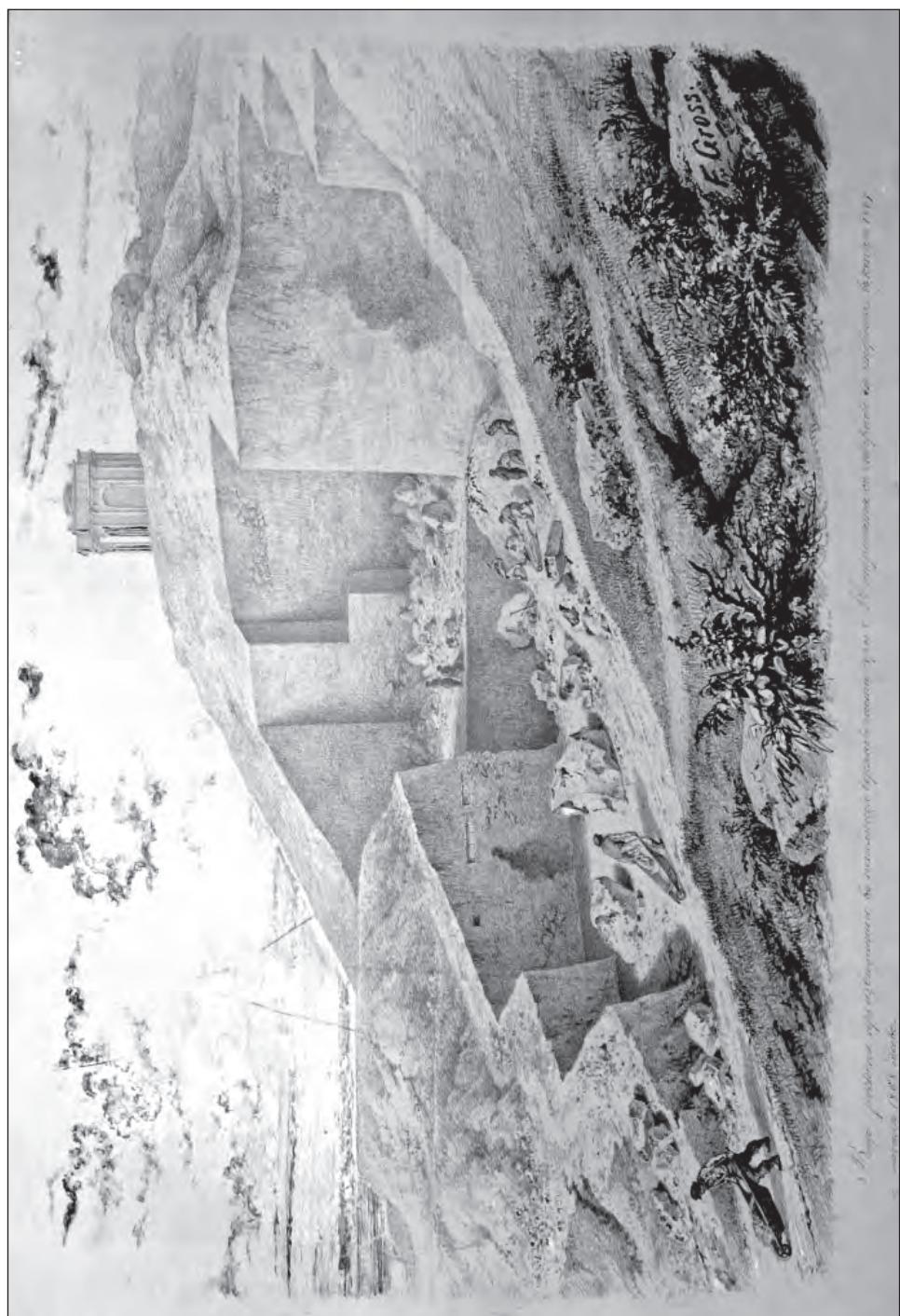

Рис. 55. Раскопки «пепелища» на северной стороне горы Митридат в 1868 г. [Р. 1, № 565, л. 1]. Сверху – памятник И.А. Степановскому, в борту видна часть водопровода из керамических труб.

Рис. 56. Раскопки на южной склонности горы Митридат в 1871 г. [Р. 1, № 693, л. 13 об.]

Рис. 57. Остатки древней постройки, обнаруженной на южной склонности горы Митридат в 1872 г. [Р. 1, № 693, л. 24].

Рис. 58. Фрагмент краснофигурной вазы, найденный на северном склоне горы Митридат в 1872 г. [Р. 1, № 693, л. 19 об.].

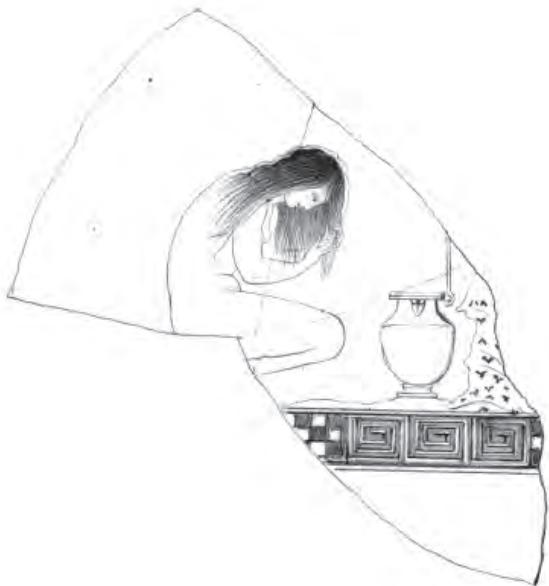
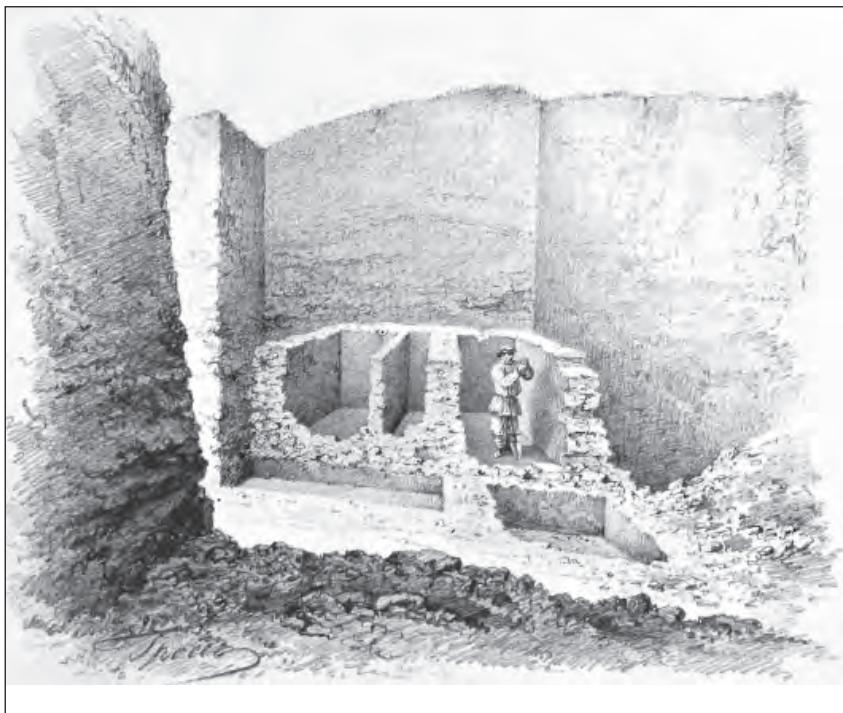

Рис. 59. Первая мирмекийская винодельня, открытая А.Е. Люценко в 1863 г. [Р. 1, № 564, л. 10].

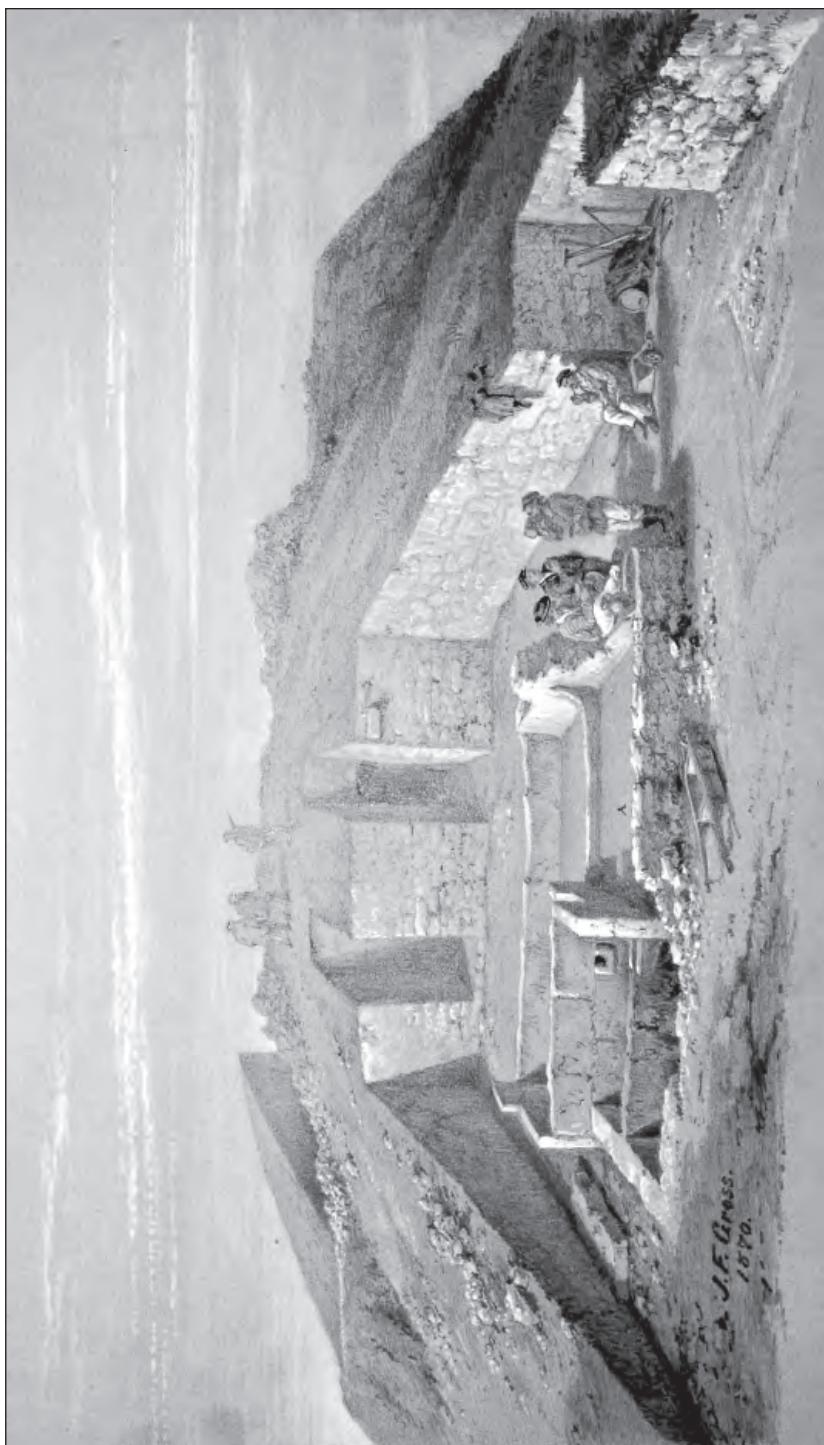

Рис. 60. Винодельня, открытая на Темир-горе в 1870 г. [Р. 1, № 564, л. 8].

2.11. Охрана памятников Боспора Киммерийского

Охрана открываемых памятников древности, как уже частично говорилось выше, в рассматриваемое время археологическое начальство занимала не очень сильно (см. главу 2.1-2.2; см. также: Пескова, Рябинин, 2009, с. 301). Имеющиеся документы дают основание считать, что для археологов того времени охрана памятников сводилась к защите курганов и грунтовых некрополей от грабителей древних могил. Об охране городищ речи вообще не шло, и они, как уже частично говорилось выше, с разрешения властей порой использовались для добывания строительного камня. Вопрос о реставрации древних памятников, защите их от человеческого вандализма и т.п. также почти не ставился. Местные жители без смущения брали глину из курганных насыпей для своих хозяйственных нужд, каменные склепы без должного надзора постепенно разрушались и т.д. Вполне очевидно, что допустить разрушение боспорских памятников, уже ставших известными во всём цивилизованном мире, конечно, было нельзя, однако противостоять этому печальному явлению без должной организации и специального финансирования было невозможно. В.Г. Тизенгаузен, опираясь на законодательные акты, даже заключил, что такая деятельность относится к сфере ответственности местных строительных комиссий и полиции, а отнюдь не к Императорской археологической комиссии [1864 г., д. 22, л. 1, 7].

Строго говоря, в то время в окрестностях Керчи были хорошо известны, по крайней мере, четыре памятника, о сохранности которых археологи должны были так или иначе позаботиться, это склепы, открытые в курганах Куль-Оба, Золотой, Царский и Мелек-Чесменский. Первый из них к 1875 г., как было сказано выше, был уже практически разрушен, не менее печальна и судьба Золотого кургана [см.: Виноградов, 2007]. С Царским и Мелек-Чесменским курганами дела обстояли иначе, хотя инициатива по принятию мер по их спасению, увы, исходила совсем не от Археологической комиссии.

В 1863 г. Керчь посетил наследник российского императорского престола великий князь Николай Александрович [1866 г., д. 7, л. 12]. Он, естественно, осмотрел достопримечательности, в том числе и Царский курган, отметив плохое состояние этого памятника. Царский курган в это время действительно имел жалкий вид: насыпь изрыта всякого рода ямами, около основания нагромождены кучи грунта, дромос был засыпан землёй и даже грозил обрушением (рис. 61). Высочайшее недовольство было доведено до руководства ИАК, и В.Г. Тизенгаузен незамедлительно отправился в Керчь, где обсудил с А.Е. Люценко меры по предотвращению дальнейшего разрушения этого памятника [см.: Гайдукевич, 1981, с. 29-32]. Поначалу они сводились к тому, что следует засыпать все ямы, образовавшиеся в насыпи при былых раскопках, восстановить вымостку пола склепа, разрушенные части дромоса и, наконец, построить около кургана караульный дом, в котором постоянно проживал бы сторож,

Глава II

содержание которого представлялось возможным отнести на счёт керченского городского бюджета [1864 г., д. 22, л. 2]. В дальнейшем дополнительно было решено окопать курган рвом и валом [там же, л. 9]. Такие работы, естественно, требовали немалых денежных средств, но найти их было очень непросто. На помощь Государственного казначейства и, тем более, керченских властей надежда была не очень большой. По мнению В.Г. Тизенгаузена, на это можно было бы выделить 1000 руб. из средств, оставшихся в Керченском музее неизрасходованными после завершения полевого сезона, а дополнительные суммы получить за счёт открытия повсеместной добровольной подписки [там же, л. 2]. По этому поводу в газете «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства» от 1 ноября 1864 г. была напечатана его статья, в которой, в частности, говорилось [1864 г., д. 22, л. 4-5]:

«Керчь – город промышленный, занимающий счастливое положение между двух морей и при нынешних удобствах пароходного с ним сообщения посещаемый множеством любознательных путешественников, которых привлекает к нему в особенности классическая его почва, а потому богатые жители этого города, вероятно, сочтут за долг по мере средств своих содействовать поддержанию столь замечательного местного памятника древности. Нет также никакого сомнения, что и менее достаточные жители Керчи не только найдут возможным, но и вменят себе в обязанность уделить на это добре дело хотя самую незначительную долю своих достатков».

При трезвом размышлении надеяться на щедрость керченских обывателей вряд ли приходилось, к тому же очень сомнительно, что все они регулярно читали «Полицейский листок», но В.Г. Тизенгаузен на проблему смотрел шире. В начале 1865 г. в Археологическую комиссию поступило письмо из Одесского общества истории и древностей. Её секретарь Н.Н. Мурзакевич посетил Керчь с целью осмотра курганов, и состояние Золотого и Царского вызвало у него огромные опасения. По этому поводу в письме говорилось [1864 г., д. 22, л. 6]:

«Золотой курган по давней запущенности и разрушению, сделанному керченскими жителями в прежнее время, теперь находится в таком положении, что его, если невозможно (очевидно, «и возможно» – Ю.В.), то очень дорого будет стоить восстановить.

Курган же Царский от прежних безотчётных раскопок по всей его наружной окружности близок к тому, что его свод просачивающиеся дождевою водою и засыпкою в непродолжительном времени может повредиться, а затем и обвалиться. Величественный коридор, построенный в египетском вкусе, уже начинает расхищаться своевольными окрестными

жителями. Необходимо спасти этот единственный древнейший памятник. Спасти гробницу можно не иначе, как 1) поручить её надзору *объездчиков*, 2) реставрированием египетского коридора, а во входе его *сделанием железной решётчатой двери* и 3) засыпкою землёю вершины и обочин кургана. Эта починка будет не дешева, тысяч пять или шесть рублей, но, производя её в несколько лет, издержка сделается мало чувствительной для Императорской археологической комиссии, *заведывающей керченскими курганами*.

Ответ на это послание был составлен И.Е. Забелиным. В нём одесским коллегам указывалось, что керченские курганы совсем не находятся в ведении Археологической комиссии, объездчики в деле охраны кургана от разрушения мало эффективны, ИАК уже предпринимает меры к спасению Царского кургана, а Одесское общество могло бы посодействовать сбору денег на его реставрацию, объявив подписку для сбора добровольных пожертвований [1864 г., д. 22, л. 7].

Директор Керченского музея писал в Археологическую комиссию, что при огромности размеров Царского кургана (по его измерениям, высота насыпи составляла более 17 м, а длина её окружности – 320 м) приведение его в «первобытный вид» потребует больших денежных средств, но их у него не было. К тому же керченские власти затягивали с составлением проекта и сметы реставрации [1864 г., д. 22, л. 11]. Из Петербурга ему отвечали, что Археологическая комиссия совсем не требует приведения Царского кургана в «первобытный вид», а лишь требует принять меры к сохранению дромоса и склепа [там же, л. 9, 11 об., прим., 14]. А.Е. Люценко справедливо считал, что «устройство вокруг кургана рва и вала едва ли необходимо, если к нему будет приставлен караульный или сторож» [там же, л. 11], и в Комиссии с этим доводом как будто согласились. Керченский археолог указывал также на сложность реставрации дромоса, обращая внимание на следующее обстоятельство [там же, л. 12]:

«Нам совершенно не известно как понижался свод галереи по мере приближения ея к подошве кургана и как устроен был вход в эту галерею. Известно только то, что они найдены были уже разрушенными. Реставрация их наугад была бы достойна не только сожаления, но и譙рицания».

Дело явно затягивалось, переписка со взаимными упрёками и указаниями на сложность мероприятия могла тянуться до бесконечности, и единственным человеком, который приступил к реальным работам по приведению Царского кургана в надлежащий вид, оказался А.Е. Люценко. Получив разрешение на использование денег, оставшихся неизрасходованными после раскопок 1864 г.,

он уже в марте 1865 г. убрал из дромоса накопившуюся там грязь, очистил основание насыпи перед ним от громоздившихся отвалов и даже заложил здесь небольшой раскоп. «Раскоп этот, – писал А.Е. Люценко, – обнаружил в расстоянии 6 саж. (12,80 м – Ю.В.) от начала галереи род ограды в виде треугольного вала, сложенного из неправильных камней разной величины, между которыми найдено несколько черепков от расписной глиняной амфоры» [1864 г., д. 22, л. 12]. Из этой краткой информации можно сделать заключение, что в IV в. до н.э. Царский курган был окружён оградой, сложенной из грубо обработанных камней.

Затем, опасаясь приближающейся осени, 20 августа 1865 г. А.Е. Люценко приступил к постройке караульного домика «по личному своему усмотрению», заключив договор с анатолийским греком Константином Муратовым [1864 г., д. 22, л. 9; 1865 г., д. 9, л. 9]. Тот оказался замечательным мастером своего дела и справился с поставленной задачей быстро и качественно: верхняя часть свода дромоса была реставрирована, при кургане был построен караульный дом с сараём при нём. О других работах, проведённых на кургане, А.Е. Люценко не без гордости докладывал С.Г. Строганову [1864 г., д. 22, л. 18-19]:

«Кроме того, сделан в погребальной комнате означенной гробницы новый каменный пол с крыльцом за 75 руб. и засыпана исправленная часть свода галереи от начала ея до вершины кургана землёю в виде откоса с обкладкой его дёрном. Земляные работы по восстановлению Царского кургана, состоявшие: в поднятии разрытой вершины его, засыпке всех углублений в насыпи с одной южной стороны, прорез подошвы впереди открытой части галереи для стока из нея дождевых вод и сделание над исправленною частию означенной галереи откоса, о котором упомянуто выше – стоили несколько дороже каменных работ, именно 1200 руб. 21 коп., но я полагаю, что без них реставрация царской гробницы не могла быть прочною. Общая же сложенность расходов, произведённых по работам в означенном кургане, составляет 2375 руб. 21 коп.

Скорым исполнением сих работ я много обязан производителю дел Археологической комиссии, который советовал мне приступить к ним хозяйственным образом, не ожидая архитектурных смет и проектов, усердию моего помощника г. Гросса и отличному знанию дела каменщика Муратова, который нашёл способ поднять на высоту около 5-ти саж. (более 10 м – Ю.В.) огромные штучные камни и положить их на место, не изменяя древней конструкции свода в галерее Царского кургана.

Отставнойunter-офицер таможенной стражи Станислав Пашкевич, нанятый мною ещё 23 мая за 100 руб. в год сторожем к Царскому кургану, поместился уже в отстроенном при нём караульном доме с своим семейством и продолжает получать от меня содержание. Впрочем, на

выдачу ему этого содержания с 23 мая я не имею до сих пор разрешения Комиссии».

Разрешение на это было вскоре получено. Подводя итог сказанному, следует признать, что реставрация 1865-66 гг. в значительной степени улучшила состояние Царского кургана (рис. 62), к тому же этот замечательнейший памятник боспорской архитектуры, наконец, получил надлежащую охрану. Бессспорно, всё это произошло благодаря усилиям Императорской археологической комиссии и особенно директора Керченского музея. После таких событий можно было бы надеяться, что дело охраны памятников Боспора Киммерийского приобретёт постоянный, систематический характер. Однако этой перемены, к сожалению, не произошло.

Уже в мае 1866 г. А.Е. Люценко вынужден был обратиться к керченскому градоначальнику по поводу того, что купец Арон Рубенштейн, получив в откуп содержание городских каменоломен, стал использовать по этому назначению руины Пантикалея [1866 г., д. 7, л. 2 сл.]. Более того, откупщик на законном основании мог брать десятую часть добываемого при раскопках камня, за исключением каменных статуй, рельефов и т.п., т.е. археологи облагались своего рода налогом. Рабочим, трудившимся на раскопках, при этом необходимо было иметь специальные документы, свидетельствующие, что они занимаются именно раскопками, а не добыванием камня. Е.А. Люценко информировал градоначальника, что из-за деятельности откупщиков уже серьёзно пострадал Золотой курган, его участь грозила Мелек-Чесменскому. Археолог пытался убедить его, что древние памятники нельзя смешивать с каменоломнями.

О своих действиях директор Керченского музея своевременно доложил в Петербург, где нашёл полное понимание, но изменить решение Керченской городской думы было очень не просто. В начале 1870 г. А.Е. Люценко ещё раз обратил внимание градоначальника, что гору Митридат и её продолжение к Золотому кургану следует исключить из контрактных условий откупщиков каменоломен [1866 г., д. 7, л. 11 об.]. Наконец, ИАК обратилась к генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии П.Е. Коцебу. В обращении, в частности, говорилось [там же, л. 19 об.]:

«В настоящее время хищнические раскопки ... гробниц и катакомб чрезвычайно усилились. Под видом добывания камня их разоряют здешние мещане, и таким образом найденные вещи поступают не в казну, а в некоторые городские лавки, где открыто производится противозаконная продажа».

П.Е. Коцебу разобрался в ситуации и в июле 1872 г. дал своё заключение, в котором требовал «обязать откупщиков городских каменоломен подпиською,

Глава II

чтобы они без предварительного сношения с музеем не позволяли никому добывать камень в насыпях, лежащих на горе Митридат и других близлежащих местностях» [там же, л. 24]. При этом если такое разрешение музей давал, то все работы должны были производиться под надзором археологов, а о случайных открытиях следовало доносить в музей [там же, л. 24 об.]. Тем самым для науки были спасены многие памятники, открытые на этой площади в последующие годы.

Что касается Мелек-Чесменского кургана, то его состояние беспокоило не только керченских, но и одесских археологов. В июне 1868 г. секретарь Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевич направил в Археологическую комиссию письмо, в котором обратил внимание на то, что открытая в кургане гробница находится без всякого присмотра, хотя она мало чем уступает склепу Царского кургана. Окрестные жители без смущения берут из насыпи глину, разрушая её, а в будущем они таким же образом могут разнести и камни гробницы. Для поддержания памятника, по мнению Н.Н. Мурзакевича, необходимо было выделять специальные денежные средства, а также осуществлять надзор за его состоянием, что могли бы делать директор музея, его помощник или объездчики [1866 г., д. 7, л. 5].

Из Археологической комиссии Н.Н. Мурзакевичу ответили, что Мелек-Чесменский курган, конечно, следует сохранить. Для этого в будущем при нём следует построить сторожку, как при Царском, но для этого в ИАК в настоящее время средства отсутствуют. До сведения секретаря Одесского общества довели также, что у директора Керченского музея объездчиков нет, а пешие надсмотрщики используются исключительно для наблюдения за производящимися раскопками. Оставалось надеяться на выделение средств из городского бюджета Керчи [1866 г., д. 7, л. 6], но эта надежда была очень эфемерной.

Мелек-Чесменский курган между тем продолжали разрушать. В январе 1870 г. А.Е. Люценко информировал об этом градоначальнику: «Здешние жители по-прежнему берут глину (из насыпи кургана – Ю.В.), несмотря на запрещение и неоднократные мои наставления у местной полиции о необходимости такого запрещения» [1866 г., д. 7, л. 16]. Из дромоса к тому времени уже было выломано несколько каменных блоков [там же]. В феврале 1870 г. А.Е. Люценко вновь писал градоначальнику, что песок и глину из насыпи Мелек-Чесменского кургана вывозят целыми подводами [1866 г., д. 7, л. 18]. Беспокойство по поводу состояния памятника вновь проявило и Одесское общество истории и древностей [там же, л. 17], информация об этом дошла до генерал-губернатора. В уже процитированном документе тот потребовал от полицейского управления Керчи запретить добычу камня и глины «в могильных местностях» и тем более разрушать древние склепы, подобные склепам Царского и Мелек-Чесменского курганов. Полиции приказывалось строго наблюдать за «охранением остатков древностей, найденных в разрытых могилах» [там же, л. 24 об.].

Дело, наконец, сдвинулось с мёртвой точки. В мае 1872 г. А.Е. Люценко писал в Археологическую комиссию, что по ходатайству Одесского общества Государственное казначейство получило распоряжение о ежегодном выделении на поддержание и охрану Мелек-Чесменского кургана 300 руб.³⁷ Тогда же на кургане были проведены реставрационные работы под наблюдением строителя Керченской крепости генерал-майора Седергольма, непосредственно ими руководил капитан Филиппенко. Прежде всего, был отремонтирован вход в дромос, при этом тогда было произведено его фотографирование, затем часть кладки с фронтом была разобрана и восстановлена в точности по древнему образцу [рис. 63; 1866 г., д. 7, л. 23]. Кроме того, была восстановлена сильно пострадавшая насыпь кургана. Денег, выделенных из казны, на оплату расходов не хватило, но положение спас керченский почётный гражданин купец 1-й гильдии А.К. Константинов, пожертвовавший на это 600 руб. [там же, л. 23 об.].

Таким образом Мелек-Чесменский курган был спасён для потомков. Следует признать, что основная заслуга в этом принадлежит не Археологической комиссии, а Одесскому обществу истории и древностей. Не удивительно, что уже с 1869 г. он оказался в ведении этой организации, и первым смотрителем кургана тогда стал И.С. Бескровный [Марти, 1913, с. 29].

Приведённые положительные примеры совсем не означают, что и другие памятники Боспора Киммерийского получили надлежащую охрану. В 1876 г. в Министерство народного просвещения поступил проект положения «о мерах к охранению на будущее время существующих памятников древности», для обсуждения которого было решено создать особую комиссию. В неё вошли по одному представителю от Императорской академии наук, Императорской академии художеств, Императорской археологической комиссии, Святейшего синода, а также от всех археологических обществ России. Председателем этой комиссии был назначен князь А.Б. Лобанов-Ростовский [Охрана памятников, 1978, с. 98-100, № 46]. От ИАК в неё был направлен П.И. Лерх [1876 г., д. 6, л. 7]. А.Е. Люценко, узнав о создании такой комиссии, направил в ИАК специальную записку, которую он назвал весьма пространно, вероятно, подражая названиям документов былых времён, – «О настоящем положении древних памятников в Керчь-Еникальском градоначальстве и о причинах, способствовавших к уничтожению их, а равно о стеснительных распоряжениях здешней Думы относительно раскопок в окрестностях Керчи и о существующей здесь продаже в магазинах и лавках босфорских древностей с некоторыми предположениями моими о мерах к ограничению этой продажи» [там же, л. 12]. К огромному сожалению, этот документ в Архиве ИИМК РАН отсутствует³⁸.

³⁷ Ю.Ю. Марти писал, что ежегодная сумма в 300 руб. на ремонт кургана и содержание при нём сторожа стала выделяться по указанию Александра II от 5 мая 1870 г. [Марти, 1913, с. 26].

³⁸ Комиссия А.Б. Лобанова-Ростовского выработала «Проект правил о сохранении исторических памятников». На основании этого документа предполагалось, что охрана памятников будет

Глава II

Каких-либо позитивных перемен в деле охраны памятников не произошло ни в конце XIX в., ни в начале XX в. Боспорские уступчатые склепы продолжали разрушаться. О судьбе одного из них, склепа № 48 в Пятом кургане Юз-Обы, В.В. Шкорпил сообщал в Археологическую комиссию в 1909 г. [Ф. 1, 1909 г., д. 10, л. 105 об. – 106]:

«Этот склеп представляет собой в настоящее время “мерзость запустения”. Живущие кругом каменоломы не довольствовались тем, что разрушили почти весь потолок дромоса этой красивой постройки, но выпилили в заднем правом углу и в задней стене самой усыпальницы два больших пролома, надеясь, вероятно, найти за стенами склепа драгоценные вещи. Варварство этих бояков дошло до того, что ими были срезаны, между прочим, почти все острые углы камней, из которых сложен свод усыпальницы. Закрытием склепа Императорская археологическая комиссия предотвратит окончательное разорение склепа, который всегда возможно будет открыть, если в Керчь приедет знаток древней архитектуры, желающий снова осмотреть, измерить и изучить этот интересный памятник древнего зодчества».

Не возникает сомнения, что в сложившейся ситуации этот памятник археологии мог быть спасён только в результате его полного закрытия. О претворении этого плана в жизнь нам, к сожалению, ничего не известно.

Большой проблемой оставалось сбережение боспорских расписных склепов, обнаруженных в основном на северной покатости горы Митридат. Спасти их от проникновения грабителей или вандализма владельцев земли, на которой те располагались, было практически невозможно. Роспись склепа Анфестерия, к примеру, соскрёб лопатой хозяин земли [1908 г., д. 13, л. 323-324; Ростовцев, 1914а, с. 170]. Знаменитый склеп Деметры был спасён благодаря тому, что Императорской археологической комиссии после долгих переговоров с владелицей земли А.В. Зайцевой и её родственниками в 1908 г. удалось приобрести весь этот участок в собственность [Зинько и др., 2009, с. 23]. Таким же образом собственностью ИАК стал склеп, открытый в 1891 г. [Ростовцев, 1914а, с.]. Наконец, в 1914 г. у Т. Лопатина был выкуплен участок с двойной катакомбой 1873 г. [1914 г., д. 4, л. 132, 137]. Эти важные шаги при всей их важности не могли кардинально изменить ситуацию с охраной памятников, к тому же начавшаяся мировая война, а затем две российские революции и Гражданская война вообще отодвинули этот вопрос в сферу малосущественных.

осуществляться Императорской комиссией о сохранении исторических памятников, вся территория России будет поделена на подчинённые ей археологические округа и т.д. [Охрана памятников, 1978, с. 101-109, № 48]. Однако на финансирование комиссии в государственной казне средств не нашлось [там же, с. 110, № 49], и охрана памятников осталась на прежнем, весьма невысоком уровне.

Рис. 61. Царский курган, сентябрь 1863 г. [Р. 1, № 564, л. 11].

Рис. 62. Царский курган после ремонта 1865–1866 г. [П. 1, № 692, л. 14].

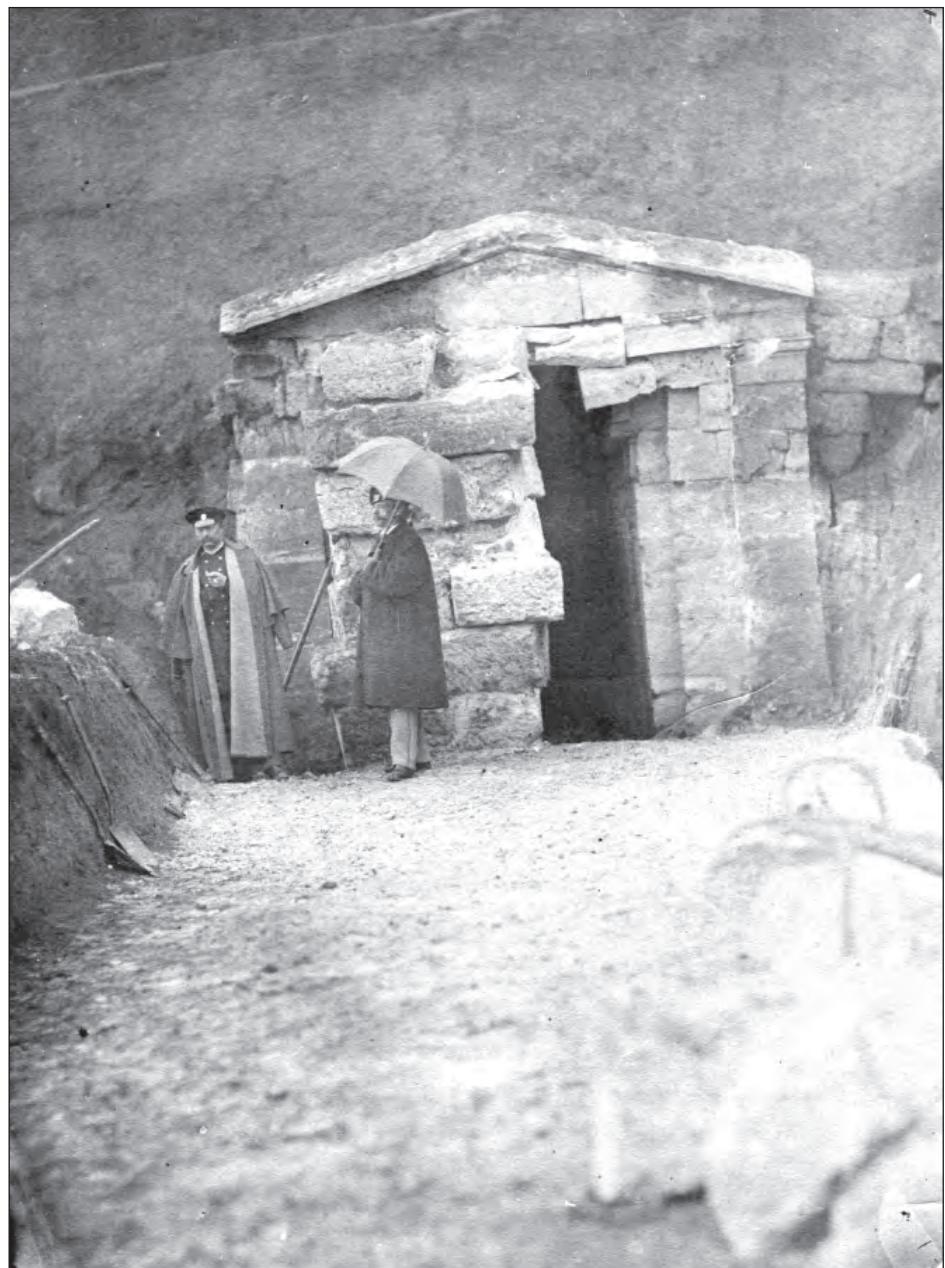

Рис. 63. Мелек-Чесменский курган после реставрации 1872 г. [1866 г., д. 7, л. 26]. Одна из первых фотографий в истории боспорской археологии.

2.12. Некоторые итоги

Создание Императорской археологической комиссии стало важной вехой в истории российской науки. Именно тогда была упорядочена вся система организации археологических работ в стране: разрешения на проведение раскопок – «Открытые листы» стали выдаваться только этим учреждением. Очень большое значение имело также введение системы ежегодных публикаций «Отчётов Императорской археологической комиссии». Первый выпуск отчетов вышел в 1862 г., он содержал информацию о раскопках 1858 и 1859 гг. В дальнейшем каждый том включал не только отчёт о раскопках, но и «Объяснение некоторых художественных произведений, найденных в Южной России», которое составлял Л.Э. Стефани. Его скрупулёзные, глубокие по содержанию исследования отдельных произведений античного искусства не потеряли своего научного значения до сих пор. Последний раз такое «Объяснение» было опубликовано в томе за 1881 г.; Л.Э. Стефани умер в 1887 г. [см.: Тункина, 2002, с. 236].

В отношении изучения древностей Боспора Киммерийского следует признать, что первые 20 лет работы Комиссии не были связаны с какими-то революционными преобразованиями в этой области. По-прежнему основное внимание уделялось раскопкам курганов, обещавших находки новых произведений древнегреческого искусства. На большинстве боспорских городищ исследования проводились эпизодически, но даже в тех случаях, когда они отличались большей продолжительностью, масштабностью и определенной последовательностью (Пантиканей, Фанагория), всё равно работы археологов нацеливались на открытие «древних мраморов», т.е. древнегреческих статуй или лапидарных надписей, в лучшем случае – на поиск руин храмов или жилищ древних обитателей. До осознания значимости массового археологического материала, разработки методов датировки открываемых объектов и т.д. было ещё далеко. Как правильно заметил С.И. Веребрюсов в 1881, на местах древнегреческих поселений «археологии ещё предстоит довольно занятий в будущем» [1881 г., д. 7, л. 5].

Надо признать, что руководство действиями керченских археологов со стороны Императорской археологической комиссии, а порой и их поддержка не только в финансовом отношении имели безусловное позитивное значение. Столь же оправданно стремление С.Г. Строганова упорядочить систему полевой отчетности, сделать документацию о раскопках более подробной, насыщенной информацией. К сожалению, на практике получалось так, что его требованиями по существу пренебрегали сами члены Комиссии, прежде всего барон В.Г. Тизенгаузен.

Охрана открываемых памятников древности в это время археологическое начальство занимала не очень сильно. Тем не менее, определённые шаги в этом направлении всё-таки предпринимались, и наилучшим примером подобного рода является реставрация склепа и насыпи Царского кургана.

К концу 70 годов постепенно стали уходить люди, олицетворявшие собой боспорскую археологию этого периода; 9 января 1878 г. А.Е. Люценко направил письмо С.Г. Строганову, в котором просил председателя Императорской археологической комиссии об увольнении на пенсию, и его просьба была исполнена. Должность директора Керченского музея древностей А.Е. Люценко занимал 25 лет, и его научная деятельность для боспорской археологии, безусловно, составила целый пласт, насыщенный самыми выдающимися открытиями. Увольнение произошло по его собственному желанию в связи с ухудшением здоровья, археологу была назначена пенсия в размере должностного оклада (928 руб. в год), сохранено право ношения мундира и даже «негласно пожаловано» единовременное денежное пособие в размере двух тысяч рублей [1877 г., д. 9]. На его место с 1 апреля 1878 г. был назначен С.И. Веребрюсов [1878 г., д. 30], который ранее возглавлял Феодосийский музей [Марти, 1926, с. 29; Петрова, 2000, с. 22; Лазенкова, 2003, с. 29 сл.]. Однако А.Е. Люценко, пока у него ещё оставались силы, продолжал заниматься любимым делом. Уже после ухода на пенсию он составил «Записку» о планах археологических работ на 1879 г.³⁹, предполагая провести раскопки на Юз-Обе, на продолжении северной покатости горы Митридат до Золотого кургана, в окрестностях Еникале и Темир-горы, под Эльтигеном, на Большой и Малой Близницах, Васюринской горе, Буеровой могиле, Ахтанизовке и т.д. [1879 г., д.. 6, л. 3]. Этот документ действительно можно рассматривать, как завещание керченского археолога своим преемникам [Зуев, 2007, с. 10].

Новый директор Керченского музея высоко ценил заслуги А.Е. Люценко [но ср.: Самоквасов, 1908, с. 56], и в своих раскопках он стремился следовать правилам, заложенным ранее. Полевые исследования начинались ещё зимой и проводились в основном на склонах горы Митридат; по мере потепления погоды археологи переходили на памятники, расположенные всё дальше от Керчи, затем перебирались на Таманский полуостров; осенью раскопки вновь сосредоточивались на Митридате.

В своём рапорте, направленном С.Г. Строганову 16 января 1879 г., С.И. Веребрюсов, естественно, обратил внимание на ряд первоочередных задач, стоявших перед музеем и вообще перед исследователями древностей Боспора Киммерийского. Прежде всего, он выразил озабоченность в связи с сохранностью памятников древности и заявил о необходимости возведения нового здания музея, в котором можно было бы разместить все находки, добытые к тому времени по обеим сторонам пролива и часто хранившиеся под открытым небом [1879 г., д. 6, л. 1]. Исследователь писал петербургскому начальству о важности пополнения музейной библиотеки новейшими научными изданиями, как отечественными, так и зарубежными, а также о подготовке издания каталога собрания Керченского музея [1879 г., д. 6, л. 2-3].

³⁹ В 1880 г. А.Е. Люценко получил «Открытый лист» на право проведения раскопок [1880 г., д. 10].

Глава II

Среди археологических памятников Восточного Крыма, на которых было необходимо провести раскопки, С.И. Веребрюсов назвал, кроме Пантикалея и Нимфея: Акру, Китей, Киммерик, Казеку на берегу Чёрного моря и Чокрак, Куль-Тепе и др. на берегу Азова (подробней о планах археологических работ С.И. Веребрюсова см. главу 3.1). Наконец, он, как представляется, первым среди керченских археологов обратил внимание властей на необходимость приобретения палаток, поскольку продолжительность полевого сезона и случавшиеся дожди или осенние холода требовали этого с полной очевидностью. С.И. Веребрюсов просил разрешения на приобретение двух палаток для рабочих и одной – для чиновников музея [1879 г., д. 6, л. 4].

Заключение на этот рапорт было подготовлено В.Г. Тизенгаузеном, который признал, что как ни желательно соединение в одном помещении древностей, открытых на Керченском и Таманском полуостровах, но сделать это невозможно ввиду значительности денежных расходов. Приобретение необходимой музею археологической литературы следовало отнести на счёт сумм, оставшихся от ассигнований прошлого года. Тот же источник должен был быть употреблён на публикацию каталога древностей Керченского музея, но предварительно его следовало представить в Петербург⁴⁰. Даже на приобретение трёх палаток у Комиссии не нашлось свободных средств [1879 г., д. 6, л. 9-10]. Ситуация, как видим, развивалась таким образом, что многое из задуманного С.И. Веребрюсовым не удалось воплотить в реальные дела: новое здание музея не было построено, каталог собрания Керченского музея не был опубликован, раскопки на обозначенных памятниках не были проведены и т.д. Да и само-

⁴⁰ О каталоге древностей, хранящихся в Керченском музее, вернее, о его злоключениях, следует сказать особо. Он был направлен в Археологическую комиссию 15 июля 1882 г., при этом предполагалось, что будет опубликовано 100 экземпляров книги на средства, оставшиеся неизрасходованными во время археологических раскопок предыдущего года [1882 г., д. 28, л. 1]. Каталог представлял собой не очень объёмный том, в котором все древности были распределены по отделам (I-XII), исходя из материала их изготовления: золото, серебро, бронза, железо, глина и т.д. По существу, это была обычная опись хранящихся вещей, при этом несколько одинаковых предметов (к примеру, краснофигурных сосудов или железных мечей) записывалось под одним номером. К сожалению, почти весь этот многочисленный материал был депаспортизирован, и лишь в редких случаях указывалось, что та или иная находка происходит из Куль-Обы, Большой Близницы, Темир-горы и т.д. На лицевой странице каталога имеется карандашная надпись «не печатать – В.Т.», поставленная, конечно, В.Г. Тизенгаузеном. Что же стало причиной такого решения? Комиссия посчитала, что каталог не соответствует «практической цели ознакомления обыкновенных посетителей с музеем». Надо было расписать, какой предмет где хранится: в каком шкафу, на какой полке или этажерке, при этом составителям рекомендовалось за образец взять «Древности Боспора Киммерийского» [1882 г., д. 28, л. 94]. Сокращённый вариант каталога, составленный в порядке размещения вещей в музейной экспозиции, т.е. буквально «разложенными по полочкам», был послан в Комиссию через шесть лет, 4 марта 1888 г. На рапорте о высылке этого варианта имеется пометка К.Е. Думберга о том, что он получен из ИАК 12 июня 1891 г. [1882 г., д. 28, л. 95], т.е. возвращён в Керченский музей за ненадобностью.

му директору Керченского музея древностей было отведено не слишком много времени для реализации намеченных планов, он скончался 6 марта 1884 г.

К тому времени С.Г. Строганов уже ушёл в отставку с поста председателя Императорской археологической комиссии. Письмо с просьбой об этом он подал 31 декабря 1881 г., мотивируя своё решение тем, что «болезненное состояние и лета» уже не позволяли ему более «заниматься делами как требует польза службы» [1882 г., д. 13, л. 1, 2, 55]. В составе комиссии тогда трудилось всего пять человек: старший член В.Г. Тизенгаузен, младший член Н.П. Кондаков, производитель дел И.А. Суслов, художник И.Н. Медведев и сторож, отставной унтер-офицер Михайлов. С.Г. Строганов просил «на первое время» сохранить этот личный состав, а на должность нового председателя Комиссии рекомендовал директора Эрмитажа А.А. Васильчикова. Последний получил новое назначение 12 марта 1882 г. Можно признать, что с этим событием в истории российской археологии закончилось время, которое олицетворяли реформы императора Александра II или, по крайней мере, на котором лежал отблеск Великих реформ и связанных с ними надежд.